R 95/272

П. Б. Аксельродъ

R 95
272

Борьба соціалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ революціонномъ движеніи.

Второе дополненное изданіе.

Изданіе М. М. Дружининой
и А. Н. Максимовой

1907

R95
279

П. Б. Аксельродъ

Борьба соціалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ революціонномъ движеніи.

Второе дополненное изданіе.

ср. 29-149

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. М. Дружининой и А. Н. Максимовой
1907

Типографія Н. Фридберга, СПБ., В. Сампсоніевскій пр., 62.

2007042330

Посвящается дорогой памяти моей жены,

Надежды Исаковны Аксельродъ.

Изъ Книгъ
А. Д. Карпѣева.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе ко второму изданію VII

Зарожденіе у насъ буржуазной демократіи, какъ самостоятельной революціонной силы 1

Историческія задачи и субъективныя цѣли русскаго революціоннаго движенія:

I. Преемственная связь нашего соціальдемократическаго движенія съ народническимъ 33

II. Отъ революціоннаго анархизма къ демократическому либерализму 46

Объединеніе россійской соціальдемократіи и ея задачи:

I. Итоги ликвидаціи кустарничества 69

II. Общереволюціонныя и пролетарскія тенденціи въ нашемъ движеніи 86

Приложеніе I. Письмо въ редакцію „Рабочаго Дѣла“ 97

Приложеніе II. Объявленіе о возобновленіи изданій группы „Освобожденіе Труда“ 116

Приложеніе III. Объявленіе объ изданіи журнала „Заря“ . . . 122

Изъ Книгъ
А. Д. Карпова.

Предисловіе ко второму изданію.

Господа, не вдумывающіеся въ особенности историческихъ условій, опредѣляющихъ процессъ зарожденія и развитія русскаго революціоннаго движенія, считаютъ въ немъ господство соціалистическихъ идей и лозунговъ результатомъ простого доктринерскаго подражанія Западу. При болѣе внимательномъ и вдумчивомъ отношеніи къ вопросу о причинахъ преобладающаго значенія соціализма въ освободительной борьбѣ Россіи противъ самодержавно-крѣпостническаго строя они увидѣли бы, что онъ этимъ обязанъ не субъективной прихоти русскихъ революціонеровъ, а объективнымъ условіямъ и насущнымъ интересамъ этой борьбы. Подобно другимъ идеологическимъ продуктамъ многовѣкового историческаго движенія Запада, перенесеннымъ на русскую почву и усвоеннымъ ею, и соціалистическія ученія и идеалы отвѣчали реальнымъ запросамъ и потребностямъ русской жизни, *служили средствомъ для рѣшенія задачъ, выдвинутыхъ этой жизнью*, а потому самому и пустили въ ней глубокіе корни и вошли въ нее, какъ прочный, органическій элементъ нашего революціоннаго движенія.

Широкая, побѣдоносная борьба противъ крѣпостническаго государственнаго строя оказалась у насъ невозможной безъ предварительной организаціи сознательно-революціоннаго движенія въ нашихъ *экономически эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ* слояхъ народа, во имя ихъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ. Въ этомъ объективномъ и обусловленномъ русской дѣйствительностью фактѣ, а отнюдь не въ субъективномъ стремленіи „доктринеровъ“ слѣпо подражать опередившимъ насъ народамъ, лежитъ источникъ той первостепенной роли, какую пріобрѣлъ соціализмъ въ современномъ освободительномъ движеніи Россіи.

Нигдѣ, кажется, на Западѣ историческій процессъ образованія централизованнаго самодержавнаго государства не завершился такимъ абсолютнымъ обезсиленіемъ общества передъ государственной властью, какъ у насъ, и нигдѣ же старый режимъ и въ отдаленной степени не обладалъ такими колоссальными средствами для борьбы съ „внутренними врагами“, какъ въ Россіи. Въ періодъ зарожденія нашего революціоннаго движенія, въ концѣ 50-ыхъ и началѣ 60-ыхъ годовъ, государственной власти, вооруженной колоссальными военно-полицейскими средствами подавленія „крамолы“, противостояло у насъ общество, лишенное сколько-нибудь развитой общественно вліятельной торгово-промышленной буржуазіи и многочисленнаго городского мѣщанства, расколотое на два непримиримо враждебныхъ лагеря—крестьянство и дворянство,—изъ которыхъ каждое обращало свои взоры къ трону, какъ къ единственному своему спасителю. И единственными носителями оппозиціонныхъ стремленій являлись идеологи дворяне, представлявшіе собою горсть въ общей массѣ дворянства, и передовые элементы разночинной интеллигенціи, главнымъ образомъ университетской молодежи, за спиной которой не стоялъ тогда общественно-вліятельный слой образованной буржуазіи изъ представителей свободныхъ профессій, потому что слой этотъ въ то время еще только нарождался. Объ эти оппозиціонныя силы, вмѣстѣ взятыя, были слишкомъ незначительны, совершенно ничтожны по сравненію съ силами самодержавія, опиравшагося не только на свои административныя и военно-полицейскія средства, но и на соціальную безпомощность и зависимость отъ него какъ главной массы народа—крестьянства, — такъ и угнетавшаго его привилегированнаго сословія.

Но силы оппозиціи ослабѣли еще оттого, что разночинная интеллигенція и передовое дворянство разошлись въ разныя стороны, какъ принципіальные враги, по вопросу объ условіяхъ ликвидаціи крѣпостного права. Для первой интересы крестьянъ стояли на первомъ планѣ, а до того, какъ отразится освобожденіе ихъ отъ помѣщичьей власти, ей совсѣмъ не было или очень мало было дѣла. Этотъ вопросъ былъ для нея безразличенъ. Дворянскіе же идеологи, наоборотъ, очень внимательно и бережно относились къ интересамъ помѣщиковъ, съ которыми они

соціально и кровно связаны были, они очень близко принимали къ сердцу эти интересы и готовы были даже отождествлять ихъ съ интересами культуры, цивилизаціи и т. д. И такъ какъ условія отмѣны крѣпостного права опредѣлили положеніе крестьянскихъ массъ въ теченіе всей послѣдующей эпохи, заранѣе обрекали ихъ на кабальную зависимость отъ помѣщиковъ и оставляли ихъ въ крѣпостной власти самодержавной бюрократіи, то радикальное освобожденіе крестьянства отъ соціально-экономическаго и политическаго рабства стало основнымъ вопросомъ нашего революціоннаго движенія, а политическій разрывъ идеологовъ разночинной интеллигенціи съ прогрессивными, свободолюбивыми элементами дворянства, совершившійся на зарѣ этого движенія, сталъ прочнымъ фактомъ и легъ въ основу распаденія оппозиціонныхъ элементовъ въ народническій періодъ на либераловъ и соціалистовъ или соціальныхъ революціонеровъ.

Указанныя обстоятельства, въ своей совокупности, исключали возможность возникновенія на соціальныхъ верхахъ такой энергичной открытой оппозиціи, которая, заражая и возбуждая среднія и низшія сословія, вызвала бы широкое стихійное движеніе на низахъ, способное подобно стихійнымъ народнымъ взрывамъ конца XVIII и первой половины XIX вв. на Западѣ заставить правительство капитулировать. И тѣ же причины мѣшали возникновенію самостоятельнаго стихійнаго народнаго движенія противъ крѣпостническаго режима. Разночинной интеллигенціи пришлось поэтому вступить въ борьбу съ этимъ режимомъ на свой рискъ и страхъ, начать ее своими собственными наличными силами и средствами. Но, разумѣется, надолго ихъ не хватило бы и непосредственный тяжелый опытъ самъ собою толкнулъ бы ее на поиски точекъ опоры въ народныхъ массахъ. Но еще прежде чѣмъ революціонное движеніе захватило значительные круги интеллигенціи, она съ Запада получила указаніе и импульсъ для вступленія на этотъ путь. „Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“, гласилъ первый пунктъ статутовъ Интернаціонала. Примѣняя это положеніе къ отсталымъ, до-буржуазнымъ отношеніямъ Россіи, революціонная интеллигенція конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ провозгласила своимъ лозунгомъ: „Освобожденіе народа (т. е. крестьянства) должно быть дѣломъ самого народа“,

и для осуществленія его рѣшила пойти въ деревню и слиться съ ея передовыми элементами на почвѣ подготовленія общекрестьянскаго возстанія.

Подъ какимъ идейнымъ знаменемъ и во имя или ради какихъ „конечныхъ цѣлей“ и идеаловъ могло начаться и развиться это движеніе революціонной интеллигенціи? Разумѣется, подъ тѣмъ знаменемъ и во имя тѣхъ идеаловъ, которые являлись революціонными въ передовыхъ странахъ. Либерализмъ былъ уже дискредитированъ въ этихъ странахъ, а у насъ онъ сугубо дискредитированъ былъ тѣмъ, что служилъ идейнымъ оружіемъ въ рукахъ передовыхъ элементовъ дворянства для борьбы со стремленіями вызвать революціонное движеніе въ народныхъ массахъ и санкціонировалъ ихъ собственное стремленіе улучшить бытъ крестьянъ крайне медленными и постепенными реформами сверху. Идейную санкцію и практическіе импульсы для организаціи народнаго движенія давалъ только революціонный пролетарскій соціализмъ, и потому его ученія стали идейнымъ знаменемъ для нашей радикальной демократіи въ ея борьбѣ противъ пережитковъ крѣпостнической эпохи.

Первая политическая дифференціація оппозиціонныхъ элементовъ произошла у насъ, такимъ образомъ, на почвѣ сословнаго антагонизма крестьянства съ дворянствомъ, и противопоставленіе соціализма либерализму выражало при этомъ только противоположныя тенденціи идеологовъ разночинной интеллигенціи и прогрессивныхъ слоевъ привилегированныхъ сословій въ вопросѣ о предѣлахъ, путяхъ и средствахъ ликвидаціи этого антагонизма, какъ и антагонизма всего народа съ бюрократическимъ самодержавіемъ.

Вызвать организованное сознательное революціонное движеніе въ крестьянствѣ народникамъ, какъ извѣстно, не удалось и по извѣстнымъ причинамъ не могло удасться. Возможность же широкаго, стихійнаго движенія крестьянскихъ массъ, на которое расчитывали чистые бунтари, свободные отъ оковъ „доктрины“, какъ я уже отмѣтилъ, исключалась современной организаціей военно-полицейскихъ силъ государства и всей совокупностью громадныхъ техническихъ и административныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи государственной власти. Рѣшить историческую задачу, стоявшую передъ народни-

ками — вызвать массовое народно-революціонное движеніе — оказалось возможнымъ только тогда, когда на русской почвѣ появился, въ лицѣ промышленнаго пролетаріата, эксплуатируемый классъ съ самостоятельными интересами, способный, въ силу своего историческаго положенія, къ длительному организованному отстаиванію своихъ интересовъ. Съ этого момента въ русской жизни все большее и большее значеніе началъ пріобрѣтать новый соціальный факторъ, исторически принадлежащій уже новѣйшему, буржуазно-капиталистическому обществу: классовый антагонизмъ труда и капитала и борьба промышленныхъ пролетаріевъ съ капиталистами. Отнынѣ соціализмъ уже потерялъ характеръ одной только внѣшней идейной оболочки для исторически и принципіально чуждаго ему соціальнаго содержанія; наоборотъ, онъ становится знаменемъ по существу такого же народно-революціоннаго классоваго движенія пролетаріата, какъ и на Западѣ. Этимъ самымъ новое, соціальдемократическое движеніе вызвало раздѣленіе среди самой демократической интеллигенціи: часть ея продолжала блюсти завѣты народничества и во имя этихъ завѣтовъ объявила ожесточенную войну соціальдемократамъ, стремившимся дать соціализму прочную реальную основу въ русской дѣйствительности; этимъ народники, сами не сознавая того, превращались изъ соціалистовъ—по своему субъективному настроенію или въ силу историческаго недоразумѣнія—въ антисоціалистовъ или буржуазныхъ демократовъ. На другомъ, противоположномъ полюсѣ стояли тѣ представители радикальной интеллигенціи, которые, признавая очередной задачей современнаго революціоннаго движенія уничтоженіе сословнаго и самодержавнаго режима, понимали въ то-же время, что сама по себѣ задача эта не есть соціалистическая и что реальнаго соціалистическаго содержанія въ этомъ движеніи будетъ ровно настолько, насколько пролетаріатъ будетъ въ немъ выступать, какъ самостоятельная, проникнутая сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ, сила. Но борьба соціальдемократической интеллигенціи съ народническими воззрѣніями была необходима не только съ принципіальной точки зрѣнія современнаго соціализма, но и въ насущныхъ интересахъ борьбы съ старымъ режимомъ, такъ какъ возможно болѣе сознательное и организованное движеніе пролетаріата яв-

лялось однимъ изъ необходимѣйшихъ условій для организаціи планомѣрнаго натиска на этотъ режимъ и для того, чтобы и другіе классы населенія вывести изъ политической пассивности и политическаго индифферентизма.

Принимаясь за предисловіе, я не намѣревался удѣлить въ немъ мѣста спеціальному разсмотрѣнію историческаго права соціализма на преобладающую роль въ русскомъ революціонномъ движеніи. Такое намѣреніе едва ли и выполнимо было бы въ рамкахъ предисловія. Я желалъ лишь указать и подчеркнуть, что роль соціализма въ нашемъ движеніи обусловлена исторической потребностью послѣдняго — а не субъективными пристрастіями отдѣльныхъ его представителей — въ мобилизаціи широкихъ народныхъ массъ на арену революціонной борьбы не какъ стихійной силы, способной лишь на минутные взрывы или моментальныя „боевыя выступленія“ въ роли чисто физической силы и пушечнаго мяса, а въ качествѣ политически сознательной и организованной силы, сознающей и систематически отстаивающей свои интересы, способной планомѣрно подкапывать основы крѣпостническаго государственнаго строя и изо дня въ день съ разныхъ сторонъ напирать на него. Эта потребность имѣла своимъ источникомъ отсутствіе серьезныхъ конфликтовъ и сильныхъ оппозиціонныхъ элементовъ въ высшихъ и среднихъ классахъ и невозможность возникновенія и развитія сколько-нибудь широкихъ стихійныхъ народныхъ движеній противъ устарѣлаго соціально-политическаго режима, опирающагося на колоссальную армію, на усовершенствованную полицію, на многочисленную централизованную администрацію, имѣющую въ своемъ распоряженіи телеграфъ и желѣзныя дороги, и... на политическое раболѣпіе или индифферентизмъ экономически господствующихъ слоевъ, обрекавшіе легальную оппозицію на политическое безсиліе и политическую пассивность.

Но аппелировать къ народнымъ массамъ во имя ихъ спеціальныхъ интересовъ, выяснять и обобщать имъ эти интересы, призывать эксплоатируемыя и угнетаемыя массы къ организованной, длительной, постоянной борьбѣ за свои интересы, значило—противопоставлять этимъ послѣднимъ, какъ непримиримо враждебные имъ, интересы экономически и соціально господствующихъ классовъ. Такое противопоставле-

ніе было бы неизбѣжно и необходимо и безъ внесенія соціалистическихъ идей въ революціонное движеніе, разъ оно начало бы развиваться, какъ движеніе низшихъ классовъ, или стремилось бы развиться въ такое движеніе. Это было тѣмъ болѣе неизбѣжно, что ликвидація крѣпостного права была не результатомъ, а отправнымъ пунктомъ, нашего революціоннаго движенія, предопредѣлившимъ на цѣлыя десятилѣтія его соціальное содержаніе и непосредственныя задачи и еще до его возникновенія расколовшимъ прогрессивную оппозицію на либеральную и соціалистическую. Соціалистическія идеи только теоретически и принципіально осмысливали этотъ антагонизмъ интересовъ и стремленій, на почвѣ которыхъ зародилось и развивалось наше освободительное движеніе. Безъ теоретическаго и практическаго вліянія современнаго соціализма на ходъ и направленіе этого движенія, антагонизмъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ проявлялся бы въ немъ только гораздо болѣе хаотично и сопровождался бы гораздо болѣе вредными для борьбы за свободу послѣдствіями, чѣмъ это было до сихъ поръ въ дѣйствительности.

Но какъ бы глубоки ни были реальныя основы соціалистическихъ ученій и идей въ русскомъ революціонномъ движеніи, какъ ни серьезно обосновано ихъ историческое право играть въ немъ первостепенную роль, этимъ все же не устраняется тотъ несомнѣнный фактъ, что современный соціализмъ, какъ историческій продуктъ развитія уже вполнѣ сложившагося, свободнаго отъ пережитковъ феодально-абсолютической эпохи буржуазно-капиталистическаго общества, внесъ въ наше освободительное движеніе принципіальное противорѣчіе, наложившее особую печать на все его развитіе. „Передъ революціонерами стояли двѣ, исторически разнородныя и принципіально какъ бы исключающія другъ друга и въ то же время не разрѣшимыя одна безъ другой задачи: исторія ставила передъ ними задачу подготовленія силъ для буржуазной революціи, но та же исторія толкала ихъ на борьбу противъ юнаго, порабощеннаго еще у насъ буржуазнаго общества и властно требовала отъ нихъ вступленія на путь подготовленія и организаціи силъ для революціи соціалистической — *въ интересахъ революціи буржуазной*. Выполненіе революціонно-соціалистической

задачи являлось исторически необходимымъ условіемъ для рѣшенія принципіально противоположной ей задачи. И само собою разумѣется, что объективно, въ сознаніи революціонеровъ, средство это должно было имѣть значеніе самодовлѣющей цѣли. Въ противномъ случаѣ соціализмъ не могъ бы явиться идейнымъ источникомъ того воодушевленія, самоотверженія и героизма, безъ которыхъ немыслима у насъ революціонная борьба. Но общественныя отношенія, и прежде всего, политическій строй и культурный уровень населенія Россіи, съ своей стороны стихійно благопріятствовали противоположной тенденціи, тенденціи превратить дѣло подготовки буржуазной революціи въ самодовлѣющую цѣль, а соціализмъ низвести до роли простого орудія и внѣшней, казовой оболочки для достиженія этой цѣли. Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, историческая почва, породившая и питавшая тотъ антагонизмъ между субъективными и объективными тенденціями и задачами нашего революціоннаго движенія, который проходитъ красной нитью черезъ всѣ фазы его развитія, начиная съ шестидесятыхъ годовъ и кончая переживаемымъ нами моментомъ." *)

Развитіе и проявленіе этого антагонизма въ разные періоды и фазисы русскаго революціоннаго движенія и составляютъ главное содержаніе статей, вошедшихъ въ предлагаемый сборникъ. Написанныя въ разное время и по разнымъ поводамъ, всѣ онѣ такъ или иначе трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ и въ этомъ смыслѣ составляютъ одно цѣлое.

Въ народническій періодъ соціализмъ являлся на русской почвѣ соціально-безплотнымъ идеаломъ, реально совершенно не связаннымъ съ насущными очередными задачами и запросами переживаемаго Россіей историческаго періода; соціализмъ эпохи 70-хъ годовъ стоялъ даже въ теоретически враждебномъ отношеніи къ главнѣйшей изъ этихъ задачъ—борьбѣ за политическую свободу. Онъ выражалъ не объективныя историческія потребности, а революціонно-идеалистическое настроеніе демократической интеллигенціи, жаждавшей работать на пользу удовлетворенія этихъ потребностей. Но по мѣрѣ того, какъ револю-

*) Изъ предисловія къ первому изданію, вышедшему заграницей въ маѣ 1906 г.

ціонная интеллигенція переходила на почву непосредственной практической дѣятельности и ближе соприкасалась съ общественной дѣйствительностью, она все болѣе и болѣе начала тяготиться соціалистическими ученіями (утопическими), какъ принесенными извнѣ „доктринами", мѣшающими ей свободно выработать программу дѣйствія и принять практическіе лозунги, соотвѣтствующіе потребностямъ окружающей соціальной среды. Въ концѣ концовъ буржуазно-демократическія тенденціи начали оттѣснять на задній планъ соціалистическія. Главные этапы этой эволюціи народничества указаны въ статьѣ „Историческія задачи и субъективныя цѣли русскаго революціоннаго движенія", и именно во второй ея главѣ.

Всѣ другія статьи относятся къ соціальдемократическому періоду. Марксизмъ устранилъ теоретическую пропасть между исторической задачей разрушенія сословно-абсолютистскаго строя и соціалистическими стремленіями интеллигенціи и указалъ путь къ органическому сочетанію на почвѣ практической дѣятельности этой очередной задачи съ работой на пользу подготовки соціалистической революціи. Но антагонизмъ между интересами борьбы противъ стараго режима и соціалистическими стремленіями революціонныхъ элементовъ возродился, подъ новой оболочкой, въ новыхъ формахъ, и въ средѣ самой соціальной демократіи. Она съ самаго начала поставила себѣ цѣлью развивать классовое сознаніе въ рабочихъ массахъ и сплачивать ихъ въ самостоятельную классовую силу. Преслѣдованіе же этой цѣли неразрывно связано съ развитіемъ въ нихъ сознанія „враждебной противоположности" ихъ классовыхъ интересовъ интересамъ всѣхъ буржуазныхъ классовъ.

„Но какъ примирить и сочетать эту задачу съ полярно-противоположной ей *стихійной* тенденціей режима всенароднаго политическаго порабощенія политически сближать и объединять буржуазію и пролетаріатъ и съ *необходимостью* такого сближенія въ интересахъ борьбы противъ этого режима?

„Марксизмъ даетъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ и на этотъ вопросъ, рѣшаемый соотвѣтствующей тактикой. И только при помощи тактики, построенной на органическомъ сочетаніи указанной чисто пролетарской задачи съ общедемократическими запросами и задачами совре-

менная освободительнаго движенія Россіи, партія наша могла-бы вполнѣ удовлетворительно выполнять свою историческую миссію. Но, съ другой стороны, тотъ же старый режимъ и вся совокупность историческаго наслѣдія, оставленнаго „дореформенной“ эпохой, въ чрезвычайной степени затрудняли процессъ усвоенія и проведенія въ жизнь такой тактики. И низкій культурный уровень рабочихъ массъ, и спутанность элементовъ сословнаго и классоваго антагонизма, и политическая пассивность экономически и соціально господствующихъ классовъ до недавняго времени—все это, кромѣ полицейскаго произвола, мѣшало русской соціальдемократіи выработать и примѣнить политическую практику, которая соотвѣтствовала-бы въ одно и то же время дѣлу подготовленія буржуазной революціи и дѣлу подготовленія пролетаріата къ революціи соціалистической. Огражденіе политической самостоятельности пролетаріата она преслѣдовала, въ очень значительной степени, формальнымъ образомъ, съ догматически доктриперской односторонностью—на счетъ и во вредъ властному требованію момента подготовлять и организовать политическую коалицію буржуазной демократіи съ соціалистической для взаимной поддержки въ оборонительной и наступательной борьбѣ противъ стараго порядка. И именно поэтому она оказывается теперь далеко не на высотѣ задачъ переживаемаго нами момента—какъ принципіально пролетарскихъ, такъ и общедемократическихъ“ *).

Внутри соціальдемократической интеллигенціи антагонизмъ буржуазныхъ и соціалистическихъ тенденцій началъ проявляться въ теченіе второй половины 90-хъ годовъ по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны экономическая агитація возводилась въ рангъ единственно законной, исключительно правомѣрной формы воздѣйствія на рабочія массы, а съ другой — въ легальной прессѣ марксизмъ превращался въ теоретическую оболочку для апологіи капиталистическаго прогресса и въ орудіе для освобожденія интеллигентской совѣсти отъ плѣна соціалистической „доктрины“. Сторонники суженія соціальдемократической практики ограниченнымъ кругомъ интересовъ, потребностей и стремленій наиболѣе отсталыхъ слоевъ пролетаріата противопоставляли эту прак-

*) Изъ предисловія къ первому изданію.

тику требованію внесенія широкихъ задачъ въ движеніе и объединенія его разрозненныхъ элементовъ общей программой, какъ „чисто рабочее движеніе"—утопической доктринерской затѣѣ, вредной интересамъ освободительнаго движенія пролетаріата въ современной Россіи. А параллельно съ этимъ легальные полумарксисты сбрасывали съ себя идейное облаченіе марксизма и, противопоставляя свой „ревизіонистскій марксизмъ" марксизму ортодоксальному, постепенно превращались въ либеральныхъ демократовъ и просто либераловъ. И оба эти, субъективно полярно-противоположные элементы одно время тяготѣли другъ къ другу. Сторонники традъюніонистскихъ формъ рабочаго движенія (до поры до времени) искали въ ревизіонизмѣ, бернштейніанствѣ и т. п. теоретическую санкцію для своей „тактики", а критики ортодоксальнаго марксизма не безъ основанія видѣли въ практикѣ „экономизма", отрицавшаго въ сущности право на существованіе соціальдемократіи въ современной Россіи, орудіе для подготовленія политической гегемоніи буржуазной демократіи надъ рабочими массами.

Статьи, помѣщенныя какъ приложеніе, относятся именно къ этому періоду нашего движенія, и главнымъ образомъ къ послѣднимъ моментамъ его, когда результаты указанной эволюціи уже болѣе или менѣе фиксировались и самъ „экономизмъ" вступилъ уже въ фазу своего разложенія. Демонстраціонное движеніе 1901 г. съ достаточной убѣдительностью обнаружило конечную тенденцію этой эволюціи—политически обезличить пролетаріатъ съ одной стороны, революціонизировать его настроеніе съ другой, и предоставить буржуазно-демократическимъ элементамъ использовать это революціонное настроеніе рабочихъ массъ въ своихъ интересахъ. Статья „Зарожденіе у насъ буржуазной демократіи" и посвящена разсмотрѣнію симптоматическаго значенія весеннихъ событій 1901 года въ только что указанномъ смыслѣ.

События эти окончательно похоронили „экономизмъ", за то дали рѣшительный толчекъ развитію въ партіи бунтарско-заговорщицкихъ тенденцій и возникновенію такого же односторонняго отношенія къ уличнымъ демонстраціямъ, какъ въ періодъ экономизма—къ стачкамъ. На почвѣ и подъ впечатлѣніемъ демонстраціоннаго движенія появляется стремленіе затушевать разногласія между

соціальдемократіей и другими революціонными группами ради *объединенія* для борьбы съ абсолютизмомъ. Въ то же время дѣлается попытка принципіально обосновать шаткость, стремительность и вообще крайній оппортюнизмъ въ тактикѣ соображеніемъ о необходимости приспособляться къ стихійности событій и безсознательности массъ. Противъ остатковъ „экономизма", оппортюнистическихъ тенденцій и стремленій перекинуть мостъ между соціальдемократіей и буржуазно-революціонной демократіей ведутъ безпощадную борьбу „Искра" и „Заря", вокругъ которыхъ группируются боевые элементы въ русской соціальдемократіи. Объединеніе ея разрозненныхъ силъ въ централизованную организацію, съ принципіально-выдержанной въ духѣ „ортодоксальнаго" марксизма программой и тактикой, для энергичной политической борьбы—таковъ центральный практическій лозунгъ и практическая квинтъ-эссенція названныхъ изданій *).

Итоги этого фазиса сказались въ извѣстной мѣрѣ на второмъ съѣздѣ партіи, подготовленномъ, главнымъ образомъ, организаціей „Искры". Этотъ съѣздъ формально объединилъ партію, но на дѣлѣ положилъ начало новому расколу въ ней и внесъ въ ея ряды дезорганизацію, гораздо болѣе глубокую и зловредную, чѣмъ та дезорганизація, которая обусловлена была естественно сложившейся самостоятельностью изолированныхъ и разбросанныхъ по разнымъ городамъ соціальдемократическихъ комитетовъ. Расколъ при этомъ произошелъ не на почвѣ программныхъ или тактическихъ вопросовъ, даже не въ области вопроса о формахъ организаціи, а исключительно на почвѣ частностей организаціоннаго аппарата. И такъ называемое „большинство"—въ одинъ голосъ—состряпано было при помощи бонапартистскихъ способовъ.

Бонапартистскіе методы, разумѣется, ничего общаго не имѣютъ съ методами развитія классоваго сознанія и политической сознательности пролетаріата. И тотъ фактъ, что одному человѣку такъ легко удалось превратить съѣздъ, програмно и тактически объединившій русскихъ соціальдемократовъ, въ орудіе для раскола и дезор-

*) См. также помѣщенныя въ приложеніи „Объявленіе о возобновленіи изданія группы „Освобожденіе Труда" и „Объявленіе объ изданіи „Зари".

ганизаціи партіи, указывать на то, что за формальной побѣдой „ортодоксальнаго марксизма“ скрывается и нѣчто антисоціальдемократическое, что „побѣда“ эта знаменуетъ возникновеніе на почвѣ политической агитаціи такихъ тенденцій, которые идутъ въ разрѣзъ съ развитіемъ, политической самостоятельности пролетаріата, развитіемъ составляющимъ соціалистическій элементъ въ нашемъ революціонномъ движеніи и принципіальную задачу нашей партіи. Развитіе и обоснованіе этой мысли является центральнымъ пунктомъ фельетоновъ въ „Искрѣ“, перепечатываемыхъ въ предлагаемомъ сборникѣ.

Тенденціи эти, въ промежутокъ времени отъ второго съѣзда до новаго общественнаго подъема, начавшагося осенью 1904 года, скрывались подъ непроницаемой оболочкой „чисто-организаціонныхъ разногласій“, и выступили наконецъ съ достаточной отчетливостью въ тотъ моментъ, когда на арену политической борьбы открыто выступила либеральная и буржуазная демократія. Это выступленіе открывало намъ впервые возможность противопоставить пролетаріатъ или, по крайней мѣрѣ, передовые кадры его, другимъ оппозиціоннымъ элементамъ, какъ самостоятельную политическую силу, идущую въ своихъ требованіяхъ дальше либерально-демократической буржуазіи, но готовую тѣмъ не менѣе на извѣстныхъ условіяхъ поддерживать ее въ борьбѣ съ абсолютизмомъ —съ тѣмъ конечно, чтобы и она со своей стороны оказывала поддержку революціонному пролетаріату. Но тутъ то и обнаружилось, что демонстраціонное движеніе подготовило въ партіи сильное предрасположеніе къ такой тактикѣ и къ такимъ практическимъ задачамъ, которыя требуютъ прежде всего, чтобы пролетаріатъ являлся „массой, готовой къ возстанію и открытому возстанію“, а отнюдь не организованной самостоятельной политической силой. Идея подготовки заговорщицкимъ путемъ „вооруженнаго возстанія“ и захвата власти для выполненія задачъ буржуазной революціи является логическимъ концомъ усилій нашей партіи рѣшить свои историческія задачи въ этой революціи примитивными методами и средствами организаціи, которая сложившейся изъ подпольныхъ кружковъ, возникшихъ и упрочившихся въ ту эпоху, когда въ странѣ царила политически мертвая атмосфера и единственной носительницей „соціалистической сознательности“ являлась ради-

кальная интеллигенція. Но эти „методы и средства, какъ продуктъ отжившей эпохи, также должны отойти въ вѣчность, какъ и общественно-политическій строй Россіи этой эпохи. И весьма характерно, что въ нашей партіи еще такъ много элементовъ, съ такимъ же отчаяніемъ отстаивающихъ существованіе пережившихъ себя методовъ и пріемовъ революціонной борьбы, съ какимъ представители стараго порядка борятся за сохраненіе послѣдняго".

Этими словами я закончилъ около года тому назадъ свое предисловіе къ первому изданію предлагаемой книги. Съ тѣхъ поръ эти элементы не ослабѣли въ своемъ охранительномъ рвеніи. Наоборотъ, вмѣстѣ съ ростомъ политической сознательности и стремленія въ рабочихъ массахъ къ самоорганизаціи, вмѣстѣ, однимъ словомъ, съ возрастающимъ противорѣчіемъ между уровнемъ развитія и запросами этихъ массъ съ одной стороны, и нашимъ устарѣлымъ партійнымъ строемъ, съ другой, усиливается стремленіе нашихъ консерваторовъ во что бы то ни стало сохранить этотъ строй во всей его неприкосновенности. Прогрессъ рабочаго движенія и до нельзя обострившійся партійный кризисъ превратили, такимъ образомъ, нашихъ охранителей въ реакціонеровъ соціальдемократической партіи, которые своей борьбой противъ преобразовательныхъ стремленій внутри ея дѣлаютъ неизбѣжнымъ революціонный путь для устраненія указаннаго противорѣчія въ русской соціальдемократіи.

П. Аксельродъ.

Апрѣль 1907 г.

Зарожденіе у насъ буржуазной демократіи, какъ самостоятельной революціонной силы *).

I.

Съ точки зрѣнія соціальдемократической исторически многознаменательнымъ является уже самъ по себѣ тотъ фактъ, что первый стихійный взрывъ общенароднаго раздраженія противъ бюрократически-полицейскаго самовластія разразился у насъ на почвѣ чисто студенческихъ интересовъ и требованій, что студенческія волненія не только послужили *поводомъ* для событія, которому не безъ основанія присвоено названіе „пролога русской революціи", но и сами

*) Статья эта, написанная весной 1902 г., представляетъ собой отрывокъ изъ работы, задуманной мною лѣтомъ 1901 г. подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ того рѣзкаго поворота въ сторону буржуазнаго революціонаризма, который обнаружился въ лагерѣ русскихъ соціальдемократовъ подъ вліяніемъ внезапно поднявшейся тогда революціонной волны. Въ этой работѣ я намѣревался прослѣдить конкретныя проявленія и главныя фазы той борьбы между соціалистическими и буржуазными тенденціями, которая наложила такую рѣзкую печать на наше революціонное движеніе, начиная съ эпохи народничества. Я собирался остановиться въ ней спеціально на общедемократической миссіи марксизма въ абсолютистской Россіи и посвятить особую главу детальному и болѣе конкретному выясненію той политической тактики, которая диктовалась нашей партіи историческимъ положеніемъ нашего пролетаріата и историческими рамками русскаго революціоннаго движенія. Часть черновика и матеріала, относившагося къ эпохѣ семидесятыхъ годовъ, обработана была мною для предисловія къ новому изданію брошюры Мартова „Красное знамя", помѣщеннаго въ настоящемъ сборникѣ подъ заглавіемъ: „Отъ революціоннаго анархизма къ демократическому либерализму".

непосредственно стали этимъ событіемъ. „Маленькое дѣло кучки молодежи разрослось въ огромное теперь движеніе, въ которомъ оказались заинтересованными всѣ русскіе граждане, отъ крестьянина и рабочаго до писателя, адвоката, врача и офицера включительно“ *). Въ теченіе второй половины 90-хъ гг. у насъ происходили крупныя, даже грандіозныя волненія рабочихъ; но ни одно изъ нихъ не разрослось въ движеніе, въ которомъ почувствовали бы себя „заинтересованными всѣ граждане“, и не одно изъ нихъ не приняло характера общенароднаго протеста противъ деспотическаго режима. А „маленькое дѣло кучки молодежи“ разрослось въ движеніе, которому придаютъ значеніе пролога русской революціи.

Это произошло оттого, что различнѣйшіе классы населенія, „всѣ граждане“, увидѣли себя заинтересованными „въ борьбѣ студенчества съ правительствомъ“. Было ли это плодомъ недоразумѣнія, невѣжества обывателей вообще, и темноты народныхъ массъ въ частности, или же, наоборотъ, активное сочувствіе этихъ массъ дѣлу учащейся молодежи соотвѣтствовало дѣйствительному совпаденію въ данномъ случаѣ частныхъ интересовъ этой молодежи съ интересами общенародными? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ, и именно положительный. Борясь за отмѣну „временныхъ правилъ“ и протестуя противъ попиранія правительствомъ человѣческаго достоинства и элементарныхъ человѣческихъ правъ академической молодежи, послѣдняя вмѣстѣ съ тѣмъ или тѣмъ самымъ боролась и за права всего народа противъ полицейско-чиновничьяго всевластія. Народныя массы поняли или почувствовали это и проявили свое чувство солидарности съ борющейся молодежью—въ этомъ именно фактѣ заключается великое историческое значеніе событій, центромъ и почвой для которыхъ служило студенческое движеніе.

Но развѣ стачечное движеніе петербургскихъ и московскихъ рабочихъ 1896—7 гг. менѣе совпадало съ общенародными интересами, чѣмъ студенческое?

Я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ обращалъ вниманіе товарищей на тотъ фактъ, что въ современной Россіи рабочіе, даже въ сферѣ своей „чисто экономической борьбы“,

*) Прогр. „С. П. Союза Борьбы за Освоб. Раб. Класса“

являются въ сущности почитателями общенаціональныхъ интересовъ экономическаго, политическаго и культурнаго развитія всего населенія имперіи. Представители трэдъюніонистскаго теченія въ нашемъ движеніи и безсознательно поддерживающіе его поклонники „стихійнаго элемента развитія“ никогда этого не понимали, и потому не способны были использовать борьбу нашихъ рабочихъ массъ съ предпринимателями въ интересахъ политическаго развитія и возвышенія нашего пролетаріата. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ *). Здѣсь же напомню только, что вѣдь каждая крупная — да не только крупная, а и мелкая—стачка сопровождалась и сопровождается у насъ дикими насиліями надъ рабочими со стороны правительства и несравненно еще болѣе звѣрскимъ глумленіемъ его агентовъ надъ ихъ личностью и человѣческимъ достоинствомъ, чѣмъ эти агенты позволяютъ себѣ обыкновенно по отношенію къ студенчеству.

Въ грандіозной стачкѣ петербургскихъ ткачей (лѣтомъ 1896 года) десяткамъ тысячъ рабочихъ, сконцентрированнымъ въ столицѣ, пришлось съ необычайными усиліями и съ рѣдкимъ упорствомъ, энергіей и огромными жертвами отстаивать свое человѣческое достоинство и свое „естественное право человѣка и гражданина“ коллективно бороться противъ эксплуатаціи и угнетенія; — другими словами, ихъ борьба за свои частные, „непосредственно ощущаемые и сознаваемые ими интересы“, по существу ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ борьба за права

*) Здѣсь имѣется въ виду предполагавшаяся въ дальнѣйшемъ изложеніи критика господствовавшей тогда у насъ партійной практики и глава, которая спеціально должна была быть посвящена вопросу о построеніи нашей тактики на болѣе широкомъ и прочномъ фундаментѣ. Въ этой главѣ я хотѣлъ показать, почему и какимъ образомъ элементарныя столкновенія рабочихъ съ отдѣльными предпринимателями могутъ и должны быть использованы не только для простой агитаціи среди рабочихъ массъ, но и какъ исходные пункты и базисъ для политическаго возвышенія пролетаріата, для мобилизаціи его на историческую арену, какъ самостоятельной политической силы, проникнутой гордымъ сознаніемъ своей великой исторической миссіи борца за общенародные интересы, увлекающей за собою всѣ другіе угнетенные и свободолюбивые слои населенія на борьбу съ абсолютизмомъ и требующей отъ нихъ, во имя и *въ интересахъ этой борьбы*, серьезной поддержки освободительнымъ усиліямъ революціоннаго пролетаріата.

академической молодежи, обнимала интересы общенародные. Однако, за исключеніемъ малочисленнаго круга лицъ изъ интеллигенціи (да развѣ еще правительства), не только „всѣ граждане", но, что особенно важно, и сами стачечники не сознавали и не чувствовали этого. Въ маѣ 1901 года между рабочими Обуховскаго казеннаго завода и военно-полицейскими силами происходило настоящее сраженіе*)—и опять таки рабочая масса, героически боровшаяся за свои права, за которыми скрываются права всего народа, осталась изолированной, не увлекла за собою посторонних элементовъ очевидно потому, что далеко не всѣ русскіе граждане почувствовали себя „заинтересованными" въ *большомъ дѣлѣ* этой героической массы; да и тѣ, которые почувствовали, не видѣли надобности, не захотѣли или не могли помочь ей въ томъ, чтобы оно „разрослось въ огромное движеніе" и пріобрѣло хотя бы только въ нѣкоторой степени значеніе, аналогичное значенію „маленькаго дѣла кучки молодежи".

На что указываетъ это огромная разница, эта совершенная несоизмѣримость между силой непосредственнаго впечатлѣнія и общественнымъ значеніемъ крупнѣйшихъ фактовъ нашего рабочаго движенія съ одной стороны, и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело и въ Россіи и заграницей студенческое движеніе 1901 г., съ другой? Другими словами: каковъ соціально-политическій или историческій смыслъ той роли, которую это послѣднее сыграло?

* * *

Молодежь высшихъ учебныхъ заведеній, въ *массѣ* своей, есть кость отъ кости и плоть отъ плоти буржуазныхъ классовъ вообще, и ихъ образованныхъ слоевъ въ частности. По своимъ соціальнымъ интересамъ, потребностямъ и стремленіямъ она—отпрыскъ или вѣтвь либерально-демократической буржуазіи, которая съ своей стороны *непосредственно* гораздо болѣе заинтересована въ положеніи и судьбѣ студенчества, чѣмъ огромное большинство остального населенія. Слѣдовательно, реальнымъ базисомъ, центромъ и содержаніемъ событій, о

*) Объ этомъ событіи см. брошюру „Обуховская оборона".

которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, явились въ окончательномъ счетѣ непосредственные интересы, потребности и требованія образованной буржуазіи. И въ лицѣ академической молодежи въ первой массовой общенародной стычкѣ съ абсолютизмомъ центральной воодушевляющей и руководящей силой, словомъ авангардомъ движенія явилась сама буржуазная демократія.

Но тутъ меня, пожалуй, перебиваетъ какой-нибудь черезчуръ „проницательный", или, выражаясь болѣе откровенно, просто черезчуръ поверхностный читатель, со словами: „Чѣмъ же это плохо? Вѣдь эти интересы и требованія буржуазіи оказались въ данномъ случаѣ революціонными и борьба изъ-за нихъ совпадала съ общенародными интересами. И развѣ соціальдемократами давнымъ давно не признано, какъ общеобязательное правило, что они должны поддерживать буржуазію, поскольку она революціонна, и активно участвовать во всякомъ революціонномъ движеніи, хотя бы и буржуазномъ?... Наконецъ, не все ли равно, на почвѣ какихъ и чьихъ конкретныхъ интересовъ и требованій разгорается общенародное возстаніе за права человѣка и гражданина, одинаково необходимыя для всѣхъ классовъ, за исключеніемъ горсти привиллегированныхъ угнетателей и эксплуататоровъ?"

Такого читателя я попрошу припомнить, во-первыхъ, ту оцѣнку, которую я далъ выше весеннимъ событіямъ 1901 года и активному участію въ нихъ рабочихъ массъ, а во-вторыхъ, то отношеніе къ фактамъ и проявленіямъ не спеціально пролетарскаго революціоннаго и оппозиціоннаго движенія, которое высказывали „Искра" и „Заря" съ перваго дня своего появленія на свѣтъ и до сихъ поръ. Тогда онъ, полагаю, сообразитъ, что ему совершенно нечего тревожиться на счетъ отношенія революціонной соціальдемократіи къ движеніямъ оппозиціоннымъ, а тѣмъ болѣе революціоннымъ, возникающимъ не на почвѣ интересовъ и требованій пролетаріата. Мы считаемъ обязанностью соціальдемократовъ не только поддерживать такія движенія и толкать ихъ впередъ, но и прямо способствовать возникновенію ихъ, прямо и косвенно содѣйствуя развитію, обостренію и расширенію взаимныхъ треній и конфликтовъ между правительствомъ и солидарными съ нимъ реакціонными или консервативны-

ми элементами съ одной стороны, и фактическими или потенціально-оппозиціонными элементами высшихъ классовъ съ другой.

Но изъ солидарности всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ слоевъ въ борьбѣ съ бюрократическимъ абсолютизмомъ еще ничуть не слѣдуетъ, что они въ политическомъ отношеніи являются одной семьей, что между пролетарскими и буржуазными элементами нѣтъ и не должно быть въ этой области раздѣленія на „мы“ и „вы“, „наши“ и „ваши“. Если бы дѣло такъ обстояло, то существованіе соціальдемократіи на современной русской почвѣ было бы величайшей и зловреднѣйшей исторической нелѣпостью. Она имѣетъ право на существованіе въ абсолютистской Россіи лишь постольку, поскольку она систематически направляетъ свои усилія на то, чтобы обезпечить за пролетаріатомъ значеніе вполнѣ самостоятельной или даже руководящей политической силы въ борьбѣ за свободу. Въ чемъ же могутъ непосредственно выражаться успѣхи нашей партіи въ этомъ отношеніи, гдѣ масштабъ для ихъ оцѣнки? Во-первыхъ въ той роли, которую играютъ рабочія массы, когда онѣ поддерживаютъ не пролетарскіе слои въ ихъ столкновеніяхъ съ правительствомъ, въ степени политической самостоятельности, проявляемой ими на полѣ борьбы, настоящими хозяевами которой являются буржуазные оппозиціонные и революціонные элементы. А затѣмъ въ томъ непосредственно-революціонномъ значеніи, которое пріобрѣтаютъ столкновенія самого пролетаріата съ его непосредственными эксплуататорами и правительствомъ на почвѣ интересовъ и требованій, „непосредственно ощущаемыхъ и сознаваемыхъ“ борющимися массами. И нарочно употребляю это довольно таки изношенное выраженіе, чтобы рѣзко оттѣнить контрастъ между тѣмъ политическимъ значеніемъ, которое до сихъ поръ имѣли факты рабочаго движенія на такой почвѣ съ одной стороны, и значеніемъ студенческихъ волненій весны 1901 г., возникшихъ также на почвѣ „*ближайшихъ* нуждъ и требованій“ массы (студенческой) съ другой. Съ точки зрѣнія вышеупомянутой спеціальной задачи нашей партіи мы никоимъ образомъ не можемъ безразлично относиться къ тому факту, что освободительныя усилія нашихъ рабочихъ массъ не пріобрѣли еще до сихъ поръ въ гла-

захъ широкихъ слоевъ общества и народныхъ массъ значенія хотя бы такого же непосредственнаго рычага и непосредственной почвы для аттакъ на абсолютизмъ, какъ студенческое движеніе. Кто читалъ передовицу № 3 „Искры“, посвященную оцѣнкѣ весеннихъ демонстрацій 1901 года, и статью Плеханова „Что же дальше“? (во второй книжкѣ „Зари“) по поводу тѣхъ же событій, тотъ знаетъ, что революціонная соціальдемократія радостно привѣтствовала ихъ, какъ начало новой эпохи въ исторіи Россіи. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не видѣть въ нихъ симптоматическаго указанія на то, что революціонное движеніе въ послѣднія десятилѣтія какъ будто подготовляло у насъ гегемонію буржуазной демократіи надъ народными массами въ борьбѣ съ абсолютизмомъ.

Съ внѣшней или формальной стороны это какъ будто не такъ. На западѣ буржуазные революціонные элементы прямо предводительствовали народными массами въ уличныхъ демонстраціяхъ и возстаніяхъ противъ стараго режима. Наше же студенчество не играло такой роли. Оно, правда, проявило уже въ своихъ прокламаціяхъ сознаніе огромнаго значенія пролетаріата для борьбы за свободу, но, насколько мнѣ извѣстно, не пыталось даже вызвать его на арену борьбы. Къ чести своей онъ по собственной иниціативѣ, не дожидаясь спеціальнаго призыва со стороны студенчества, безъ того, чтобы оно разжигало въ немъ боевыя страсти, поспѣшилъ присоединиться къ протестовавшей молодежи. Мало того, въ Кіевѣ и отчасти въ Харьковѣ сами соціальдемократическіе комитеты стояли во главѣ рабочихъ, участвовавшихъ въ демонстраціяхъ. Но тѣмъ большее симптоматическое значеніе пріобрѣтаетъ тотъ фактъ, что первая массовая стычка съ самодержавіемъ до самаго конца не вышла изъ рамокъ студенческаго движенія, что не пролетаріатъ на почвѣ своихъ требованій и во имя своихъ лозунговъ, а академическая молодежь со своими спеціальными „конкретными“ требованіями осталась въ центрѣ этихъ событій. Исторія какъ бы хотѣла дать намъ наглядный урокъ и воочію показать, что русская оппозиціонная буржуазія можетъ и безъ особыхъ усилій очутиться въ роли представительницы народа противъ абсолютизма, между тѣмъ какъ борющемуся пролетаріату нужно затратить колоссальную энергію, чтобы завоевать для себя эту почетную привилегію.

Всякое революціонное движеніе предполагаетъ у руководящихъ имъ элементовъ значительный запасъ энергіи, большій или меньшій энтузіазмъ и идеализмъ и готовность жертвовать собой ради общаго дѣла. Такіе элементы должны были быть, были и имѣются на лицо и въ нашемъ студенчествѣ. И само собою разумѣется, что не изъ молодежи либеральнаго пошиба, не изъ лагеря умѣренныхъ и аккуратныхъ представителей ея, самой природой предназначенныхъ въ рядовые и офицера безкровнаго, легальнаго либерализма, могли рекрутироваться руководители и застрѣльщики студенческаго движенія, которымъ оно обязано тѣмъ, что разрослось въ общенародную политическую демонстрацію.

Рѣшительный толчекъ этому движенію въ непосредственно революціонномъ смыслѣ далъ выстрѣлъ Карповича въ Боголѣпова. Что общаго между этимъ самоотверженнымъ мстителемъ за попранныя человѣческія права молодежи и какими-нибудь трезвенными юношами, мечтающими о филистерскомъ, хотя бы и буржуазно-честными средствами пріобрѣтенномъ, благополучіи? Карповичъ — соціалистъ и революціонеръ. Точно также и Лаговскій, покушеніе котораго на жизнь Побѣдоносцева явилось однимъ изъ яркихъ эпизодовъ студенческаго движенія, по своимъ убѣжденіямъ соціалистъ и революціонеръ. Наконецъ, кто непосредственно руководилъ этимъ движеніемъ и истолковывалъ его передъ широкой публикой? Опять таки представители сознательно-революціонной и революціонно настроенной части интеллигенціи. И посмотрите, какимъ сознаніемъ революціоннаго общенароднаго значенія дѣла академической молодежи пропикпуты прокламаціи студенческія? „За права всего угнетеннаго русскаго народа боремся мы, ему хотимъ мы отплатить за свое воспитаніе, для него мы обязаны бороться, ради него жертвовать собой“ *). И далѣе, въ той же прокламаціи: „Наша побѣда — побѣда всего народа, наше пораженіе — его пораженіе“... „Наши требованія, направленныя противъ „временныхъ правилъ“, направлены противъ цѣлаго ряда беззаконій и несправедливостей

*) „Отъ студентовъ петербургскаго университета“ (Къ московскимъ профессорамъ). Смотри „Листокъ Свободнаго Слова“ № 21.

правительства. Да, мы ведемъ борьбу съ нашимъ отжившимъ строемъ, и вотъ почему примыкаютъ къ намъ всѣ недовольные элементы, недовольные и политическимъ, и экономическимъ, и соціальнымъ строемъ, - другими словами, весь пролетаріатъ, всѣ угнетенные и обездоленные, вся порабощенная Россія". Протестъ заканчивается слѣдующими знаменательными словами: „Именемъ истины и свободы вы (профессора) дерзаете призывать насъ къ порабощенію народа, мы же во имя истины, во имя народа, во имя науки, во имя свободы призываемъ всѣхъ недовольныхъ, всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ обездоленныхъ къ борьбѣ: посмотримъ, на чьей сторонѣ будетъ побѣда!".

Трудно даже и представить себѣ такое революціонное самосознаніе въ университетской молодежи прежнихъ временъ, такую вѣру въ то, что ея борьба за свои спеціальные интересы и требованія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба за свободу, права и благосостояніе всего народа. Даже революціонная партія, геройчески боровшаяся за политическую свободу подъ знаменемъ соціализма,—даже партія „Народной Воли", и та должна была еще доказывать всячески, что, направляя свои удары противъ правительства, она отнюдь не измѣняетъ интересамъ народа, не приноситъ ихъ въ жертву высшимъ классамъ, а наоборотъ, также какъ другіе революціонеры народники, сознательно и систематически, только болѣе вѣрнымъ путемъ, подготовляетъ соціальный переворотъ. А прокламаціи студенческія, говорящія отъ имени молодежи, исходящія изъ ея частныхъ непосредственныхъ нуждъ и требованій, проникнуты твердымъ, непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ, что въ ея требованіяхъ и борьбѣ за нихъ заинтересованы „всѣ русскіе граждане". Устами вождей этой молодежи идеологи и застрѣльщики оппозиціонной буржуазіи какъ бы говорятъ намъ: „Наши интересы и потребности обнимаютъ интересы и потребности всего народа; отстаивая первые, мы въ то же время отстаиваемъ и послѣдніе. А потому мы во имя истины, во имя народа, во имя науки, во имя свободы, призываемъ всѣхъ недовольныхъ, всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ обездоленныхъ къ борьбѣ".

Это—языкъ революціонныхъ представителей нашего „третьяго сословія", въ демократическихъ кругахъ котораго, повидимому, начинаетъ пробуждаться стремленіе сложиться

въ общедемократическую революціонную силу для руководства всѣми оппозиціонными элементами и въ особенности рабочими массами въ борьбѣ за гражданское равенство и политическую свободу. Наконецъ то и Россія, съ божьей помощью, приближается къ той ступени политическаго развитія, на которой континентальныя страны запада стояли въ концѣ 18-го и въ первой половинѣ 19-го вѣка, а Англія уже больше 2½ вѣковъ тому назадъ. И за это, на худой конецъ, можно сказать спасибо. А господа, склонные смотрѣть на Россію начала 20-го вѣка, съ ея промышленнымъ развитіемъ и рабочимъ движеніемъ, глазами запада давно прошедшихъ временъ, словомъ либеральные экс- и псевдосоціалисты считаютъ даже надорнымъ и добиваться чего нибудь большаго. Для нихъ все прошлое нашего революціоннаго движенія, поскольку оно происходило во имя и подъ знаменемъ соціализма, *является* сплошной ошибкой, плодомъ слѣпого подражанія *современному* западу. Но тѣ, которые не относятся къ этому факту, какъ къ исторической случайности или продукту простого увлеченія незрѣлыхъ умовъ подражаніемъ западнымъ образцамъ, не могутъ съ такимъ легкимъ сердцемъ примириться съ перспективой оттѣсненія на задній планъ соціалистической демократіи—либеральной. Для соціалистической интеллигенціи—соціалистической не только по названію, а и по дѣлѣ -идеаломъ въ переживаемый Россіей періодъ должно быть такое соотношеніе революціонныхъ силъ, при которомъ передовые слои пролетаріата являлись бы и въ дѣйствительности и въ общемъ сознаніи главными революціонными представителями всей націи, авангардомъ всей демократіи. А между тѣмъ, по злой иронiи исторіи, какъ разъ тѣ элементы интеллигенціи, которые по своему нравственному идеализму, по своему революціонному настроенію и соціалистическимъ симпатіямъ являются естественными антагонистами либеральной буржуазіи, и очутились въ роли ея революціонныхъ представителей, застрѣльщиковъ и знаменосцевъ. Именно этой части интеллигенціи студенчество *непосредственно* больше всего и обязано тѣмъ, что его столкновенія съ властями стали центромъ небывалаго еще въ Россіи широкаго общественнаго протеста противъ бюрократическиполицейскаго гнета и произвола.

Чтобы представить себѣ болѣе или менѣе конкретно-

общественный смыслъ отмѣченной только что роли радикальной интеллигенціи въ „прологѣ нашей революціи“ надобно припомнить, каково было ея принципіальное отношеніе къ „обществу“ и студенчеству въ 70-хъ годахъ.

Это была эпоха (особенно въ дотеррористическій періодъ) страстнаго стремленія наиболѣе идеальныхъ и революціонныхъ представителей учащейся молодежи и вообще радикальной интеллигенціи къ практическому сближенію и даже сліянію съ крестьянствомъ, съ цѣлью организовать его въ народно-революціонную партію для совершенія соціальной революціи. Параллельно съ этимъ стремленіемъ, частью какъ его необходимое слѣдствіе, а частью какъ источникъ, питавшій его, въ революціонно настроенныхъ кругахъ развилось безусловно отрицательное отношеніе къ либеральному обществу съ его конституціонными вожделѣніями, съ его попытками и стремленіями въ области народолюбія и культурно-просвѣтительной дѣятельности. Идеализація крестьянства и практическое стремленіе къ соціальной революціи, заставлявшее наиболѣе рѣшительныхъ представителей радикальной молодежи „сжигать за собою корабли“, бросать учебныя заведенія, дипломы и порывать съ „привилегированной средой“, стягивали отдѣльныя единицы и кружки этой молодежи подъ знамя соціально-революціонной партіи, вокругъ которой группировалась, къ которой тяготѣла лучшая часть интеллигенціи.

Даже въ періодъ народовольческій, когда борьба съ абсолютизмомъ стала центральной задачей революціоннаго движенія, отношеніе этой части интеллигенціи къ либеральнымъ элементамъ въ принципѣ почти не измѣнилось; она по прежнему продолжала смотрѣть на нихъ, какъ на антиподъ революціонныхъ элементовъ, соціальные интересы, настроеніе и потребности которыхъ создаютъ принципіальную пропасть между ними и революціонерами. Эти послѣдніе являлись среди общества какъ бы военной дружиной или рыцарскимъ орденомъ, пользовавшимся тѣми или другими элементами обывательскаго міра для своихъ коллективныхъ цѣлей, но отнюдь не желавшимъ смѣшиваться съ ними и отождествлять свои интересы съ ихъ интересами.

Хотя учащаяся молодежь являлась главнымъ резервуаромъ и источникомъ силъ и средствъ народническаго

революціоннаго движенія, она тѣмъ не менѣе въ дѣломъ играла въ глазахъ революціонеровъ приблизительно такую же роль, какъ и остальная масса представителей мирной, обывательской оппозиціи.

Сама по себѣ, *внутри спеціальной сферы своихъ* соціальныхъ и академическихъ интересовъ, она для нихъ представляла буржуазный элементъ, питающійся соками народа, поднимающійся по его согбенной спинѣ на верхніе этажи соціальной пирамиды и, какъ таковой, потенціально, а частью и фактически примыкающій къ лагерю враговъ соціальной революціи. Поэтому положеніе этой молодежи, несправедливости и беззаконія, отъ которыхъ она терпитъ, и спеціальныя требованія, выставляемыя ею, если и интересовали революціонеровъ-народниковъ, то не сами по себѣ и не ради нея, даже не вслѣдствіе ихъ общеполитическаго значенія, а исключительно съ точки зрѣнія орудія, которымъ соціально-революціонная партія можетъ воспользоваться для подбора кандидатовъ среди студенчества въ свои ряды и для развитія въ немъ духа недовольства, предрасполагающаго молодежь къ сочувствію и поддержкѣ партіи. Самостоятельнаго, самодовлѣющаго революціоннаго значенія частные интересы и волненія студенчества въ глазахъ революціонеровъ народническаго періода не имѣли. Другое, противоположное отношеніе исключалось ихъ революціоннымъ міросозерцаніемъ, ихъ практическими стремленіями и принципіально-отрицательнымъ отношеніемъ къ либерализму. Вотъ почему крайне трудно представить себѣ, чтобы героизмъ, самоотверженность, страстный энтузіазмъ могли среди демократической интеллигенціи того времени проявиться иначе, какъ на почвѣ непосредственныхъ интересовъ и борьбы революціонной *партіи* съ правительствомъ. Она, эта партія, являлась самодовлѣющей революціонной силой, своимъ настроеніемъ и своей неукротимой энергіей обаятельно дѣйствовавшей на всѣ тѣ элементы молодежи, которые способны были страстно проникаться идейными интересами и стремленіями. Вполнѣ естественно поэтому, что и всѣ террористическіе акты того времени, начиная съ покушенія на шпіона Горинневича въ 1876 г., продолжая выстрѣломъ В. Засуличъ въ петербургскаго градоначальника Трепова и кончая убійствомъ Александра II — даже въ тѣхъ случаяхъ,

когда они являлись дѣломъ индивидуальной инициативы отдѣльнаго самоотверженнаго лица, были по существу *непосредственными* актами соціально-революціонной *партіи*, проявленіями, послѣдствіями или средствами ея борьбы съ правительствомъ—подъ знаменемъ соціализма.

Весьма характерно, что среди революціонеровъ никому тогда и въ голову не приходила мысль объ убійствѣ тогдашняго главы реакціи въ правительственныхъ сферахъ, злой памяти графа Толстого, состоявшаго при Александрѣ II министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Синода. Революціонеры прекрасно знали, что удачное покушеніе на его жизнь встрѣтило бы восторженное сочувствіе даже въ той широкой, либерально настроенной публикѣ, которая очень негодовала на партію „Народной Воли“ за ея террористическую тактику. Но они тѣмъ не менѣе только подтрунивали надъ мыслью о такомъ покушеніи, какъ о совершенной нелѣпости съ точки зрѣнія партіи. Съ ея точки зрѣнія, или точнѣе, съ точки зрѣнія классическаго революціоннаго народничества вообще, реакціонные подвиги министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Синода касались непосредственно только либераловъ, а потому и не заслуживали спеціальнаго вниманія революціонеровъ.

Нужно ли еще доказывать, что въ студенческомъ движеніи 1901 года проявилось какъ разъ обратное отношеніе со стороны огромнаго большинства радикальной интеллигенціи къ либерально-демократическому обществу и къ народнымъ массамъ? Она, наконецъ, поняла огромное революціонное значеніе пролетаріата, какъ естественнаго врага самодержавія. Но всѣми своими помыслами и практическими стремленіями она оказалась слитой съ этимъ обществомъ. „Проницательному“ читателю я еще разъ напомню, что революціонная соціальдемократія занимаетъ другую позицію по отношенію къ либерализму и его соціальнымъ представителямъ, чѣмъ ея предшественники въ 70-хъ годахъ. Съ нашей точки зрѣнія пассивное отношеніе революціонеровъ къ студенческимъ волненіямъ и вызвавшимъ ихъ правительственнымъ безобразіямъ было бы антиреволюціонно и даже реакціонно. Объ этомъ въ настоящее время спору быть не можетъ. Но представьте себѣ на минуту, что всѣ сознательные революціонеры и вся революціонно настроен-

цая интеллигенція въ теченіи періода, предшествовавшаго демонстраціямъ 1901 года, проникнуты были бы соціалистически-революціоннымъ энтузіазмомъ, и что этотъ энтузіазмъ практически выразился бы въ страстномъ увлеченіи систематической дѣятельностью на пользу развитія въ пролетаріатѣ классоваго самосознанія и организаціи его въ самостоятельную революціонную партію. Если бы въ результатѣ этой дѣятельности у насъ къ началу XX вѣка была бы сильная соціалистическая боевая организація, то она, конечно, ужъ никоимъ образомъ не осталась бы безучастной зрительницей возмутительныхъ актовъ насилія надъ студентами. Но заступничество ея за нихъ выразилось бы въ томъ, что она овладѣла бы всѣмъ движеніемъ, стала бы во главѣ его, и „прологъ нашей революціи" принялъ бы форму непосредственно революціонной аттаки противъ абсолютизма, происходящей подъ знаменемъ и руководствомъ передовыхъ слоевъ пролетаріата, съ которыми идейно и практически слились лучшія силы интеллигенціи. Студенческія волненія, послуживъ поводомъ и давъ толчекъ для серьезной схватки между партіей пролетаріата и правительствомъ, поглощены были бы широкой волной рабочаго движенія, направленнаго непосредственно на завоеваніе политической свободы. Другими словами, первая массовая стычка русской демократіи съ абсолютизмомъ носила бы характеръ движенія соціальдемократическаго, а не либерально-демократическаго. Но разъ я уже пустился по наклонной плоскости разныхъ предположеній, то рискну еще однимъ... Если бы большинство передовой интеллигенціи проникнуто было пролетарски-соціалистическими тенденціями и если бы оно такъ же горячо и страстно относилось къ интересамъ и требованіямъ пролетаріата, какъ къ „конкретнымъ" интересамъ и требованіямъ студенчества, если бы она нужды, потребности и стремленія этихъ массъ, обиды и притѣсненія, которыя имъ причиняются, принимала такъ же близко къ сердцу, какъ и студенческія, то кто его знаетъ: быть можетъ, то или другое изъ тѣхъ крупныхъ событій, которыми до сихъ поръ ознаменовалось наше рабочее движеніе, прямо таки и разрослось бы въ общедемократическую схватку революціонныхъ силъ съ охранителями нашего политическаго строя. Но тутъ ужъ я самъ сознаю,

что впалъ въ политическую маниловщину, а потому спѣшу возвратиться изъ области „еслибы да кабы“ къ тому, что на самомъ дѣлѣ происходило и что въ дѣйствительности вышло.

II.

Въ событіяхъ, ознаменовавшихъ у насъ начало новаго вѣка, сказались результаты двойного историческаго процесса: съ одной стороны, разложенія демократической интеллигенціи и ея народническаго міросозерцанія, какъ самостоятельныхъ революціонныхъ силъ, а съ другой—назрѣванія и первоначальнаго роста новой революціонной силы, пролетаріата. Съ паденіемъ партіи „Народной Воли“ вѣра этой интеллигенціи въ крестьянство, какъ исторически призваннаго носителя соціальной революціи на русской почвѣ, уже прежде подорванная, окончательно рухнула, а прежній соціально-революціонный энтузіазмъ, увѣренность въ собственныхъ силахъ и принципіально отрицательное отношеніе къ либерализму съ его теоріей и практикой „малыхъ дѣлъ“ уступили мѣсто разочарованію, скептицизму и практическому сближенію радикальныхъ круговъ съ „обществомъ“ на почвѣ этихъ самыхъ „малыхъ дѣлъ“. Въ кругу учащейся молодежи эта внутренняя эволюція радикальныхъ элементовъ, сопровождавшаяся и соотвѣтствующей внѣшней дезорганизаціей революціонныхъ силъ, отразилась тѣмъ, что значительная часть лучшихъ представителей молодежи цѣликомъ, всей душой и всѣми помыслами должна была уйти въ студенческія дѣла и интересы.

Рядомъ съ этимъ шло распространеніе марксистскихъ и соціальдемократическихъ воззрѣній въ кругу той же интеллигенціи. Но только около середины прошлаго десятилѣтія практическіе результаты соціальдемократической пропаганды проявились осязательнымъ образомъ въ фактѣ появленія на революціонной аренѣ „Петербургскаго Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса“, организовавшагося на почвѣ непосредственно практическаго сближенія передовыхъ представителей соціальдемократическаго теченія въ интеллигенціи съ сознательными элементами среди рабочихъ, съ цѣлью агитаціи въ рабочихъ массахъ во имя ихъ ближайшихъ нуждъ и требованій. Очень скоро послѣ этого событія, особенно начиная съ стачечнаго движенія петербургскихъ рабочихъ въ 1896-7 гг., соціальдемо-

кратія становится господствующей революціонной силой. Но внѣшнимъ успѣхамъ нашего движенія, его количественному росту далеко не соотвѣтствовало его внутреннее развитіе. Послѣднее все болѣе и болѣе отставало отъ перваго. И это вполнѣ понятно. И соціальдемократическія ученія, и самъ рабочій классъ, какъ *революціонные факторы*, сравнительно съ ученіями утопическаго соціализма и съ демократической интеллигенціей—явленія, совершенно новыя на русской почвѣ. При этомъ, въ то время какъ демократическая интеллигенція, эта сравнительно старая революціонная сила, является составной частью привиллегированныхъ и культурныхъ сословій, пользующихся плодами двухвѣковаго поступательнаго движенія Россіи, экономическаго, соціальнаго и умственнаго,—пролетаріатъ представляетъ собою *народную* революціонную силу, зрѣющую и ростущую на низахъ общественной пирамиды, безъ воздуха, свѣта и солнца, въ атмосферѣ абсолютнаго безправія, вынужденную съ великими усиліями добывать крупицы культурныхъ средствъ для своего развитія изъ богатой сокровищницы высшихъ и среднихъ классовъ. Въ своемъ политическомъ развитіи пролетаріатъ не можетъ, поэтому, на первыхъ порахъ своего пробужденія къ исторической жизни не зависѣть отъ радикальной интеллигенціи. Но большинство тѣхъ изъ ея представителей, которые присоединились къ новому, соціальдемократическому движенію, съ своей стороны развивались и воспитывались въ общественной и идейной атмосферѣ интеллигенціи несоціальдемократической и даже антисоціальдемократической. А вліяніе этой атмосферы отразилось на нихъ двоякимъ образомъ. Во первыхъ тѣмъ, что марксизмъ въ легальной печати изъ орудія революціонно-соціалистической критики реакціонныхъ и буржуазныхъ элементовъ народничества быстро обратился почти *исключительно* въ орудіе для теоретическаго примиренія радикальныхъ круговъ съ капитализмомъ и съ политическимъ господствомъ буржуазіи, т. е. въ болѣе или менѣе замаскированную идеологію либеральной буржуазіи, направленную одновременно и противъ отжившихъ народническихъ теченій, и противъ революціонно-соціалистической демократіи. Въ этомъ новомъ фальсифицированномъ видѣ русскій марксизмъ явился принципіальной санкціей для стихійно происходившаго въ кругу радикальной интеллигенціи

перемѣщенія центра тяжести ея идейныхъ интересовъ и практическихъ стремленій изъ области „чистаго соціализма“ въ область „чистой политики“, т. е. либерализма, и для также стихійно совершавшагося процесса практическаго сближенія и сліянія ея съ „обществомъ“ на почвѣ его оппозиціонныхъ стремленій и усилій. Это съ одной стороны. А съ другой, представители того же, отдѣленнаго отъ своего принципіальнаго базиса, марксизма помогли массѣ интеллигенціи уразумѣть непосредственное значеніе нашего рабочаго движенія для дѣла низверженія абсолютизма. Конечный же политическій выводъ изъ всей этой приспособленной къ „насущнымъ“ интересамъ и потребностямъ оппозиціонной буржуазіи пропаганды „марксизма“ формулированъ, какъ извѣстно, въ пресловутомъ Credo и сводится къ тому, что рабочіе самостоятельно ведутъ борьбу съ предпринимателями („экономическую“), а борьбой политической должно руководить „либеральное общество“.

На литературѣ, пропитанной такими тенденціями, воспитывались и подготовлялись въ интеллигенціи соціальдемократическіе рекруты въ послѣдніе годы прошлаго десятилѣтія. Нужно однако сказать, что политическія тенденціи буржуазнаго „марксизма“ (теперь ужъ, должно быть, очередь за Турціей или Китаемъ выдумать такое по истинѣ „самобытное“ сочетаніе) нашли для себя довольно благопріятную почву въ самой соціальдемократической практикѣ. Политическая незрѣлость *массъ* практиковъ и кружковщина, унаслѣдованная новымъ періодомъ нашего движенія (начавшимся съ основанія „Петербургскаго Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса“) отъ періода пропагандистско-просвѣтительнаго и господства *общественной* реакціи съ одной стороны, и культурная отсталость рабочихъ массъ, начинавшихъ выступать только на арену борьбы со своими непосредственными эксплуататорами съ другой,—толкали соціальдемократовъ на путь тенденціознаго, такъ сказать, систематическаго суженія своей дѣятельности сферой этой борьбы. А это суженіе, въ свою очередь, поддерживало кружковщину и замедляло развитіе политическаго сознанія и представителей движенія, и рабочихъ массъ, а вмѣстѣ съ ними и вновь прибывающихъ дѣятелей изъ интеллигенціи. Результатомъ всего этого было то, что въ то время, какъ настроеніе рабо-

ихъ массъ быстро революціонизировалось, какъ боевой духъ и политическое раздраженіе охватывали все болѣе и болѣе широкіе круги ихъ, заражая собою и либерально-демократическую интеллигенцію, процессъ объединенія и сплоченія ихъ передовыхъ представителей въ партійную организацію съ общей программой и тактикой не подвигался впередъ, если не считать нѣкоторыхъ изолированныхъ попытокъ, не измѣнившихъ общаго характера движенія.

Дезорганизація демократической интеллигенціи, какъ *самостоятельной* революціонной силы, въ періодъ, слѣдовавшій за паденіемъ „Народной Воли"; неблагопріятное вліяніе условій и хода этого процесса на зарожденіе и развитіе новаго, соціалъ-демократическаго, революціоннаго теченія, а черезъ него и на развитіе политическаго *самосознанія* и политической самодѣятельности пролетаріата; обратное революціонизирующее, поднимающее оппозиціонный духъ вліяніе рабочаго движенія на интеллигенцію— вотъ наиболѣе бросающіеся въ глаза моменты, предопредѣлившіе характеръ событій 1901 г. Прибавлю къ нимъ еще одинъ не менѣе важный фактъ, а именно, что слуги самодержавія съ ревностнымъ усердіемъ старались о томъ, чтобы гнетъ его сталъ сильно ощущаться и широкими слоями мирной, обывательской публики; такимъ путемъ имъ удалось распространить политическое недовольство въ массахъ населенія и подготовить ихъ къ сочувствію тѣмъ, кто возьметъ на себя починъ для протеста противъ всеобщаго безправія и угнетенія. И въ итогѣ всего этого къ началу новаго вѣка оказались на лицо три элемента, которые, въ совокупности своей, необходимы для того, чтобы въ антиправительственномъ движеніи обезпечить главенство за буржуазной демократіей.

Въ февральскихъ и мартовскихъ событіяхъ мы видимъ отчасти на аренѣ борьбы, а еще больше на заднемъ фонѣ ея значительныя массы разныхъ классовъ населенія, раздраженныя чиновничьимъ и полицейскимъ произволомъ. Фактическими двигателями и истинными героями событій явились лучшіе, революціонно настроенные и даже сознательно революціонные представители интеллигенціи, но отнюдь не въ качествѣ членовъ партійной коллективности, объединенной общей программой

и руководящимъ центромъ. Въ этомъ смыслѣ, революціонная интеллигенція отсутствовала на аренѣ борьбы. Она *) всецѣло слилась съ студенческимъ движеніемъ, растворилась въ немъ на отдѣльные атомы и тѣмъ самымъ придала ему то самодовлѣющее, центральное значеніе, котораго оно въ 70-хъ годахъ не имѣло. Что касается до третьяго элемента движенія, пролетаріата, то онъ во всякомъ случаѣ не повсемѣстно игралъ такую политически видную роль, какъ революціонная интеллигенція. Но все же и онъ оказался лишеннымъ собственнаго политическаго центра, который могъ бы руководить рабочими массами, рвавшимися въ бой даже помимо соціальдемократическихъ комитетовъ. Этимъ массамъ ничего другого не оставалось, какъ стихійно присоединяться къ движенію,—классически это произошло въ Москвѣ—или же оставаться безучастными зрителями. Къ чести нашего рабочаго класса онъ выбрали первое.

Такимъ образомъ, и пролетаріатъ, и революціонная интеллигенція — двѣ главныя силы, которымъ Россія обязана своимъ вступленіемъ въ эпоху общенароднаго движенія за свободу — оказались въ политическомъ смыслѣ слугами оппозиціонной буржуазіи. Одинъ потому, что не успѣлъ *еще* сложиться въ крѣпко сплоченную, самостоятельную революціонную силу, другая потому, что *уже* сошла съ исторической арены, какъ самостоятельный, по отношенію къ обществу и народнымъ массамъ, революціонный элементъ. Но рабочіе играли въ данномъ случаѣ роль рядовыхъ, революціонные же представители интеллигенціи явились руководителями, организаторами и застрѣльщиками студенчества. Исторически эта роль квалифицируется, какъ революціонная буржуазно-демократическая, потому что по своему объективному общественному смыслу она однородна съ той, которую играли „революціонеры изъ буржуазной среды“ **) на западѣ въ періодъ освободительнаго движенія противъ абсолютизма. Эти революціонеры такъ же далеки

*) За исключеніемъ тѣхъ немногихъ представителей ея, которые цѣликомъ ушли въ дѣло пропаганды и агитаціи среди пролетаріата.

**) См. статью В. Засулича подъ такимъ заглавіемъ въ № 1 „Соціальдемократа“ (1890 г.). Полагаю, что въ настоящій моментъ особенно полезно обратить на нее вниманіе

были отъ заботъ о благополучіи и господствѣ буржуазіи, какъ и наши революціонеры. Не меньше послѣднихъ они одушевлены были стремленіемъ ко всеобщему счастью, равенству и свободѣ. И тѣмъ не менѣе исторія весьма основательно закрѣпила за ними названіе буржуазныхъ демократовъ, отнюдь не желая набрасывать тѣнь на субъективную искренность ихъ народолюбія, на ихъ идеальныя стремленія и революціонные лозунги.

III.

Зимою 1897 г., когда въ кругу соціальдемократической интеллигенціи начала проявляться тенденція задержать наше рабочее движеніе на неопредѣленно долгое время въ узкихъ рамкахъ борьбы рабочихъ съ предпринимателями во имя „непосредственно сознанныхъ ими интересовъ", я писалъ въ „Рабочую газету" (она издавалась въ Кіевѣ и прекратилась на № 2), что тенденція эта грозитъ намъ серьезной опасностью, что въ случаѣ торжества ея освободительная борьба противъ абсолютизма пойдетъ у насъ „въ одномъ, очень важномъ отношеніи тѣмъ же путемъ", какимъ она шла на западѣ, т. е. что рабочія массы не будутъ играть въ ней самостоятельной революціонной роли, а будутъ идти за буржуазной интеллигенціей и сражаться за свободу не подъ собственнымъ знаменемъ, а подъ чужимъ *). Но въ томъ же письмѣ я указывалъ и на другую перспективу — перспективу пріобрѣтенія нашимъ пролетаріатомъ значенія самостоятельной и даже руководящей силы въ современномъ освободительномъ движеніи Россіи. Историческія условія выступленія его на политическую арену,— говорилъ я въ своемъ письмѣ и подробнѣе обосновывалъ эту мысль въ другой статьѣ **) — даютъ ему возможность добиться такого значенія, а потому всѣ усилія соціалистической интеллигенціи должны быть направлены на то, чтобы использовать всѣ плюсы и минусы русской жизни въ интересахъ осуществленія этой перспективы. Но, къ сожалѣнію, наши соціальдемократическіе кружки

*) „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ", второе письмо.

**) „Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи."

чрезвычайно далеки были еще въ то время „отъ тактики*), имѣющей цѣлью всестороннимъ образомъ пользоваться прогрессивными элементами русской жизни въ интересахъ только что указанной задачи". Въ этомъ обстоятельствѣ я и видѣлъ *одну* изъ главныхъ помѣхъ къ осуществленію второй изъ указанныхъ мною перспективъ нашего рабочаго движенія—перспективы поглощенія имъ въ себѣ всѣхъ революціонно-демократическихъ элементовъ интеллигенціи и сліянія ихъ съ нимъ въ одинъ нераздѣльный потокъ всѣхъ революціонныхъ теченій противъ нашего государственнаго строя. Въ „прологѣ русской революціи" проявилась весьма осязательнымъ образомъ именно первая изъ указанныхъ мною перспективъ. И тѣ же самые товарищи, которые объявили мои предупрежденія противъ одностороняго увлеченія такъ называемой экономической агитаціей плодомъ неосновательныхъ „мрачныхъ опасеній", запѣли восторженно побѣдныя пѣсни по случаю прошлогднихъ весеннихъ демонстрацій. Когда распространилась стихійная волна стачечныхъ или „экономическихъ движеній", они спокойно усѣлись на буксиръ „объективнаго или стихійнаго историческаго процесса", увлекавшаго наше движеніе на путь трэдъюніонизма, и, торжественно ликуя, поплыли по теченію, не заботясь о томъ, куда оно насъ влечетъ. Съ такой же стремительностью и съ такимъ же восторгомъ они поспѣшили потащиться за этимъ процессомъ, лишь только онъ обнаружилъ тенденцію принять форму и характеръ массоваго политическаго движенія.

Къ счастью для нашего пролетаріата, періодъ, слѣдующій за революціоннымъ движеніемъ 1901 года, ознаменовался несомнѣнно крупными успѣхами революціонной соціальдемократіи, которая въ теченіе второй половины 90-хъ годовъ все болѣе и болѣе оттѣснялась на задній планъ представителями узкаго практицизма и безпринципнаго эклектизма. Правда, въ моментъ перехода нашего движенія отъ фазиса абстрактной пропаганды и теоретическаго саморазвитія интеллигентовъ въ фазисъ массовой агитаціи въ немъ играли видную роль дѣятели, стоявшіе на точкѣ зрѣнія революціонной соціальдемокра-

*) Вѣрнѣе было бы сказать: даже отъ программы, а не только тактики.

тіи. Главные основатели „Петербургскаго Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса“, положившаго своей организаціей и своей дѣятельностью начало новому періоду, были вполнѣ сознательными марксистами и носились съ широкими перспективами, соотвѣтствовавшими требованіямъ истинно революціонной соціальдемократической программы и тактики. Но большинство тогдашнихъ пропагандистовъ и агитаторовъ, хотя и не относились съ сознательной враждой къ такой программѣ и тактикѣ, были однако чужды и той и другой. Это и обнаружилось въ томъ, что очень скоро послѣ устраненія главныхъ піонеровъ новаго фазиса движенія оно свернуло на тотъ путь, который привелъ къ торжеству въ немъ узкаго экономизма. Однако революціонное соціальдемократическое теченіе продолжало все-таки время отъ времени, хоть спорадически, проявлять нѣкоторые признаки жизни. Но дѣйствительное возрожденіе его началось въ самомъ концѣ прошлаго десятилѣтія.

Лѣтомъ 1900 г. представители революціонно-соціальдемократическаго теченія, разсѣянные по весямъ и градамъ нашего обширнаго отечества, сплотились въ особую группу и рѣшили издавать научно-политическій журналъ и газету. Послѣдняя, „Искра“, появилась въ свѣтъ наканунѣ студенческихъ волненій, которымъ суждено было разростись въ общенародный политическій протестъ, а журналъ „Заря“ былъ уже отпечатанъ, когда протестъ этотъ начался. Нетерпѣніе, съ которымъ ожидался выходъ въ свѣтъ нашихъ изданій, и сочувствіе, которое они встрѣтили въ наиболѣе сознательныхъ и революціонныхъ кругахъ соціалистической интеллигенціи и передовыхъ рабочихъ, уже сами по себѣ являлись благопріятными предвѣстниками для новой соціальдемократической группы. И дѣйствительно, въ теченіе какого-нибудь года ей удалось завоевать для революціонной соціальдемократіи позицію вліятельной фракціи, оттѣснившей на задній планъ опасныя теченія въ соціальдемократіи и оказывающей давленіе на мягкія и несоціальдемократическія радикальныя интеллигенціи.

Предаваться восторженнымъ ликованіямъ и покоиться на лаврахъ намъ однако нельзя еще. Успѣхи революціонной соціальдемократіи даютъ основаніе надѣяться на измѣненіе соотношенія нашихъ революціонныхъ силъ въ

пользу пролетаріата. Важнымъ показателемъ возрастающаго значенія послѣдняго, какъ политической силы, является обращеніе руководителей послѣднихъ студенческихъ волненій къ его помощи, ихъ стремленіе установить возможно болѣе тѣсную практическую связь между рабочимъ движеніемъ и соціальдемократіей съ одной стороны, и движеніемъ академической молодежи съ другой. Знаменательно также обращеніе Всероссійскаго студенческаго съѣзда къ соціальдемократическимъ комитетамъ „съ предложеніемъ оказать содѣйствіе проектируемымъ организаціямъ" студенческихъ комитетовъ въ дѣлѣ установленія и развитія такой связи. Но все это факты, еще только сулящіе желательную намъ перспективу. Реальное же, фактическое соотношеніе силъ въ современномъ освободительномъ движеніи *по существу* совсѣмъ или почти совсѣмъ не измѣнилось со времени весеннихъ событій 1901 года.

Концентрирующимъ, объединяющимъ и руководящимъ факторомъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ на аренѣ политической борьбы все еще является движеніе студенческое. По прежнему ни одинъ изъ фактовъ рабочаго движенія не концентрируетъ на себѣ всеобщаго вниманія широкихъ народныхъ массъ и интеллигенціи и не становится почвой, исходнымъ пунктомъ или импульсомъ для новаго массоваго взрыва политическаго недовольства. Проявленія недовольства и протеста въ рабочихъ массахъ, ихъ стычки съ эксплуататорами и властями, драмы, возникающія и разыгрывающіяся на почвѣ этихъ столкновеній, остаются внутреннимъ, домашнимъ дѣломъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ группъ пролетаріата. Отдѣльные представители и кружки соціальдемократической интеллигенціи, принимающіе близко къ сердцу интересы и стремленія рабочихъ, безсильны были объединить разрозненныя проявленія ихъ революціоннаго настроенія въ болѣе или менѣе широкое движеніе, способное взволновать умы и сердца разныхъ слоевъ населенія и стать центральнымъ фактомъ общественной жизни. Однимъ словомъ, несмотря на непрекращавшееся расширеніе оппозиціонныхъ и революціонныхъ волнъ, на политической аренѣ водворилось затишье, какъ только въ лагерѣ студенческомъ настали періодъ замиренья. Очевидно, съ наступленіемъ антракта въ студенческомъ

движенія оппозиціонные элементы страны лишились какъ бы своего объединяющаго и руководящаго центра, и оппозиціонный потокъ снова разбился на мелкіе ручьи, безсильные стянуть эти элементы въ компактную массу и увлечь ихъ для дружнаго напора противъ общаго врага.

Но вотъ настала осень, молодежь съѣхалась въ университетскіе города и, вскорѣ убѣдившись въ томъ, что правительство со своимъ „сердечнымъ попеченіемъ“ только дурачило ее, опять начала волноваться. Вмѣстѣ или вслѣдъ за волновавшейся молодежью почуяло и увидѣло правительственный обманъ и „либеральное общество“. И снова взоры и надежды всѣхъ революціонныхъ и политически недовольныхъ элементовъ обращены на студенчество; отъ него всѣ они ждутъ сигнала къ новой схваткѣ съ защитниками произвола и беззаконія, къ нему они спѣшатъ примкнуть, вокругъ него, какъ вокругъ своего общепризнаннаго центра, они опять группируются. Какъ только кончился антрактъ въ студенческомъ движеніи, какъ только зашевелилась академическая молодежь, друзья и враги абсолютизма почувствовали, что снова готовится стычка съ режимомъ кнута и нагайки. И дальнѣйшій ходъ событій конца 1901 и начала 1902 года вполнѣ подтвердилъ эти ожиданія. Не мѣшаетъ при этомъ отмѣтить слѣдующее явленіе. Въ началѣ 1901 года студенчество неожиданно для самого себя, стихійнымъ образомъ очутилось въ роли общенароднаго политическаго авангарда. Въ концѣ того же года оно уже наканунѣ борьбы сознаетъ себя въ этой роли и съ самаго начала ея вполнѣ сознательно выступаетъ изъ узкихъ рамокъ своихъ спеціальныхъ интересовъ на путь принципіальной борьбы противъ политическаго строя.

Но въ этомъ своемъ новѣйшемъ фазисѣ студенческое движеніе политически уже переросло само себя. Для широкой, продолжительной національной борьбы за свободу студенчество съ его спеціальными интересами, стремленіями и требованіями является слишкомъ узкой и неустойчивой основой. А потому необходимымъ слѣдствіемъ вступленія передовой молодежи на почву непосредственно-политической борьбы будетъ то, что корпоративный, спеціально академическій патріотизмъ въ рядахъ ея уступитъ мѣсто стремленію слиться съ другими

революціонно-демократическими элементами въ одну неразлѣльную армію борцовъ за общенародную свободу. Студенческая среда сама по себѣ, какъ таковая, внѣ связи съ революціонно настроенными и революціонно активными слоями и группами массъ и интеллигенціи, не можетъ не становиться слишкомъ тѣсной для политически развитыхъ и идейныхъ представителей протестующей молодежи. Ходъ борьбы ея за свои права и интересы стихійно привелъ ее къ такому пункту, когда ея идеологамъ и организаторамъ приходится сознательно стремиться къ перенесенію центра тяжести своихъ силъ и своей дѣятельности на широкую арену революціонной демократіи. Въ ту же сторону должна толкать лучшіе элементы студенчества и нивеллирующая политика обезумѣвшаго правительства, своимъ безмѣрно дикимъ произволомъ уравнивающая въ безправіи всѣ классы, слои и національности имперіи. Послѣднія студенческія волненія открываютъ такимъ образомъ перспективу возрожденія въ студенчествѣ того революціоннаго и демократическаго энтузіазма, который въ 70-хъ гг. увлекалъ его лучшихъ представителей въ ряды соціально-революціонной партіи и препятствовалъ ему пріобрѣсти значеніе самодовлѣющей оппозиціонной силы.

Что на почвѣ такого настроенія въ массѣ студенчества можетъ развиться сильное тяготѣніе къ соціальдемократіи, это показываетъ вышеупомянутый манифестъ общаго съѣзда представителей университетской молодежи. Но рядомъ съ этимъ благопріятнымъ, съ нашей точки зрѣнія, симптомомъ, мы наблюдаемъ такой общій, а не изолированный фактъ, какъ оживленіе и усиленіе въ послѣднее время несоціальдемократическихъ и антисоціальдемократическихъ тенденцій и элементовъ въ *революціонномъ* лагерѣ. И, что особенно важно, историческая стихія сама несомнѣнно покровительствуетъ представителямъ этихъ тенденцій, можно даже сказать, что они являются ея безвольными и безсознательными орудіями, поскольку она враждебна политическому возвышенію рабочихъ массъ въ современной Россіи.

IV.

Дикій произволъ и звѣрскія жестокости правительства, настоятельная и неотложная необходимость повести борь-

бу съ нимъ на жизнь и смерть, вытекающая отсюда потребность въ объединеніи революціонныхъ силъ ради этой борьбы — все это стихійно влечетъ революціонные круги на путь подчиненія всѣхъ интересовъ, стремленій и силъ нашего движенія одной злободневной задачѣ низверженія абсолютизма. Освобожденіе Россіи отъ безграничнаго, чисто-азіатскаго произвола является жизненнымъ, жгучимъ общенароднымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ не только будущее Россіи, но и возможность просто жить, дышать и двигаться сегодня и завтра; откладывать это рѣшеніе нельзя ни на минуту. Передъ этимъ кореннымъ вопросомъ русской жизни совершенно исчезаетъ значеніе всякихъ междуфракціонныхъ разногласій; расходиться изъ за „теорій", доктринъ въ такой моментъ прямо преступно. А потому, во имя и ради „единенія": долой „сектантское доктринерство" и да будетъ нашимъ лозунгомъ: „нетерпимость ко всякой нетерпимости" *)—вотъ выводъ, стихійно навязывающійся людямъ, слѣпо увлекаемымъ „объективнымъ" ходомъ событій и потому относящимся съ фанатической „нетерпимостью" къ „доктринерскому" стремленію контролировать и регулировать стихійный историческій процессъ путемъ сознательной, принципіально выдержанной революціонно-соціалистической работы. „Что же, наконецъ, разъединяетъ насъ, соціалъ-демократовъ различныхъ толковъ и направленій, и сторонниковъ народовольчества?"— спрашиваетъ Не-стяжатель въ № 1 „Вѣстника русской Революціи" и категорически отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „ничто!" Но что же такое представляетъ собою, спрашиваю я, съ своей стороны, революціонное движеніе, всѣ силы, средства и взаимныя отношенія составныхъ элементовъ котораго всецѣло пріурочены къ одной только задачѣ борьбы съ самодержавіемъ? Такое движеніе можетъ быть либеральнымъ, радикально или умѣренно-демократическимъ, вообще буржуазнымъ, но никакъ не соціалистически-революціоннымъ въ истинномъ смыслѣ этихъ словъ. Поэтому, поскольку наша революціонная интеллигенція, слѣпо повинуясь „стихійному элементу развитія", стремится указаннымъ путемъ рѣшить настоятельныя революціонныя задачи переживаемаго нами

*) Наканунѣ № 30, „По вопросамъ дня".

момента, постольку она увлекаетъ наше движеніе въ сторону буржуазнаго демократизма. И само собою разумѣется, что мы обязаны были бы пойти по этому пути, если бы у насъ другого выхода не было для достиженія нашей ближайшей общереволюціонной цѣли— организаціи дружной атаки на общаго врага. Если бы ради сплоченія оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ для такой атаки необходимо было, чтобы мы до поры до времени запрятали наши революціонно-соціалистическія „доктрины" въ карманъ, или по крайней мѣрѣ игнорировали ихъ въ своей практикѣ, то мы безусловно обязаны были бы принести эту жертву дѣлу свободы. Но тогда ужъ не слѣдовало бы намъ, какъ *партіи*, величать себя соціальдемократами или соціалистами-революціонерами.

Но необходимо ли для нашего революціоннаго движенія такое, въ своемъ родѣ, кесарево сѣченіе надъ нимъ? Да и вообще достижимо ли желательное „единеніе" враговъ самодержавія на той почвѣ, въ той формѣ и тѣмъ путемъ, какіе рекомендуются намъ разными представителями радикальной интеллигенціи? Не является ли вообще утопіей „единеніе", къ которому они стремятся? Притомъ утопіей, вловредной съ точки зрѣнія не только основныхъ задачъ революціоннаго соціализма, т. е. соціальдемократіи, но и общедемократической задачи завоеванія прочной и широкой свободы всему населенію Россіи? Вотъ вопросы, надъ которыми слѣдовало бы серьезно задуматься людямъ, причисляющимъ себя къ поборникамъ революціоннаго соціализма.

Конечной цѣлью указанной тенденціи является созданіе либерально-демократической партіи, какъ объединяющаго и руководящаго центра всѣхъ политически недовольныхъ и протестующихъ элементовъ общества и народа. Съ наибольшей сознательностью, ясностью и опредѣленностью тенденція эта выражена въ „Наканунѣ", и именно въ статьяхъ Серебрякова, редактора этой газеты, выходившей съ января 1899 г. приблизительно до конца 1901 года. Серебряковъ — не мнѣническій, не самозванный народоволецъ, и не только по своимъ задушевнымъ стремленіямъ, но и по всему прошлому своей революціонной дѣятельности больше кого-либо изъ массы претендентовъ на наслѣдство партіи Народной Воли имѣетъ право на званіе соціалиста-революціонера.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, а быть можетъ, именно вслѣдствіе своего революціоннаго прошлаго, онъ яснѣе и опредѣленнѣе большинства другихъ представителей несоціалъ-демократической революціонной интеллигенціи ставилъ въ названномъ органѣ вопросы программнаго и тактическаго характера.

Въ № 31-2 „Наканунѣ“ онъ напечаталъ проектъ программы „боевой партіи“, спеціальной задачей которой должна быть борьба „съ самымъ сильнымъ, самымъ организованнымъ врагомъ, съ русскимъ царизмомъ, съ русскимъ самодержавіемъ“. И въ этомъ же номерѣ, въ той же статьѣ („Наступающая борьба“), которая посвящена обоснованію этой программы, мы находимъ отрывокъ изъ статьи ея автора въ первомъ номерѣ этой газеты, также посвященной вопросу о характерѣ и задачахъ революціонной партіи въ современной Россіи. „Боевая партія—сказано въ этомъ отрывкѣ—будетъ „соціально-революціонная“ по той причинѣ, что никакія другія направленія не могутъ дать достаточно энергичныхъ элементовъ для инціативы въ борьбѣ“. Спрашивается: въ какомъ именно смыслѣ она будетъ „соціально-революціонная“. Изъ дальнѣйшаго хода мыслей автора ясно видно, что рѣчь идетъ у него не о программѣ и тактикѣ этой партіи, а, если можно такъ выразиться, объ идейномъ происхожденіи или соціально политическихъ симпатіяхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ члены ея будутъ вербоваться. „Никакія другія направленія, кромѣ тѣхъ, которыя возникли на почвѣ соціально-революціонныхъ тенденцій, не способны вырабатывать контингента борцовъ за свободу, а потому изъ этого резервуара и приходится черпать силы для борьбы съ абсолютизмомъ“. Вотъ только въ этомъ именно смыслѣ Серебряковъ и называетъ партію, которая возьметъ на себя руководство этой борьбой, соціально-революціонной. Взглядъ его на характеръ программы новой партіи и на отношенія ея къ существующимъ революціоннымъ группамъ и фракціямъ ясно выраженъ имъ въ слѣдующихъ строкахъ.

„Основными ея требованіями будутъ требованія, общія болѣе или менѣе всѣмъ фракціямъ. Программа ея будетъ равнодѣйствующей программъ существующихъ группъ и партій. Партія дѣйствія есть партія временной необходимости, она живетъ не теоріей, а практикой жизни. Она

должна имѣть боевую программу для даннаго времени и ясно намѣченныя достижимыя цѣли. По самой своей сущности боевая партія не уничтожитъ существующихъ фракцій, она только объединяетъ ихъ на борьбу. Онѣ— партіи болѣе или менѣе ближайшаго будущаго, она партія настоящаго... Тѣ... подготовляютъ почву для торжества своихъ идеаловъ, или, какъ рабочіе союзы, ведутъ экономическую борьбу съ капиталистами и отвоевываютъ себѣ право на существованіе. Боевая партія подводитъ итоги, агитируетъ, нападаетъ на врага, завоевываетъ все возможное, подводитъ окончательный итогъ пережитому и сходитъ со сцены. А потомъ опять начинается работа фракцій, группъ и союзовъ. Боевая партія есть не болѣе, какъ временный союзъ всѣхъ фракцій—какъ равнодѣйствующая всѣхъ направленій".

Здѣсь, повидимому, рѣчь идетъ только о группахъ и фракціяхъ, выступающихъ подъ флагомъ „соціализма". Но подъ вліяніемъ весеннихъ демонстрацій 1901 года обнаружились признаки подъема оппозиціоннаго настроенія и духа протеста и въ „обществѣ", т. е. въ либеральныхъ слояхъ. Стало быть, „зарождающаяся боевая партія" должна охватить, обнять въ своей программѣ и эти слои; приведенныя разсужденія должны и на нихъ простираться, программа этой партіи должна быть, однимъ словомъ, „равнодѣйствующей программъ" не только всѣхъ соціально-революціонныхъ, но и либерально-оппозиціонныхъ группъ и теченій. На этой именно мысли и основана программа Серебрякова. Въ ней отсутствуетъ традиціонное въ нашихъ революціонныхъ программахъ указаніе на соціалистическое profession de foi ея составителей и послѣдователей, нѣтъ и намека на „соціалистическій идеалъ", какъ конечную цѣль революціоннаго движенія. Она содержитъ только „требованія", которыя „общи всей оппозиціи и во имя которыхъ она (т. е. оппозиція. П. А.) можетъ дѣйствовать солидарно". И это вполнѣ послѣдовательно съ точки зрѣнія, резюмированной въ вышеприведенныхъ строкахъ. „Политическое и экономическое освобожденіе народа — торжество соціализма" есть „вопросъ отдаленнаго будущаго", новая же партія должна быть исключительно партіей *„настоящаго"* момента, *„равнодѣйствующей всѣхъ направленій"* оппозиціи, выразительницей и представительницей конкретныхъ, назрѣвшихъ

требованій, общихъ имъ всѣмъ въ настоящее время. А все, что выходитъ изъ рамокъ этихъ требованій, все, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу о „торжествѣ соціализма“, не должно имѣть мѣста въ программѣ „боевой партіи“.

Рядомъ съ ней продолжаютъ, какъ мы видѣли, существовать старыя группы и фракціи, занимающіяся тѣмъ, что „подготовляютъ почву для торжества своихъ идеаловъ“. Но онѣ являются въ схемѣ Серебрякова децентрализованными кружками, подвластными той партіи, спеціальная задача которой не выходитъ изъ рамокъ „настоящаго“, т. е. борьбы съ самодержавіемъ. Не онѣ, а эта „*партія временной необходимости*“ „подводитъ итогъ“ ихъ революціонной дѣятельности; въ будущемъ имъ предстоитъ вершить судьбы міра, по теперь, въ настоящій моментъ, онѣ, какъ носительницы „идеаловъ“ соціализма, должны удовлетвориться скромной ролью культурныхъ просвѣтителей, педагоговъ въ штатскихъ школахъ для подготовки рекрутъ для этой партіи, которая является настоящей боевой революціонной арміей, общепризнаннымъ центромъ, объединяющимъ всѣ активные и недовольные элементы подъ своимъ знаменемъ. Однимъ словомъ, историческая миссія революціоннаго авангарда Россіи въ борьбѣ за гражданскую и политическую свободу, вѣроятно по историческому праву, должна выпасть на долю такой партіи, которая на своемъ знамени не будетъ выставлять задачъ, выходящихъ за предѣлы либерально-революціоннаго демократизма.

Далеко не такъ прозрачно, ясно, а главное, не такъ послѣдовательно тенденція эта выступаетъ наружу въ другихъ программахъ и изданіяхъ соціалистовъ-революціонеровъ. Въ „Вѣстникѣ Русской Революціи“ и „Революціонной Россіи“ она пробиваетъ себѣ путь стихійнымъ, безсознательнымъ путемъ, разными закоулками и зигзагами. Такъ напримѣръ, въ статьѣ „Рабочій вопросъ и революція“, напечатанной въ № 1 „В. Р. Р.“ идея подчиненія всѣхъ революціонныхъ силъ и политически недовольныхъ массъ гегемоніи особой, внѣ ихъ и надъ ними стоящей партіи борьбы съ самодержавіемъ развивается подъ видомъ раздѣленія революціонной дѣятельности на двѣ особыхъ категоріи: созидательную и разрушительную. „Созидательная (т. е. пропаганда ученій и „идеаловъ“

соціалистическихъ. П. А.) работа станетъ твердо на почву рабочаго движенія... Разрушительная же работа (спеціально направленная на борьбу противъ самодержавія. П. А.) потребуетъ *централизаціи* (курсивъ автора) всѣхъ боевыхъ силъ" (стр. 260). Т. е. авторъ этихъ строкъ совершенно также, какъ Серебряковъ, предлагаетъ соціалистамъ, какъ *таковымъ*, поскольку они работаютъ для „идеаловъ будущаго", отказаться отъ сплоченія своихъ силъ въ централизованную боевую партію, объединяющую въ своей дѣятельности преслѣдованіе этихъ идеаловъ съ борьбой за свободу; наоборотъ, ихъ силы и дѣятельность должны остаться въ стадіи кружковщины, полной децентрализаціи, кустарничества. Борьба противъ азіатскаго государственнаго строя должна быть выдѣлена подъ названіемъ „разрушительной работы" въ самостоятельную функцію особой организаціи, и эта-то организація должна быть централизованной и поглощать „всѣ боевыя силы", наиболѣе энергичные, самоотверженные, самостоятельные и инициативные элементы.

Подобно большинству своихъ единомышленниковъ, авторъ цитированной статьи мотивируетъ и обосновываетъ свою программу дѣйствія ссылкой на авторитетъ партіи „Народной Воли", непосредственными преемниками и единственными полноправными наслѣдниками которой они себя считаютъ и провозглашаютъ. Въ то же время они дѣлаютъ кое какія отрывочныя заимствованія изъ арсенала идей соціальдемократіи. Но и обрывки народовольчества, и крохи соціальдемократическаго міросозерцанія служатъ въ лагерѣ соціалистовъ-революціонеровъ, незамѣтно для нихъ самихъ, логическимъ орудіемъ для устраненія изъ сознанія интеллигенціи всѣхъ идейныхъ препятствій къ образованію единой, нераздѣльной партіи борьбы за политическую свободу. Горячая защита права революціоннаго меньшинства на самоотверженную героическую инициативу, хотя право это никѣмъ изъ революціонныхъ дѣятелей и писателей не оспаривается; рьяное превознесеніе историческихъ заслугъ и значенія идеологической интеллигенціи, которую опять таки никто не обижаетъ; идеализація крестьянства, независимо отъ его „соціалистическихъ идеаловъ" и внутренней дифференціаціи, или вѣрнѣе идеализація даже спеціально мелкобуржуазныхъ его слоевъ; далѣе, попытки идеализи-

ровать либеральное или прогрессивное общество, пропитанное будто бы соціалистическими тенденціями; наконецъ, стремленіе сузить понятіе „буржуазія" тѣснымъ кругомъ кулаковъ и торговопромышленныхъ капиталистовъ, — таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ логическій путь, которымъ мысль радикальной интеллигенціи двигается безсознательно впередъ по наклонной плоскости обуржуазиванія освободительнаго движенія Россіи, подготовляя почву для объединенія всѣхъ оппозиціонныхъ классовъ и слоевъ, въ качествѣ tiers-état, угнетеннаго „народа", подъ революціонной гегемоніей „партіи настоящаго", которая по своимъ непосредственнымъ практическимъ задачамъ явилась бы не болѣе, какъ партіей либерально-демократической. Тѣ самые господа, которые намъ говорятъ: „не стоитъ изъ-за доктринъ расходиться" и провозглашаютъ своимъ лозунгомъ: „война нетерпимости" (соціальдемократовъ), эти самые господа сплятся изъ обрывковъ разныхъ ученій и „доктринъ" состряпать теорію буржуазно-демократической практики революціоннаго движенія въ Россіи.

Эволюція радикальной интеллигенціи въ этомъ направленіи началась уже въ 80-хъ годахъ, а зародыши ея не трудно открыть въ разногласіяхъ, волновавшихъ революціонную партію въ моментъ распаденія знаменитаго общества „Земля и Воля" на партію „Народная Воля" и организацію „Черный Передѣлъ".

Историческія задачи и субъективныя цѣли русскаго революціоннаго движенія.

I.

Преемственная связь нашего соціальдемократическаго движенія съ народническимъ *).

Брошюра, по поводу которой я пишу предлагаемую статью, не мало будетъ способствовать установленію генетической связи русской соціальдемократіи съ эпохой революціоннаго народничества. Въ началѣ 80-хъ годовъ, когда соціальдемократія впервые появилась какъ самостоятельное теченіе въ русскомъ революціонномъ движеніи, связь эта сама собою бросалась въ глаза. Притомъ же она не только живо сознавалась членами группы „Освобожденіе Труда", но и подчеркивалась ими въ ихъ программѣ и изданіяхъ. Сошлюсь, между прочимъ, на произведенія Плеханова „Соціализмъ и Политическая Борьба" и „Наши Разногласія", въ которыхъ онъ обращается къ народникамъ и главнымъ образомъ къ народовольцамъ, какъ къ товарищамъ, убѣждая ихъ, въ интересахъ ихъ собственнаго дѣла и ради обезпеченія „Народной Волѣ" полной гегемоніи въ революціонномъ движеніи, стать подъ знамя международной соціальдемократіи. Но по мѣрѣ того, какъ партія эта умирала и на ея мѣсто выступали люди, нерѣдко лишенные не только революціоннаго энтузіазма, но и простого революціоннаго чутья, традиціи ея все болѣе блѣднѣли въ сознаніи молодыхъ поколѣній демократической интеллигенціи и теряли надъ ними свою обаятельную силу. Мало того: подъ вліяніемъ упорной и нелѣпой вражды обскурантовъ народничества къ марксизму, въ кругахъ молодежи, тяготѣвшей къ нему, зародилось и распространилось уже прямо огульное отрицательное от-

*) Предисловіе къ 1-му изд. брошюры Мартова „Красное Знамя".

пошеніе къ революціонному движенію 70-хъ годовъ. На это печальное явленіе я уже указалъ въ своей брошюрѣ „Къ вопросу о задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ“. Въ настоящее же время, когда подъ флагомъ „чистаго рабочаго движенія“ дѣлаются попытки совратить послѣднее съ революціоннаго пути, индифферентизмъ, а тѣмъ болѣе отрицательное отношеніе къ народническому періоду получаютъ уже прямо реакціонный смыслъ. Въ виду этихъ попытокъ мы должны, наоборотъ, стараться оживить героическія преданія нашей революціонной „старины“ и выяснить ея роль и значеніе въ историческомъ процессѣ подготовленія элементовъ и почвы для русскаго соціальдемократическаго движенія. Этимъ именно соображеніемъ мы и руководствовались, когда мы въ „Объявленіи о возобновленіи изданій группы Освобожденіе Труда“ писали, что „въ настоящій моментъ соціальдемократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать тѣ стороны и тѣ практическія стремленія, которыя общи нашему движенію съ революціоннымъ народничествомъ“.

Настоящей своей брошюрой авторъ идетъ навстрѣчу этой потребности нашего движенія. Составляя свой очеркъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду цѣль гораздо болѣе широкую, чѣмъ только-что указанная. Но разсматривая наше соціальдемократическое движеніе, какъ родное дѣтище и прямое продолженіе революціоннаго движенія народнической эпохи, онъ попутно, прямо или косвенно, способствуетъ возстановленію въ умахъ тѣхъ нитей, которыя связываютъ первое съ послѣднимъ. Да едва-ли авторъ взялся бы за свой настоящій трудъ, если бы онъ иначе смотрѣлъ на родословную русскаго соціальдемократическаго движенія. Въ настоящемъ своемъ видѣ оно еще такъ недавно появилось на свѣтъ, такъ молодо, что не можетъ еще претендовать на вполнѣ самостоятельное мѣсто въ исторіи. Пока оно должно быть разсматриваемо, какъ *начало* совершенно новаго революціоннаго движенія въ Россіи, и въ то же время какъ продолженіе и заключительный фазисъ предшествовавшаго ему революціоннаго періода. И только придерживаясь такого взгляда, позволительно искать начало зарожденія и развитія нашего рабочаго движенія такъ далеко за хронологическими предѣлами его современнаго, оффиціально-партійнаго существованія, какъ это съ полнымъ основаніемъ дѣлаетъ авторъ.

На революціонное движеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ онъ смотритъ какъ на движеніе соціалистическое, одной изъ особенностей котораго является то, что оно развивалось особнякомъ отъ стихійной экономической борьбы рабочихъ массъ съ ихъ непосредственными эксплуататорами, сосредоточиваясь исключительно въ кругу радикальной интеллигенціи и передовыхъ единицъ городского пролетаріата. Какъ извѣстно и какъ авторъ подчеркиваетъ, такимъ же характеромъ отличалось соціалистическое движеніе и на Западѣ въ эпоху, предшествовавшую „современному международному соціалистическому рабочему движенію", въ которомъ соціализмъ и практическія стремленія рабочихъ массъ къ непосредственнымъ улучшеніямъ на почвѣ капиталистическаго общества органически соединены въ одно неразрывное цѣлое, образуя одинъ революціонный потокъ противъ основъ этого общества. Приравнивая въ этомъ отношеніи эпоху революціоннаго народничества къ періоду господства утопическаго соціализма въ передовыхъ странахъ, авторъ тѣмъ самымъ ясно указалъ и выдвинулъ на первый планъ общность идейной (но не теоретической въ тѣсномъ смыслѣ слова) почвы у нашего движенія и у предшествовавшаго, народническаго. Но кромѣ стремленія къ соціалистическому перевороту, какъ главной конечной цѣли русскаго революціоннаго движенія, народническая эпоха завѣщала намъ и идею революціонной самодѣятельности народныхъ массъ, какъ единственно вѣрнаго пути для совершенія этого переворота. Далѣе, въ теченіе той же эпохи созданы были первые кадры сознательныхъ революціонеровъ въ рабочей средѣ, уже сознательно стремившихся вызвать въ ней самостоятельное революціонное движеніе. Затѣмъ съ народническимъ періодомъ насъ соединяетъ и однаковость основныхъ условій положенія рабочаго класса въ Россіи, которыя, по справедливому замѣчанію автора брошюры, не измѣнились въ теченіе цѣлой четверти вѣка, протекшей со времени основанія въ серединѣ 70-хъ годовъ перваго Южно-русскаго Рабочаго Союза. Чрезвычайно важной точкой соприкосновенія между разсматриваемыми революціонными періодами является, наконецъ, и соціальный составъ большинства руководителей движенія. И теперь, какъ въ народническую эпоху, главный штабъ руководителей революціонныхъ элементовъ вербуется у насъ

еще преимущественно изъ разночинной интеллигенціи.

Несмотря однако на только-что указанныя точки соприкосновенія между старымъ и новымъ революціоннымъ движеніемъ, переходъ отъ перваго къ послѣднему потребовалъ преодолѣнія гораздо болѣе трудныхъ теоретическихъ препятствій, чѣмъ тѣ, съ которыми современная соціальдемократія столкнулась на Западѣ. Препятствія эти вытекали, главнымъ образомъ, изъ двухъ особенностей въ историческихъ условіяхъ, при которыхъ соціальдемократическое теченіе возникло на русской почвѣ. На Западѣ соціальдемократія при появленіи своемъ на исторической сценѣ застала пролетаріатъ уже вполнѣ сформировавшимся и борющимся за свои интересы классомъ, а буржуазную интеллигенцію—уже распростившейся со своими прежними революціонными стремленіями, въ лагерѣ эксплуататорскихъ классовъ, въ роли ихъ идейнаго и политическаго авангарда. Піонерамъ новаго соціалистическаго движенія приходилось тамъ, слѣдовательно, съ самаго начала обращаться главнымъ образомъ къ рабочимъ, и само оно родилось, такъ сказать, какъ непосредственное рабочее движеніе. Въ Россіи же соціальдемократія появилась на свѣтъ въ то время, когда промышленный пролетаріатъ находился еще въ первыхъ стадіяхъ своего выдѣленія изъ общей народной массы въ особый классъ и когда, за исключеніемъ незначительной горсти сознательныхъ рабочихъ, онъ въ революціонномъ смыслѣ спалъ еще глубокимъ сномъ. Главной революціонной силой являлась у насъ тогда именно интеллигенція, и къ ней, стало быть, нужно было прежде всего апеллировать въ интересахъ обезпеченія новому соціалистическому направленію возможно болѣе быстрыхъ успѣховъ и прочнаго развитія на русской почвѣ. Для того чтобы пробудить русскихъ рабочихъ къ сознательной исторической жизни и вызвать въ нихъ классовое революціонное движеніе, необходимо было завоевать умы и сердца наличныхъ революціонныхъ элементовъ въ пользу такого движенія, выяснивъ имъ, что только въ немъ одномъ заключается залогъ для полнаго торжества идеаловъ и стремленій, воодушевляющихъ нашу радикальную интеллигенцію. Уже одно это обстоятельство само по себѣ должно было усложнить содержаніе и задачи теоретической пропаганды русской соціальдемократіи при самомъ

ея зарожденіи. Во Франціи, Бельгіи или Италіи теоретическая задача первыхъ соціальдемократовъ состояла главнымъ образомъ въ выясненіи рабочимъ наиболѣе раціональныхъ путей и средствъ освободительной борьбы, которую они сами уже начали еще до появленія соціальдемократіи. У насъ же передъ нею въ началѣ стояла на первомъ планѣ задача выясненія еще радикальной интеллигенціи исторической законности и необходимости сознательно-революціоннаго рабочаго движенія на русской почвѣ. Но на этомъ пути намъ пришлось столкнуться съ цѣлымъ общественнымъ міросозерцаніемъ, возникшимъ и сложившимся въ эпоху перехода Россіи отъ натуральнаго и крѣпостническаго хозяйства къ капиталистическому, когда въ русской жизни господствовалъ еще не классовой, а только сословный антагонизмъ. Необходимость отстаивать свои интересы въ борьбѣ съ *революціонными* воззрѣніями, коренившимися въ общественной почвѣ, принципіально отличной отъ капиталистической, составляетъ вторую особенность въ положеніи первыхъ русскихъ соціальдемократовъ, которая, вмѣстѣ съ вышеуказанной, опредѣлила общій характеръ, объемъ и содержаніе ихъ теоретической пропаганды.

Народническій соціализмъ представляетъ собою продуктъ приспособленія господствовавшихъ на Западѣ на зарѣ нашего революціоннаго движенія ученій утопическаго соціализма къ отсталой русской дѣйствительности. Но уже классическія системы этого соціализма возникли подъ прямымъ вліяніемъ обнаружившагося классового антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазіей. Основатели этихъ системъ, читаемъ мы въ Манифестѣ Коммунистической Партіи, понимали, что „со своими планами они являются выразителями интересовъ главнымъ образомъ рабочаго класса, какъ болѣе другихъ страдающаго". Общественныя отношенія, теоретическимъ протестомъ противъ которыхъ явились ученія особенно Фурье и Роберта Оуэна, отличаются отъ современныхъ западноевропейскихъ преимущественно *степенью* своего развитія, а не основнымъ своимъ характеромъ. Историческая почва и основныя общественныя тенденціи принципіально однородны у научнаго и утопическаго соціализма. И какъ современный капитализмъ представляетъ собою лишь высшую ступень той же экономической эволюціи,

которая вызвала къ жизни утопическія ученія, такъ и современный соціализмъ является только болѣе научной, болѣе совершенной теоретической формой для выраженія тѣхъ же основныхъ общественныхъ тенденцій и задачъ, которыя представляютъ практическій корень и центръ тяжести этихъ ученій. Коренной ихъ недостатокъ въ области практики состоялъ, какъ извѣстно, въ отрицательномъ отношеніи къ „классовой организаціи пролетаріата“ и его „исторической самодѣятельности“. Но съ поступательнымъ ходомъ стихійнаго, массового рабочаго движенія и измѣненіемъ соціальнаго состава революціонныхъ кружковъ, вслѣдствіе возроставшаго притока передовыхъ элементовъ изъ рабочаго класса на счетъ элементовъ буржуазныхъ, недостатокъ этотъ устранялся какъ бы самъ собою въ практикѣ соціалистическаго движенія, безъ предварительной коренной ломки въ его теоретическихъ основаніяхъ. Историческій процессъ сближенія этого движенія съ массовымъ рабочимъ въ немногихъ словахъ прекрасно очерченъ въ вызвавшей настоящую статью брошюрѣ. Для моей цѣли важно лишь оттѣнить тотъ фактъ, что въ большинствѣ западныхъ странъ процессъ этотъ ко времени возникновенія соціальдемократическаго теченія значительно подвинулся уже впередъ, такъ что классовой антагонизмъ и борьба пролетаріата съ буржуазіей признавались тамъ анархистами и бланкистами не только какъ безспорные факты, но и какъ главные базисы и рычаги для революціоннаго соціализма. При такихъ условіяхъ соціальдемократія могла постепенно упрочиться и даже вытѣснить соціалистическія фракціи, теоретическіе корни которыхъ лежали въ утопическомъ соціализмѣ, не вступая въ рѣшительную борьбу съ основами его міросозерцанія. Ей достаточно было пустить въ оборотъ только нѣкоторыя изъ положеній и выводовъ марксизма, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ программѣ дѣйствій борющагося пролетаріата, чтобы успѣшно конкурировать съ представителями утопическаго соціализма въ рабочемъ движеніи. Можно сказать, что въ большинствѣ капиталистическихъ странъ практическая политика соціалистовъ стала соціальдемократической, путемъ усвоенія ими гомеопатическихъ дозъ изъ современнаго соціализма и эклектическаго сочетанія ихъ съ наличнымъ кругомъ идей, унаслѣдован-

пымъ отъ эпохи соціализма утопическаго. Подъ давленіемъ роста рабочаго движенія и капиталистическаго развитія, идеологи пролетаріата, воспитанные на утопическомъ соціализмѣ, сами иногда не сознавая этого практически эволюціонизировали въ направленіи къ соціальдемократической программѣ и тактикѣ. Ихъ мысль постепенно реформировалась въ духѣ практическихъ воззрѣній соціальдемократіи, а не революціонизировалась въ своихъ теоретическихъ основаніяхъ. Типическимъ примѣромъ такой эволюціи является рабочая партія въ Бельгіи, практика которой проникнута духомъ ученій соціальной демократіи, между тѣмъ какъ теоретическій ея базисъ отличается большимъ эклектизмомъ.

Въ Россіи путь полуэмпирической и эклектической эволюціи отъ утопическихъ воззрѣній къ соціальдемократіи исключался исторически разнороднымъ характеромъ основныхъ задачъ и тенденцій послѣдней, съ одной стороны, и тѣхъ общественныхъ тенденцій, которыя составляли реальный двигатель и подкладку утопическаго соціализма на русской почвѣ, съ другой. У насъ этотъ послѣдній явился идейнымъ знаменемъ для революціоннаго движенія, вызваннаго къ жизни гнетомъ абсолютизма и сословныхъ привиллегій, движенія, историческая миссія котораго состояла въ томъ, чтобы поднять крестьянскія массы во имя ихъ сословныхъ интересовъ на борьбу противъ унаслѣдованнаго отъ эпохи крѣпостного права государственнаго и общественнаго строя. Внутренняя, органическая (а не субъективная) тенденція этого движенія приблизительно такъ же далека была отъ соціализма, какъ буржуазныя революціонныя движенія Англіи, Франціи или Германіи въ соотвѣтствующія эпохи ихъ исторіи. Черезчуръ „проницательный“ читатель увидитъ въ этихъ словахъ противорѣчіе съ тѣмъ, что говоритъ авторъ брошюры и что у меня въ началѣ предисловія сказано о соціалистическихъ цѣляхъ и стремленіяхъ нашей интеллигенціи въ народническій періодъ. Но въ дѣйствительности противорѣчія тутъ никакого нѣтъ, или только кажущееся. Субъективно, въ сознаніи его революціонныхъ представителей, движеніе имѣло цѣлью „измѣненіе основъ существующаго строя“, т. е. произведеніе соціалистическаго переворота, но по своему общественному смыслу и своей реальной исторической тенденціи оно стремилось

къ измѣненію правовыхъ основъ этого строя и къ перераспредѣленію поземельной собственности въ пользу крестьянскаго сословія. Подъ вліяніемъ ученій утопическаго соціализма, насущная историческая задача радикальнаго очищенія русской почвы отъ старыхъ юридическихъ основъ и надстроекъ на время совсѣмъ исчезла изъ революціонныхъ программъ интеллигенціи, такъ что съ формальной стороны, можно сказать, послѣдняя грѣшила безусловнымъ пристрастіемъ къ „соціалистическимъ идеаламъ“ и слѣпой враждой къ либерализму. Впослѣдствіи въ ея средѣ нашлись мудрецы, приписавшіе этому главную причину пораженія народническаго революціоннаго движенія и настойчиво совѣтовавшіе впредь запрятать соціализмъ въ карманъ,—вплоть до того блаженнаго времени, когда Россія станетъ конституціоннымъ государствомъ. Но въ дѣйствительности причиной этой былъ недостатокъ элементовъ въ народѣ не только для соціалистическаго, но и для широкаго революціоннаго движенія вообще *). Если бы въ народной массѣ такихъ элементовъ

*) „Народъ“ былъ у насъ въ 60-хъ и отчасти въ 70-хъ годахъ тождественъ съ крестьянствомъ не только въ представленіи интеллигенціи, но и болѣе или менѣе въ дѣйствительности. А крестьянство неспособно было къ борьбѣ не только за „соціальную революцію“, но и за менѣе радикальныя цѣли. Бакунисты надѣялись подготовить его къ общему возстанію путемъ участія въ мѣстныхъ „бунтахъ“, организаціи и расширенія ихъ. Но эта программа основана была на традиціяхъ народныхъ движеній того далекаго, давно похороненнаго прошлаго, когда силы сопротивленія народа были гораздо значительнѣе, а административныя и военныя силы государства гораздо слабѣе, чѣмъ въ Россіи второй половины XIX-го вѣка. Оставляя въ сторонѣ всякія другія соображенія, можно сказать, что соотношеніе этихъ силъ уже само по себѣ дѣлало невозможнымъ возникновеніе, а тѣмъ болѣе успѣхъ широкого стихійнаго крестьянскаго возстанія. Но точно также утопично было стремленіе фракціи лавристовъ или пропагандистовъ вызвать обще-крестьянское сознательное революціонное движеніе, по духу и характеру подходящее къ современному рабочему движенію на Западѣ. Если для бунтарской тактики почвы *уже* не было, то для широкой систематической пропагандистской и организаціонной работы въ народныхъ массахъ—подъ какимъ бы то ни было революціоннымъ знаменемъ—въ 60-хъ и 70-хъ годахъ почва *еще* не была подготовлена. Поэтому, когда въ передовицѣ № 1 „Нар. Воли“ заявлено было, что вести пропаганду въ народѣ значитъ „биться, какъ рыба объ ледъ“, то съ точки зрѣнія *непосредственныхъ* революціонныхъ цѣлей и задачъ народническаго періода, заявленіе это соотвѣтствовало реальному

было достаточно, то, подъ какимъ бы идейнымъ флагомъ оно ни началось, — объективная логика русской экономической дѣйствительности и ходъ борьбы привели бы непосредственно не къ соціалистическому, а къ либеральному перевороту. Но въ томъ-то и дѣло, что революціонныхъ силъ въ народѣ въ наличности слишкомъ мало было — и историческая миссія идейной разночинной интеллигенціи осталась невыполненной. Въ этихъ двухъ внутренно связанныхъ фактахъ и заключается одна изъ главныхъ причинъ, въ силу которыхъ народническое движеніе, несмотря на свою особенную историческую основу и на свою объективно-буржуазную тенденцію, подобно утопическимъ соціалистическимъ движеніямъ на Западѣ играло у насъ роль подготовительнаго фазиса для соціальдемократіи, и подобно имъ, внутренно связана съ ней. Не рѣшенная народническимъ періодомъ общественная задача ждетъ еще своего рѣшенія, но не въ сословномъ антагонизмѣ крестьянства съ помѣщиками, а въ *классовой* борьбѣ нашего юнаго промышленнаго пролетаріата съ юной промышленной буржуазіей лежитъ ключъ къ этому рѣшенію. Классовая борьба перваго со второй должна явиться у насъ базисомъ и рычагомъ для искорененія сословнаго антагонизма и для освобожденія Россіи отъ государственнаго крѣпостничества. Это значитъ, что на долю освободительнаго движенія рабочаго класса и соціализма выпадаетъ у насъ историческая миссія, въ большей или меньшей степени выполненная на Западѣ въ свое время либерализмомъ. Но отсюда въ то же время слѣдуетъ, что и радикальная демократическая интеллигенція, игравшая на Западѣ роль революціоннаго знаменоносца либерализма, должна въ Россіи стать авангардомъ соціалистическимъ не только субъективно, по своимъ общимъ идеаламъ и идейнымъ лозунгамъ, но и по объективному содержанію и общественному смыслу своей практической дѣятельности, т. е. она должна прежде всего стать на почву обще-классовыхъ интересовъ пролетаріата, проникнуться ими и слить съ ними свои идеальныя стремленія и революціонные помыслы. И вотъ для расчистки пути

положенію вещей и представляло собою выводъ изъ опыта тогдашнихъ революціонеровъ

въ умы радикальной интеллигенціи этому взгляду на историческую роль и взаимныя отношенія ея и нашего пролетаріата, понадобилось совершить цѣлую теоретическую революцію въ головахъ нашихъ революціонеровъ и кандидатовъ въ таковые. Плеханова упрекали, какъ писателя, и всю группу „Осв. Труда", какъ издательскій и пропагандистскій кружокъ, что онъ и она потратили значительно больше силъ и средствъ на борьбу съ теоретическими и философскими заблужденіями и предубѣжденіями народнической интеллигенціи, чѣмъ на чисто рабочую литературу. Упреки эти, поскольку они диктуются безкорыстными мотивами, основаны на совершенномъ незнаніи и непониманіи условій зарожденія и первоначальнаго развитія русской соціальдемократіи.

Поучительна въ этомъ отношеніи судьба практическихъ попытокъ у насъ въ соціальдемократическомъ духѣ въ теченіе 70-хъ годовъ. О попыткахъ этихъ разсказываетъ авторъ брошюры. Читая о нихъ, невольно спрашиваешь себя: отчего всѣ онѣ оказались безконечно менѣе прочными и устойчивыми, чѣмъ другія революціонныя организаціи того десятилѣтія? Отчего онѣ не оставили по себѣ теченія, способнаго хоть настолько выдержать противодѣйствіе враждебныхъ силъ, чтобы не затеряться и не заглохнуть? Когда группа „Осв. Труда„ выступила съ пропагандой соціальдемократическихъ идей, мысль о сознательно-революціонной самодѣятельности русскаго пролетаріата встрѣчена была какъ нелѣпая утопія, о которой въ русской революціонной средѣ никогда не слыхали. Мы увидѣли себя не въ роли продолжателей дѣла, уже ранѣе начатаго, а наоборотъ въ положеніи людей, расчищающихъ путь въ мѣстности, по которой раньше нога человѣческая еще не ступала. Значитъ, соціальдемократическіе зародыши народническаго періода не успѣли настолько развиться и укрѣпиться, чтобы оставить по себѣ сколько-нибудь живыя традиціи, на которыя можно было бы съ успѣхомъ опереться при возобновленіи усилій на пользу организаціи среди русскихъ рабочихъ самостоятельнаго движенія.

Хотя нашъ авторъ и не ставитъ прямо вопроса о причинахъ этого факта, въ брошюрѣ находятся, однако, данныя и указанія для отвѣта на этотъ вопросъ. Заключеніе, къ которому они приводятъ, состоитъ въ томъ,

что непосредственной причиной слабости и неустойчивости первыхъ соціальдемократическихъ попытокъ явилось пассивное отношеніе къ нимъ со стороны наиболѣе активныхъ революціонныхъ силъ народническаго періода. Чтобы преодолѣть эту пассивность ихъ, необходимо было выяснить и показать имъ, что дальнѣйшій ростъ и успѣхъ русскаго революціоннаго движенія возможны только подъ условіемъ превращенія его въ классовое, т. е. политическое, движеніе русскаго пролетаріата. Но инпціаторы начинаній соціальдемократическаго характера въ 70-хъ годахъ сами далеки были отъ такого взгляда на историческую роль нашего рабочаго класса и на обязанности радикальной интеллигенціи по отношенію къ нему. Начинанія эти носили характеръ эмпирическихъ попытокъ, въ теоретическомъ отношеніи оставаясь болѣе или менѣе въ кругу господствовавшихъ идей и въ большинствѣ случаевъ не очень удаляясь отъ нихъ. Примѣромъ можетъ служить, между прочимъ, и упоминаемый авторомъ второй Южно-русскій Рабочій Союзъ, для котораго я написалъ программу и довольно большую объяснительную записку къ ней *). Какъ по своимъ конечнымъ цѣлямъ и ближайшимъ требованіямъ, такъ и по общей мотивировкѣ ихъ, программа эта была столь же соціальдемократична, какъ и программы большинства западныхъ соціальдемократическихъ партій въ то время. Но въ основѣ ея лежала еще порядочная доза бакунизма, эклектически смѣшанная съ воззрѣніями соціальдемократическими. Обращаясь непосредственно къ сознательнымъ представителямъ рабочихъ, я могъ въ своихъ теоретическихъ посылкахъ ограничиться указаніемъ на необходимость соціалистической революціи въ интересахъ окончательнаго освобожденія пролетаріата и выясненіемъ извѣстнаго положенія Интернаціонала, что освобожденіе это можетъ и должно быть дѣломъ самого рабочаго класса.

*) Онъ основанъ былъ лѣтомъ 1879 г. Но къ концу того же года я, по требованію товарищей, долженъ былъ переселиться въ Питеръ, и скоро во главѣ его стали народовольцы. Замѣчу кстати, что ни одинъ изъ рабочихъ, вошедшихъ въ этотъ Союзъ, ни разу не упоминалъ передо мною объ одесской рабочей организаціи того же имени, погибшей въ 1875 г. Очевидно, у нихъ не сохранилось о ней никакихъ традицій, хотя всѣ они еще до моего пріѣзда въ Одессу были спропагандированы.

Эти посылки достаточны были для того, чтобы мотивировать передъ рабочими программу, въ которой, вслѣдъ за соціалистической цѣлью, фигурировали „ближайшія требованія"—экономическія и политическія. Но онѣ совершенно не затрагивали общаго характера народническаго движенія и его теоретическихъ основъ и уже потому рѣшительно не могли повліять на образъ мыслей революціонной интеллигенціи въ смыслѣ, благопріятномъ для пропаганды и агитаціи среди рабочихъ. Для того чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на эту интеллигенцію и обезпечить за возникшими въ 70-хъ годахъ рабочими организаціями болѣе или менѣе прочную традицію, необходимо было, основывая ихъ, въ то же время начать принципіальную борьбу съ революціонными воззрѣніями, въ которыхъ центральное мѣсто занимали, съ одной стороны, идеализація крестьянства съ уцѣлѣвшими „устоями" старой Россіи и вѣра въ историческое всемогущество интеллигенціи, а съ другой — пессимистическія представленія о пролетаріатѣ и совершенно превратныя понятія о природѣ и историческихъ тенденціяхъ капитализма. Борьбу эту нужно было начать въ одно и то же время во имя настоящихъ и будущихъ интересовъ русскаго рабочаго класса и—во имя интересовъ самого революціоннаго движенія, начатаго интеллигенціей, и его насущныхъ историческихъ задачъ. Но въ разсматриваемое время некому и некогда было взяться за нее. Иниціаторами ея должны были явиться члены той же интеллигенціи, которая воспитана была на міросозерцаніи, принципіально противоположномъ научному соціализму. Она переживала тогда героическій фазисъ своей исторической жизни и находилась еще подъ вліяніемъ живыхъ традицій эпохи, въ которой сложилось это міросозерцаніе. Все это вмѣстѣ держало революціонную мысль какъ бы на привязи, сковывало ее и мѣшало высвободиться изъ круга старыхъ воззрѣній даже тѣмъ немногимъ представителямъ революціонной интеллигенціи, которые серьезно сочувствовали дѣлу пропаганды и организаціоннымъ попыткамъ среди рабочихъ. Принципіальная критика этихъ воззрѣній могла начаться и дѣйствительно началась лишь послѣ того, какъ народническое движеніе, ходомъ и результатами своими, приведено было въ тупой уголъ, и передъ революціонными элемен-

тами самъ собою выдвинулся роковой вопросъ: Что же теперь? Куда и какъ дальше идти?

Насколько планъ и задача, поставленныя себѣ авторомъ брошюры, позволили, онъ остановился на этомъ переходномъ моментѣ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Принимаясь за свое предисловіе, я намѣревался воспользоваться выходомъ въ свѣтъ этой брошюры для того, чтобы подвести итогъ теоретической революціи, оказавшейся необходимой для „выведенія русскаго революціоннаго движенія на новый путь". Для этого мнѣ нужно было бы, съ сочиненіями Плеханова въ рукахъ, дополнить и оттѣнить замѣчанія автора о дѣятельности группы „Осв. Труда". Къ сожалѣнію, упорная болѣзнь и многократные перерывы въ работѣ изъ-за неотложныхъ партійныхъ и другихъ обстоятельствъ заставили меня отказаться отъ своего намѣренія. Питаюсь надеждой осуществить его при другомъ случаѣ. Тогда ужъ кстати придется подвести итогъ и фактическимъ идейнымъ результатамъ этой революціи, т. е. привести въ ясность, какіе элементы научнаго соціализма, въ какомъ видѣ и сочетаніяхъ вошли въ сознаніе массы соціалъ-демократической интеллигенціи и фактически вліяютъ на общее направленіе ея мысли и дѣятельности. Наше юное рабочее движеніе, повидимому, переживаетъ теперь критическій фазисъ въ своемъ развитіи, хотя тенденціозные оптимисты „Раб. Дѣла" и отрицаютъ или, по крайней мѣрѣ, недавно отрицали это. Въ такой моментъ очень полезно бываетъ бросить взглядъ на пройденный путь и привести въ ясность результаты, добытые на немъ.

Цюрихъ, октябрь 1900 г.

II.

Отъ революціоннаго анархизма къ демократическому либерализму *).

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ"—вотъ слова, которыя невольно приходятъ на память, когда сопоставляешь состояніе русскаго соціальдемократическаго движенія въ настоящій моментъ съ его состояніемъ въ моментъ выхода въ свѣтъ перваго изданія „Краснаго Знамени". Въ короткій промежутокъ времени, отдѣляющій другъ отъ друга эти моменты, физіономія и характеръ нашего движенія измѣнились до неузнаваемости; правда, оно еще очень далеко отъ той идеальной высоты, на которую оно должно подняться, чтобы стоять вполнѣ на уровнѣ своихъ историческихъ задачъ, но отъ нѣкоторыхъ изъ недостатковъ, сопровождавшихъ его дѣтство, оно, можно сказать, радикально избавилось.

Здѣсь я считаю нужнымъ спеціально отмѣтить, что тѣ отрицательныя черты въ немъ, на которыя я указывалъ въ своемъ предисловіи къ первому изданію брошюры Мартова, отошли въ вѣчность, такъ что представить себѣ даже трудно, что онѣ такъ недавно еще являлись характерными для него. Чистѣйшимъ анахронизмомъ оказывается теперь, напримѣръ, мое указаніе на такое явленіе въ нашемъ лагерѣ, какъ „огульное отрицательное отношеніе къ революціонному движенію 70 годовъ". И такимъ же явнымъ анахронизмомъ является то соображеніе, которымъ я въ своемъ первомъ предисловіи мотивировалъ важность установленія генетической связи нашего дви-

*) Предисловіе ко второму изданію брошюры Мартова „Красное Знамя", вышедшей подъ новымъ названіемъ „Пролетарская Борьба".

женія съ предшествовавшимъ ему народническимъ и „оживленія“, такимъ путемъ, въ умахъ геропческихъ преданій нашей революціонной „старины“.

Отношеніе массы русскихъ соціальдемократовъ къ классической эпохѣ народничества теперь, по существу, такое же, какое было съ самаго начала у группы „Освобожденіе Труда“. Отвергая теоретическія основы народническаго соціализма и относясь вполнѣ критически къ его программамъ, поскольку онѣ несовмѣстимы съ классовыми интересами пролетаріата и непригодны для рѣшенія историческихъ задачъ, выдвинутыхъ на очередь самимъ ходомъ революціоннаго движенія въ эпоху 70-хъ годовъ, русскіе соціальдемократы, можно сказать, единогласно или почти единогласно признаютъ теперь огромное историческое значеніе этой эпохи въ двоякомъ отношеніи: какъ кульминаціоннаго, геропческаго фазиса въ самостоятельномъ, фактически изолированномъ отъ широкихъ общественныхъ массъ, революціонномъ движеніи демократической интеллигенціи съ одной стороны, и какъ подготовительной стадіи въ процессѣ выработки элементовъ для возникновенія движенія соціальдемократическаго съ другой. Живое сознаніе преемственной связи нашей партіи съ ея народническими предшественниками стало всеобщимъ въ ея средѣ послѣ того, какъ она выступила на широкую арену непосредственно политической борьбы, и революціонный, т. е. подлинный марксизмъ вытѣснилъ въ ней господство оппортунистическихъ и иныхъ фальсификацій нашихъ ученій. Въ борьбѣ съ абсолютизмомъ и соціальными остатками крѣпостнической эпохи общность ближайшихъ историческихъ задачъ у нея и у ея революціонныхъ предшественниковъ бросается сама собою въ глаза. Но *теоретическое* сознаніе и пониманіе необходимости этой борьбы въ *интересахъ пролетаріата* даются именно марксизмомъ. Исходя изъ его ученій, группа „Освоб. Труда“ при самомъ вступленіи своемъ въ жизнь провозгласила ближайшей исторической миссіей передовыхъ элементовъ русскаго пролетаріата осуществленіе общедемократическихъ задачъ, оказавшихся не подъ силу радикальной интеллигенціи. И систематическая, страстная работа надъ выполненіемъ этой миссіи занимаетъ теперь центральное мѣсто и играетъ роль жизненнаго нерва въ повседневной практикѣ нашего движенія.

При такомъ характерѣ и направленіи дѣятельности русской соціальдемократіи лишается всякой реальной подкладки и всякаго реальнаго значенія мысль объ оживленіи славныхъ традицій героической эпохи, спеціально въ *интересахъ борьбы съ антиреволюціонными* тенденціями внутри и на периферіи нашего движенія. Такимъ тенденціямъ нѣтъ мѣста въ атмосферѣ страстной политической борьбы. Попытки, подъ флагомъ „чисто рабочаго движенія", совратить его съ революціоннаго пути, предпринимаются теперь только полицейскими демагогами, въ непосредственныхъ интересахъ реакціонной клики. Но для борьбы съ полицейской демагогіей и съ приспособленнымъ къ ея цѣлямъ трэдъюніонизмомъ нѣтъ никакой надобности въ „оживленіи героическихъ преданій" народническаго періода. Соціальдемократія не нуждается въ ихъ помощи для этой цѣли по той простой причинѣ, что у ней самой достаточно силъ и средствъ, чтобы успѣшно бороться съ зубатовскими агитаторами: борясь съ политическими и экономическими угнетателями народныхъ массъ, она тѣмъ самымъ распространяетъ и поддерживаетъ въ нихъ революціонный духъ, развиваетъ энергію, революціонный идеализмъ и боевую предпріимчивость въ своихъ собственныхъ рядахъ и создаетъ собственныя традиціи героизма, самоотверженности и т. п. Вообще, въ борьбѣ со всякаго рода элементами, вліяніями и тенденціями, враждебными революціонному развитію нашего пролетаріата, мы можемъ смѣло опереться на внутреннія, органическія силы нашей собственной партіи. Это, конечно, нисколько не ослабитъ ея признательности и глубокаго уваженія къ именамъ славныхъ борцовъ умершей революціонной эпохи, точно такъ какъ успѣхи западной соціальдемократіи не мѣшаютъ ей поддерживать и развивать въ пролетаріатѣ сознаніе великаго историческаго значенія революціонныхъ движеній эпохи, предшествовавшей на западѣ самостоятельному выступленію его на историческую арену, и указывать ему на великія заслуги передъ человѣчествомъ героевъ и вождей этихъ движеній.

Центральный пунктъ въ моемъ первомъ предисловіи составляетъ вопросъ о причинахъ, по которымъ необходимымъ предварительнымъ условіемъ возникновенія и развитія соціальдемократическаго движенія въ Россіи являлась радикальная *теоретическая* революція въ голо-

вахъ демократической интеллигенціи, *радикальное* разрушеніе ея стараго общественнаго *міросозерцанія* во имя марксистскаго.

Какъ на главнѣйшую изъ этихъ причинъ, я указалъ на принципіальную разницу въ исторической подкладкѣ, въ характерѣ и содержаніи между новымъ и старымъ революціоннымъ движеніемъ. Являясь соціалистическимъ по своей окраскѣ, по стремленіямъ, конечнымъ идеаламъ и фразеологіи, движеніе 60 и 70 гг., по своему реальному общественному содержанію и исторической тенденціи, было тѣмъ не менѣе движеніемъ буржуазнымъ, разумѣется демократическимъ *). И основной чертой его является внутренній, органическій, *теоретически* непримиримый, антагонизмъ между его идейной оболочкой и реальнымъ содержаніемъ, между субъективной и объективной его стороной. Само собою разумѣется, антагонизмъ этотъ долженъ былъ давать себя чувствовать на каждомъ шагу и вызывать въ революціонной интеллигенціи стремленіе и попытки такъ или иначе избавиться отъ него, тѣмъ или инымъ путемъ приспособить свою программу къ насущнымъ потребностямъ Россіи и привести свои теоріи въ гармонію съ потребностями дѣйствительности.

Русская соціальдемократія зародилась на почвѣ и какъ продуктъ стремленій и попытокъ въ этомъ направленіи. Но a priori ясно, что всякіе другіе пути къ устраненію указаннаго противорѣчія съ логической необходимостью должны были вести къ тому, что революціонное движеніе пропитывалось буржуазными тенденціями и въ субъективномъ смыслѣ. Процессъ водворенія гармоніи между революціонной идеологіей и властными, стихійными требованіями жизни неизбѣжно долженъ былъ со-

*) «Въ Россіи, путь полуэмпирической и эклектической эволюціи отъ утопическихъ воззрѣній къ соціальдемократіи исключался исторически разнороднымъ характеромъ основныхъ задачъ и тенденцій послѣдней съ одной стороны и тѣхъ общественныхъ тенденцій, которыя составляли реальный двигатель и подкладку утопическаго соціализма на русской почвѣ съ другой. У насъ этотъ послѣдній явился идейнымъ знаменемъ для революціоннаго движенія", „внутренняя органическая (а не субъективная) тенденція". котораго „приблизительно такъ же далека была отъ соціализма, какъ буржуазныя революціонныя движенія Англіи, Франціи или Германіи въ соотвѣтствующія эпохи ихъ исторіи". См. выше, стр. 39.

вершаться на счетъ соціалистическихъ элементовъ этой идеологіи—путемъ ослабленія или даже умиранія соціалистически-революціонныхъ стремленій въ радикальной интеллигенціи и выбрасыванія за бортъ изъ ея практическихъ „идеаловъ“ всего того, что слишкомъ удалялось отъ историческихъ злобъ дня.

Этой стороны въ эволюціи народническаго движенія я въ первомъ предисловіи не касался. Теперь я считаю своевременнымъ и умѣстнымъ указать и на нее.

Въ прессѣ нашихъ противниковъ, провозглашающихъ себя единственными полноправными наслѣдниками классической эпохи народничества, результаты упомянутаго процесса преподносятся намъ, какъ „наслѣдство отцовъ и старшихъ братьевъ“, и въ той же прессѣ насъ обвиняютъ въ злостныхъ посягательствахъ на это „наслѣдство“*). Не безполезно поэтому бросить бѣглый взглядъ на его происхожденіе и соціальный характеръ.

Высшей точки развитія своихъ соціалистически-революціонныхъ стремленій интеллигенція народнической эпохи достигла въ началѣ 70 годовъ, въ періодъ мирной пропаганды и массоваго паллигримства „въ народъ“. Но этотъ же періодъ характеризуется и наиболѣе полной оторванностью революціонныхъ элементовъ отъ дѣйствительности съ ея насущными потребностями, наиболѣе сильнымъ разладомъ между соціалистическими „идеалами“ и настроеніемъ радикальной интеллигенціи съ одной стороны, и историческими задачами, вызвавшими ее на общественную арену,—съ другой.

Главнѣйшей изъ этихъ задачъ являлась организація народныхъ силъ для радикальнаго освобожденія Россіи отъ соціальнаго и политическаго наслѣдія эпохи крѣпостного права. Революціонная же доктрина требовала сосредоточенія всѣхъ силъ на подготовленіи соціальной революціи—и во имя, и въ интересахъ этой революціи, безусловно осуждала всѣ программы, отводящія центральное и вообще самостоятельное мѣсто цѣлямъ и задачамъ либерально-демократическаго свойства. Въ теоріи и въ своемъ воображеніи революціонная интеллигенція поднималась высоко надъ земной дѣйствительностью родной страны, увлекаясь грандіозной, непосредственно предсто-

*) А. Рудинъ. „Къ крестьянскому вопросу“. „Вѣст. Р. Р.“, № 3.

ящей перспективой полнаго разрушенія государства и всякихъ основъ соціальнаго неравенства. Какъ мизерна должна была казаться съ этой высоты дѣятельность, направленная на завоеваніе политической свободы и уничтоженіе остатковъ сословнаго неравенства! И не только мизерна, но и преступна, потому что отвлекала бы живыя, революціонныя силы на путь, ведущій къ господству капитализма и буржуазіи, а не къ предотвращенію ихъ торжества.

Желябовъ характеризовалъ этотъ періодъ русскаго революціоннаго движенія словами: „Въ нашей дѣятельности была юность розовая, мечтательная“. Увы! прибавлю отъ себя: и весь соціализмъ нашъ того времени былъ какой то „мечтательный“, не смотря на его ультрареволюціонную фразеологію. И революціонное движеніе именно постольку и носило тогда „чисто“-соціалистическій характеръ (въ смыслѣ утопическаго революціоннаго соціализма), поскольку радикальная интеллигенція, увлекаемая сильно приподнятымъ идеалистическимъ настроеніемъ, упосилась воображеніемъ въ воздушныя сферы грандіознаго соціальнаго переворота, для котораго исторія еще не подготовила никакихъ элементовъ на русской почвѣ.

Но если мы отъ настроенія и „идеаловъ“ періода „юности“ движенія 70 годовъ обратимся къ ученіямъ и практическимъ цѣлямъ „русскаго соціализма“ того времени, то увидимъ, что онъ уже въ своемъ абстрактно-идеалистическомъ фазисѣ заключалъ въ себѣ и субъективные элементы или зародыши развитія въ буржуазно-демократическомъ направленіи. „Русскій соціализмъ“ не могъ не заключать въ себѣ элементовъ буржуазно-революціонной идеологіи съ перваго дня своего рожденія по той простой причинѣ, что онъ началъ вылупливаться изъ-подъ оболочки западнаго утопическаго соціализма въ то время, когда въ Россіи еще царилъ и опредѣлялъ задачи революціонной партіи не классовой антагонизмъ пролетаріата и буржуазіи, а *сословный* антагонизмъ крестьянства съ дворянствомъ и самодержавной бюрократіей. Приспособить соціалистическія ученія запада къ русской дѣйствительности, значило наполнить ихъ другимъ, принципіально отличнымъ общественнымъ содержаніемъ: мѣсто пролетаріата должно было занять крестьянское

сословіе, а обобществленіе средствъ производства должно было быть замѣнено отобраніемъ земель у помѣщиковъ въ пользу крестьянъ, какъ ближайшею, непосредственной цѣлью революціоннаго движенія. Соціалистическую революцію въ производственныхъ отношеніяхъ „русскому соціализму“ пришлось замѣнить аграрной революціей съ цѣлью „справедливаго“ передѣла и раздѣла земельной собственности. Теоретически, или точнѣе въ фантазіи радикальной интеллигенціи, эта аграрная революція являлась непосредственнымъ прологомъ или даже началомъ полнаго или всесторонняго соціалистическаго переворота. Надежды эти, какъ извѣстно, основывались на идеализаціи крестьянства и общины въ соціалистическомъ смыслѣ. Соотвѣтственное превращеніе претерпѣло въ русскомъ соціализмѣ и извѣстное положеніе Интернаціонала: „Освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ“. У насъ это положеніе видоизмѣнилось въ соціально-неопредѣленный, расплывчатый, общедемократическій лозунгъ: „Освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа“; или: „Освобожденіе крестьянства должно быть дѣломъ самого крестьянства, организовавшаго въ самостоятельную революціонную силу“. И послѣ первыхъ же попытокъ осуществить этотъ лозунгъ на практикѣ начался періодъ соціалистическаго грѣхопаденія революціонной интеллигенціи народнической эпохи.

„Летучая пропаганда“ показала необходимость прочно „осѣсть“ въ деревнѣ, войти цѣликомъ въ среду ея повседневныхъ нуждъ и интересовъ и на нихъ основать революціонную дѣятельность въ крестьянствѣ. Затѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ деревней, революціонеры убѣдились въ томъ, что бездомные батраки-пролетаріи не пользуются и не могутъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ деревенской массы, привыкшей, какъ отмѣчаетъ Е. А. Серебряковъ въ своихъ воспоминаніяхъ *) „почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность“. Слѣдовательно, для того чтобы пріобрѣсти довѣріе, уваженіе и вліяніе въ крестьянствѣ, революціонной партіи необходимо было, во-первыхъ, своимъ агитаторамъ и пропагандистамъ дать возможность устрои-

*) „Общество Земля и Воля“. Спб. 1905 г., стр. 17.

ваться въ деревняхъ „хозяйственнымъ образомъ“, а во-вторыхъ, при посредствѣ своихъ членовъ, устроившихся тамъ такимъ образомъ, опереться на „мѣстныя“ и общія нужды, потребности и интересы именно домовитыхъ экономически самостоятельныхъ массъ крестьянства, однимъ словомъ, слить революціонное движеніе съ соціальными стремленіями и чаяніями среднихъ, яснѣе говоря мелкобуржуазныхъ слоевъ крестьянскаго сословія.

Попытки бунтарей упрочиться въ деревнѣ предпринимались, какъ извѣстно, въ теченіе слишкомъ незначительнаго періода, чтобы указанная тактика могла быть вполнѣ сознательно и систематически примѣнена на практикѣ и проявить въ дѣйствительности свою „конечную“ соціально-политическую тенденцію, сводившуюся къ тому, чтобы воспитать и подготовить средніе или мелко-буржуазные слои деревни къ роли революціоннаго авангарда своего сословія въ борьбѣ за его окончательное освобожденіе отъ его безправнаго состоянія. Но тактика эта теоретически оправдывалась отношеніемъ „русскаго соціализма“ къ нашему крестьянству, какъ къ соціально-экономически однородному классу, исторически призванному водворить царство всеобщаго равенства и свободы въ Россіи, и—принимая во вниманіе сравнительно слабое разслоеніе деревни и отсутствіе революціонно-активнаго пролетаріата въ то время—фактически не шла въ разрѣзъ съ интересами наиболѣе обездоленныхъ, забитыхъ и приниженныхъ массъ крестьянскаго сословія, а, наоборотъ, совпадала съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, что значила разница въ экономическомъ положеніи хозяйственно-самостоятельныхъ и даже *относительно* зажиточныхъ крестьянъ съ одной стороны, и хотя бы даже и бездомныхъ батраковъ съ другой, что значило соціальное разстояніе между этими элементами крестьянства—по сравненію съ антагонизмомъ этого сословія, какъ цѣлаго, противъ всякаго рода „пановъ“ или привилегированныхъ слоевъ? Невыносимыя податныя тягости, чиновничій произволъ, гнетъ земледѣльческаго дворянства, удержавшаго въ своихъ рукахъ лучшія земли, малоземелье, порабощеніе государствомъ и безпощадная эксплуатація со стороны деревенскихъ и иныхъ капиталистическихъ хищниковъ, покровительствуемыхъ и поддерживаемыхъ начальствомъ—все это объединяло и объединяетъ еще огромное, по-

давляющее большинство сельскаго населенія въ одно сословіе, солидарное въ своихъ страстныхъ мечтаніяхъ объ освобожденіи отъ своего безправнаго состоянія и въ чаяніи пожиться (царской милостью) на счетъ помѣщичьихъ земель. Народническій девизъ: „Земля и Воля“ обобщилъ въ революціонную формулу потребности, стремленія и „идеалы“, общіе крестьянскимъ массамъ, независимо отъ разницы въ хозяйственной самостоятельности ихъ составныхъ элементовъ. А такъ какъ настоящими, заправскими представителями крестьянства, способными выдѣлять изъ себя „умственныхъ“ общественно вліятельныхъ „мужиковъ“, являются средніе слои его, то a priori ясно, что народникамъ на нихъ то именно и пришлось бы обратить свое главное вниманіе. Логика отсталыхъ общественныхъ отношеній деревни и теоретическихъ посылокъ „русскаго соціализма“ должна была привести ихъ къ тому, чтобы признать эти слои естественными, исторически призванными выразителями интересовъ трудящихся массъ вообще, избрать ихъ главнымъ операціоннымъ базисомъ для революціонной партіи и, исходя изъ ихъ нуждъ и потребностей, изъ „мѣстныхъ интересовъ“, *или* сознаваемыхъ, систематически работать надъ возвышеніемъ ихъ до роли общенароднаго революціоннаго авангарда.

Бунтарское народничество является первымъ этапомъ на пути къ освобожденію нашего революціоннаго движенія отъ принципіальнаго противорѣчія между его субъективной и объективной стороной, между заимствованными на Западѣ соціалистическими идеалами и стремленіями, воодушевлявшими революціонную интеллигенцію, и дѣйствительнымъ, національно-историческимъ или общественнымъ содержаніемъ этого движенія. Весьма характерно рѣзко отрицательное, а вѣрнѣе пренебрежительное отношеніе практиковъ-народниковъ къ теоріямъ, къ „чистой доктринѣ“, несмотря на то, что они сами стояли на почвѣ революціонной доктрины „русскаго соціализма“. Факты и наблюденія, почерпнутыя изъ хожденія въ народъ, говорилъ Квятковскій на судѣ, „послужили къ выработкѣ новой программы дѣятельности, основанной уже не на данныхъ теоретическаго характера, а на живыхъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ жизнью народа“. Еще рѣзче подчеркнулъ это противопоставленіе народниками своей „программы дѣятельности“—теоріи, „доктринѣ“, Желябовъ

въ своей рѣчи на судѣ. „Мы рѣшились дѣйствовать, говорилъ онъ, во имя сознанныхъ народомъ интересовъ, уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, имъ самимъ сознаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей метафизиковъ оно перешло въ позитивизмъ и держалось почвы—это основная черта народничества". Но эта „основная черта" не только принципіально не противорѣчила „широкой доктринѣ" „русскаго соціализма" вообще и бакунизму въ особенности, но наоборотъ логически вытекала изъ нея, требовалась и обусловливалась ею. Газета „Земля и Воля", органъ бунтарей, прекрасно обосновывала и пропагандировала народническую программу, ни на іоту не отступая отъ точки зрѣнія „чистой доктрины" бакунизма. Но въ томъ то и дѣло, что протестъ народниковъ противъ „теоріи" въ дѣйствительности выражалъ стремленіе освободить революціонное движеніе, или точнѣе революціонную интеллигенцію изъ-подъ власти „соціалистическихъ идеаловъ" въ ихъ подлинномъ, западно-европейскомъ смыслѣ.

Въ періодъ „розовой мечтательной юности", на зарѣ народническаго движенія, мысль о крестьянскомъ возстаніи и его подготовленіи сливалась въ умахъ радикальной интеллигенціи съ увѣренностью въ близости соціальной революціи на Западѣ, которая не оставитъ камня на камнѣ въ его общественномъ зданіи и въ короткій періодъ водворитъ тамъ царство всеобщаго равенства, братства и свободы. И на русскую революцію мы невольно смотрѣли подъ угломъ зрѣнія непосредственно предстоявшей, какъ мы думали, западной соціалистической революціи. Подъ вліяніемъ опьяняющей революціонной фразеологіи тогдашней нелегальной печати, въ связи съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ появленіемъ и быстрыми успѣхами Интернаціонала и временнымъ господствомъ возставшаго въ Парижѣ пролетаріата надъ столицей Франціи, подъ вліяніемъ, наконецъ, своего собственнаго приподнятаго революціонно-идеалистическаго настроенія, житейски и политически неопытная демократическая молодежь рисовала себѣ въ своей фантазіи наше крестьянское возстаніе, какъ начало или непосредственный прологъ совершенно такой же соціалистической революціи въ Россіи, къ какой бакунисты призывали пролетаріатъ

на Западѣ. Съ этимъ настроеніемъ и съ *этой* соціально-революціонной перспективой задачи, выдвигавшіяся передъ революціонерами народнической практикой, стояли, дѣйствительно, въ принципіальномъ противорѣчіи. Отказываясь отъ непосредственнаго подготовленія соціалистическаго переворота (въ смыслѣ западнаго утопически-революціоннаго соціализма) въ пользу революціи чисто аграрной, подготовляемой агитаціей „во имя интересовъ, присущихъ сознанію“ фактически или потенціально вліятельныхъ, мелкобуржуазныхъ элементовъ крестьянства, народники фактически выбрасывали изъ практики революціоннаго движенія „соціалистическіе идеалы“, въ интересахъ приспособленія программы движенія къ властнымъ запросамъ (буржуазнымъ) русской дѣйствительности. До тѣхъ поръ, пока мысль или, по крайней мѣрѣ, воображеніе радикальной интеллигенціи находилось въ плѣну у западнаго утопическаго соціализма съ его стремленіями, идеалами, надеждами и перспективами, онъ являлся на русской почвѣ безплотнымъ идеаломъ, съ которомъ и во имя котораго можно было кое какъ висѣть въ соціально безвоздушномъ пространствѣ въ качествѣ революціонно-настроенныхъ сектантовъ, но никакъ нельзя было вызвать къ жизни широкаго народнаго движенія. Оставалось одно: предоставить болѣе или менѣе далекому будущему заботу о „конечныхъ“ идеалахъ, а въ настоящее время обратиться къ непосредственно осуществимымъ задачамъ, хотя бы онѣ и противорѣчили „чистой доктринѣ“ *соціализма*. Такова была истинная подкладка и дѣйствительный, принципіальный смыслъ отрицательнаго отношенія практиковъ народничества къ программѣ, основанной „на данныхъ теоретическаго характера“. Желябовъ, повидимому, сознавалъ это или, по крайней мѣрѣ, чувствовалъ. „Считая, говорилъ онъ, невозможнымъ провести въ народное сознаніе соціалистическіе идеалы цѣлостью, соціалисты перешли къ народникамъ“. „Вмѣсто пропаганды соціалистическихъ идей выступаетъ на первый планъ агитаціонное возбужденіе во имя интересовъ, присущихъ его сознанію“. А интересы эти ничего общаго съ „соціалистическими“ не имѣли и не имѣютъ.

Если бы народникамъ удалось на долго водвориться въ деревнѣ и вызвать тамъ массовое движеніе, то оно собственнымъ развитіемъ толкнуло бы ихъ на путь система-

тической борьбы съ абсолютизмомъ и довело бы процессъ превращенія „русскаго соціализма“ въ буржуазно-демократическую идеологію до его логическаго конца. Но еще прежде, чѣмъ піонеры бунтарскаго народничества успѣли укрѣпиться въ деревнѣ и заявить себя борьбой за ея „интересы“, въ городѣ возникло движеніе, которое непосредственнѣе и гораздо быстрѣе эволюціонировало въ этомъ направленіи. Здѣсь правительственныя репрессіи противъ революціонеровъ и ихъ главнаго резерва—студенческой молодежи—очень скоро привели къ тому, что низверженіе самодержавія стало для радикальной интеллигенціи „непосредственно ощущаемой и сознаваемой потребностью“. Но эта потребность революціонныхъ и либеральныхъ элементовъ буржуазіи стояла уже въ *принципіальномъ* противорѣчіи съ самой доктриной русскаго соціализма, осуждавшей борьбу за конституцію во-первыхъ во имя анархическаго идеала, а во-вторыхъ въ интересахъ предохраненія Россіи отъ торжества капитализма въ ней. И еще одно препятствіе принципіальнаго свойства заключалось въ „чистой доктринѣ“ для провозглашенія борьбы съ абсолютизмомъ главной задачей революціонной партіи. Доктрина эта, и въ лицѣ Бакунина, и въ лицѣ Лаврова съ его сотрудниками во „Впередѣ“, признавала, какъ своего рода соціально-революціонную аксіому, какъ соціалистически революціонное Credo, что, говоря словами Мышкина въ процессѣ 193-хъ, „революція можетъ быть совершена не иначе, какъ самимъ народомъ, при *сознаніи имъ*, во имя чего она совершается и что поэтому „настоящій государственный строй долженъ быть ниспроверженъ *только тогда, когда этого пожелаетъ самъ народъ*“ (курсивъ мой). Но для „народа“ политическая свобода въ то время еще не являлась „сознаваемымъ интересомъ“, а потому бороться за нее приходилось не иначе, какъ силами одной только интеллигенціи, опираясь на активное и платоническое сочувствіе „общества“ не дожидаясь, пока народъ самъ „пожелаетъ“ начать эту борьбу.

Какъ извѣстно, одна часть народниковъ, именно та, которая сгруппировалась въ организаціи „Чернаго Передѣла“, осталась вѣрна „чистой доктринѣ“ въ указанныхъ пунктахъ, другая, образовавшая партію „Народная Воля“, перешагнула черезъ принципіальную пропасть,

отдѣлявшую „русскій соціализмъ“ отъ чисто политической задачи борьбы за конституцію. „Мы признаемъ“, заявилъ Желябовъ на судѣ, „что правительство всегда будетъ, что государственность неизбѣжно должна существовать, поскольку будутъ существовать общіе интересы... Мы—не анархисты“. Затѣмъ, что касается точки зрѣнія „чистой доктрины“ на революціонную борьбу вообще и политическую въ частности, то ей противопоставлено было извѣстное заявленіе: „вести теперь пропаганду въ народѣ все равно, что биться, какъ рыба объ ледъ“. Наконецъ, относительно отсрочки работы въ пользу соціальной революціи, ради борьбы съ самодержавіемъ, партія „Народной Воли“ утѣшала себя и своихъ приверженцевъ перспективой „мирной пропаганды своихъ идей, мирной организаціи своихъ сторонниковъ“ послѣ низверженія абсолютизма *).

Фактически, партія „Н. В.“ порывала такимъ образомъ съ тѣмъ, что составляло самую сущность, духъ „русскаго соціализма“ и связывало его,—правда, при помощи иллюзіи—съ утопическимъ революціоннымъ соціализмомъ западнаго пролетаріата. Сущностью этой являлось стремленіе спасти Россію отъ „ига капитализма“ посредствомъ соціальной революціи, подготовленной соціалистической интеллигенціей путемъ организаціи активныхъ элементовъ крестьянства въ боевую, соціально-революціонную партію. Подготовленіе крестьянства къ той революціи, которая, по теоріи русскаго соціализма, введетъ русскій народъ прямо въ царство соціалистическаго равенства и братской солидарности, являлось въ теоріи самодовлѣющей задачей народничества. Откладывая эту задачу на будущее время, когда самодержавіе будетъ уже низвергнуто, партія „Народной Воли“ тѣмъ самымъ отказывалась отъ завѣтной идеи народническаго движенія, практически разрывала идейную связь его съ западнымъ соціализмомъ и если оставить въ сторонѣ пожеланія и надежды соціалистическаго характера — создавала рево-

*) Слова Желябова. Въ письмѣ къ Александру III Исполнительный Комитетъ заявилъ, что „организованныя около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе“.

люціонную „программу дѣятельности“, по существу либерально-демократическую.

Но на этой позиціи она очень недолго продержалась. „Чистая доктрина“, осуждавшая борьбу за конституцію, во имя соціальной революціи или соціализма, еще не потеряла своей власти надъ мыслью и, если можно такъ выразиться, надъ соціальной совѣстью радикальной интеллигенціи—и съ этимъ фактомъ нельзя было не считаться. И уже со второго номера органъ „политиковъ“, „Народная Воля“ начинаетъ поворачивать въ сторону „соціальной революціи“. Но только съ другого конца. Не крестьянское возстаніе повлечетъ за собою паденіе абсолютизма, какъ неизбѣжное слѣдствіе и частный эпизодъ въ крушеніи всего современнаго общественнаго зданія, а, наоборотъ, за побѣдой интеллигенціи надъ правительствомъ неизбѣжно тотчасъ послѣдуетъ крестьянское возстаніе и соціальная революція. Исходнымъ пунктомъ и рычагомъ соціальной революціи долженъ явиться политическій переворотъ, а не наоборотъ, какъ требовала теорія народничества. Обезпеченіемъ же такого исхода для движенія, которымъ руководила партія „Н. В.“, долженъ былъ служить временный захватъ ею въ свои руки государственной власти. Этимъ спасена была иллюзія непосредственной соціалистичности этого движенія, но за то внесена была неясность въ постановку вопроса о борьбѣ съ самодержавіемъ.

Завоеваніе возможно болѣе демократической конституціи, такова должна была быть, по мнѣнію Желябова, задача революціонной партіи. Въ органѣ же и въ программѣ „Народной Воли“ оффиціально задача эта начала сливаться съ идеей перескока Россіи помимо капитализма въ царство соціализма и снова терять такимъ образомъ свое самостоятельное значеніе. Желябовъ въ виду обезпеченія и пріобрѣтенія поддержки для партіи со стороны демократическихъ элементовъ общества, высказывался очень рѣзко противъ бунтарской тактики въ деревнѣ и фабричнаго террора и очень опасался крестьянскихъ бунтовъ, а тѣмъ болѣе серьезныхъ возстаній. Я говорю это на основаніи личныхъ бесѣдъ съ нимъ. Нужно ли еще доказывать, что, воскрешая въ своей прессѣ призраки аграрной революціи, съ придаткомъ, въ видѣ „системы мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и

фабрики", партія „Н. В." оффиціально, по крайней мѣрѣ, существенно расходилась съ программой и тактической точкой зрѣнія Желябова?

Въ народолюбіи и сочувствіи соціалистическимъ идеаламъ онъ, разумѣется, никому изъ русскихъ революціонеровъ не уступалъ. Но онъ превосходилъ большинство своихъ товарищей своимъ политическимъ смысломъ и чутьемъ. А потому онъ склонялся къ болѣе ясной постановкѣ вопроса о непосредственныхъ задачахъ и тактикѣ революціонной партіи. Но программа и тактика, основанныя на практическомъ разрывѣ съ мыслью объ аграрной революціи и на временномъ (до паденія самодержавія) отказѣ отъ всякихъ заботъ о соціализмѣ, означали бы, что фактически революціонное движеніе стало уже просто либерально-демократическимъ.

Тенденція, представителемъ которой былъ Желябовъ, въ періодъ господства партіи „Н. В." не получила программнаго выраженія и не обособилась въ самостоятельное теченіе, а, наоборотъ, частью мирно уживалась, частью сталкивалась внутри партіи съ противоположной тенденціей связать политическую борьбу съ перспективой аграрной революціи, какъ неизбѣжнаго слѣдствія и спутника паденія абсолютизма... И не только въ головахъ разныхъ членовъ партіи, но и въ однихъ и тѣхъ же индивидуумахъ обѣ эти тенденціи болѣе или менѣе мирно уживались другъ съ другомъ. Это объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время, какъ стремленіе революціонной интеллигенціи остаться вѣрной соціально-революціонной цѣли народничества было плодомъ разсудочнаго „доктринерскаго" консерватизма, своего рода данью со стороны соціалистической совѣсти этой интеллигенціи своимъ „идеаламъ", борьба за политическую свободу являлась для нея весьма интенсивной, „непосредственно ощущаемой и сознаваемой потребностью". Подобное же, по существу, резонерски или доктринерски холодное отношеніе къ своей соціально-революціонной миссіи преобладало и у большинства той части радикальной интеллигенціи, которая группировалась вокругъ общества „Черный Передѣлъ" и считала себя сторонницей ортодоксальнаго народничества. Прежняго соціально-революціоннаго энтузіазма и прежней вѣры въ крестьянство и въ этомъ лагерѣ не было замѣтно.

Народническая эпоха оставила, такимъ образомъ, соціальдемократическому періоду въ наслѣдство: во-первыхъ, воспоминаніе *) объ ортодоксальномъ народничествѣ, совсѣмъ отрицавшемъ законность борьбы съ самодержавіемъ, какъ самостоятельной, а тѣмъ болѣе главной задачи революціонной партіи; во-вторыхъ, программу партіи „Н. В.“, основанную на эклектическомъ, внѣшнемъ или механическомъ соединеніи задачи низверженія абсолютизма съ народнической иллюзіей предохраненія Россіи отъ капитализма при помощи аграрной революціи; въ-третьихъ, тенденцію нѣкоторой части радикальныхъ элементовъ совсѣмъ принести въ жертву соціально-революціонныя задачи и вообще соціалистическія стремленія революціонной интеллигенціи дѣлу завоеванія политической свободы. Соціально-революціонный элементъ въ программѣ партіи грозилъ заслонить собою злободневную задачу борьбы съ абсолютизмомъ и даже воскресить, если не къ новой жизни, то для прозябанія, народническіе предразсудки противъ буржуазной конституціи и буржуазнаго парламентаризма; стремленіе же совсѣмъ очистить программу и тактику движенія отъ соціально-революціонныхъ примѣсей грозило превратить революціонную партію въ чисто либерально-буржуазную. Но, какъ показала дальнѣйшая эволюція революціонной мысли въ сторону либерализма (припомните газеты: „Самоуправленіе“ и „Свободную Россію“, однимъ изъ редакторовъ которой былъ Бурцевъ), усвоеніе либеральной программы нашимъ освободительнымъ движеніемъ явилось бы еще большимъ тормазомъ для борьбы съ абсолютизмомъ, чѣмъ торжество бланкистскаго народничества, пропагандировавшагося Тихомировымъ блаженной памяти въ „Вѣстникѣ Народной Воли“. Подобно народникамъ, представители либеральнаго теченія въ нашемъ освободительномъ движеніи проникнуты были предразсудкомъ, что борьба за свободу есть главнымъ образомъ дѣло „образованныхъ классовъ и общества“, а отнюдь не народныхъ массъ. Одинъ изъ представителей этого теченія написалъ осенью 1881 г. въ газетѣ „Вольное Слово“ статью спеціально

*) Говорю: „воспоминаніе“ потому, что ко времени появленія соціальдемократіи бунтарское народничество не существовало уже какъ самостоятельное теченіе.

въ защиту этого взгляда, въ которой доказывалъ, что „все должно дѣлаться для народа, но только посредствомъ наиболѣе заинтересованной части народа" *), которой въ данномъ случаѣ является демократическая интеллигенція. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ фантазіяхъ на счетъ завоеванія конституціи безъ активнаго участія народныхъ массъ, роль главнаго героя играла уже не одна только демократическая интеллигенція, но и либерально настроенные слои высшихъ классовъ вообще. Либеральничавшіе фантазеры этого пошиба отрицательно относились къ мысли о политической агитаціи въ народныхъ массахъ не въ силу однихъ только предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ народническаго періода, но и по чисто буржуазно-оппортунистическимъ соображеніямъ объ опасностяхъ, связанныхъ для спокойствія имущихъ и „образованныхъ классовъ" съ появленіемъ этихъ массъ на революціонной аренѣ.

Опираясь на ученія Маркса и Энгельса, русская соціальдемократія освободила русскую революціонную мысль отъ тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ она запуталась, оставаясь въ кругу народническихъ идей; въ ученіяхъ научнаго соціализма соціальдемократы нашли ключъ къ рѣшенію тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые выдвинуты были на очередь ходомъ революціоннаго движенія подъ флагомъ народническаго соціализма, но рѣшить которые онъ оказался органически неспособнымъ. Этимъ самымъ они вывели обезсиленное ударами реакціи и внутренними идейными шатаніями между полярно-противоположными тенденціями движеніе изъ мертвой точки, въ которую оно попало, развиваясь на почвѣ народнической идеологіи. И вотъ теперь, послѣ того какъ ходъ экономическаго развитія Россіи, стихійный ростъ рабочаго движенія, успѣхи русской соціальдемократіи, послѣ того какъ вообще цѣлый рядъ многочисленныхъ и разнообразныхъ событій, фактовъ и явленій русской жизни наглядно и ярко подтвердили діагнозъ и прогнозъ, сдѣланные 20 лѣтъ тому назадъ по отношенію къ экономи-

*) Если память меня не обманываетъ, статья почти такими словами и озаглавлена была. Въ отвѣтъ на нее я написалъ большую статью подъ заглавіемъ: „Все для народа *посредствомъ* народа" напечатанную въ той же газетѣ.

ческому развитію Россіи соціальдемократами въ лицѣ Плеханова, и вооччю оправдали программу революціоннаго движенія, рекомендованную ими, какъ логически и практически необходимый выводъ изъ теоретическихъ посылокъ научнаго соціализма въ ихъ примѣненіи къ русской дѣйствительности, послѣ всего этого изъ лагеря нашихъ демократическихъ противниковъ выступаютъ господа, съ удивительной развязностью заявляющіе, что у насъ нѣтъ собственной, внутренней точки опоры и что это вынуждаетъ насъ „претендовать на наслѣдство отцовъ и старшихъ братьевъ“. Въ статьѣ „Къ крестьянскому вопросу“, напечатанной въ № 3 „В. Р. Р.“, А. Рудинъ, встревоженный, повидимому, опасеніемъ какъ бы соціальдемократы не лишили его партію монополіи на это наслѣдство, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ, каковы „мотивы, заставляющіе нынѣ русскихъ соціальдемократовъ прилѣпляться къ тому самому наслѣдству, которое они недавно еще съ такимъ непримиримымъ упрямствомъ громили брошюрной картечью и отъ котораго отрекались съ такимъ полемическимъ жаромъ“. Но недоумѣніе г. Рудина—только кажущееся. У него уже заранѣе въ запасѣ отвѣтъ, разсѣивающій это недоумѣніе. „Мысль, заключенная въ крѣпкія оковы догмы и осужденная въ нихъ на безплодіе, естественно стремится, въ порывѣ самосохраненія, податься и впередъ, и назадъ,—гдѣ она, *безпомощная* (курс. мой), въ богатомъ наслѣдіи прошлаго старается найти себѣ точку опоры, опредѣлить свои жизненныя основанія“ *).

Такъ говорить могутъ только господа, обладающіе незавидным счастьемъ такъ плотно затыкать себѣ уши и закрывать глаза, чтобы не слышать и не видѣть того, что происходило вокругъ нихъ въ теченіе двадцатилѣтняго періода, отдѣляющаго настоящій моментъ отъ момента появленія русской соціальдемократіи на общественной аренѣ. Въ чемъ, однако, состоитъ „богатое наслѣдіе прошлаго“, къ которому де недостатокъ собственной точки опоры заставляетъ соціальдемократовъ „прилѣпляться“? А вотъ видите ли, „отличительной чертой народовольческаго направленія, которое завѣщало намъ опытъ прошлаго и которое, около 20 лѣтъ тому назадъ, послѣднимъ

*) „В. Р. Р.“, стр. 212—220.

покинуло поле битвы, — было: рѣзкое подчеркиваніе политической борьбы и широко составленная программа, имѣвшая цѣлью, въ соотвѣтствіи съ силами врага, вовлечь въ борьбу всѣ сколько-нибудь пригодные слои населенія“ (ibid. 220).

Мы уже видѣли, что и въ самой постановкѣ вопроса о политической борьбѣ партія „Народной Воли“ проявила большія колебанія и неустойчивость, выражавшіяся въ разновременномъ и даже параллельномъ шатаніи между двумя полюсами: между простымъ, чисто демократическимъ радикализмомъ съ одной стороны, и старо-народнической тенденціей смотрѣть на низверженіе абсолютизма, какъ на попутный эпизодическій актъ великой исторической драмы соціальнаго переворота съ другой. Уже одно это обстоятельство не могло не служить помѣхой для вовлеченія въ политическую борьбу *всѣхъ* пригодныхъ слоевъ населенія. Но едва ли еще не большимъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе непосредственнымъ тормазомъ для этого являлось отношеніе народовольцевъ къ народнымъ массамъ, какъ къ элементу, лишенному при абсолютизмѣ способности и силы къ революціонной активности вообще и политической въ особенности. Вѣдь и самое подчеркиваніе необходимости политической борьбы мотивировалось безплодностью пропаганды и хожденія въ „народъ“ *). Но, съ другой стороны, и общество никоимъ образомъ нельзя было бы вовлечь въ борьбу тактикой, сводившей эту борьбу къ террору, и программой, выдвигавшей красный призракъ соціальной революціи. Для того чтобы „вовлечь въ борьбу всѣ пригодные для этого слои населенія“, необходимо было прежде всего теоретически рѣшить вопросъ о взаимномъ отношеніи соціализма и политической борьбы **), къ обоюдной выгодѣ того и другой, выяснить и установить правильное соотношеніе между ними. Литературный коллега г. Рудина, авторъ статьи „Эволюція русской соціалистической мысли“, повидимому, больше его понимаетъ значеніе этого во-

*) „Сизифова работа“, „все равно, что биться какъ рыба объ ледъ“—вотъ какими словами характеризовалась „дѣятельность въ народѣ“.

**) Первая брошюра, изданная „Группой Освобожденія Труда“ и написанная Плехановымъ, посвящена именно этому вопросу и такъ и озаглавлена: „Соціализмъ и политическая борьба“.

проса для злободневной задачи освобожденія Россіи отъ абсолютизма. Онъ прямо заявляетъ, что „съ этой задачей“ связаны два вопроса: „Какъ свалить самодержавіе съ наибольшей выгодой для соціализма? Какъ доставить возможно близкое торжество соціализму, не забывая въ то же время непосредственной политической цѣли: низверженія самодержавнаго деспотизма?“ *)

И вотъ эти-то кардинальные вопросы нашего революціоннаго движенія народническій періодъ оставилъ намъ въ наслѣдство нерѣшенными. Бакунисты не рѣшили ихъ потому, что они отрицали самую законность политической борьбы, какъ самостоятельной задачи, а народовольцы потому, что вступили на путь борьбы съ абсолютизмомъ, не имѣя времени подвергнуть принципіальной критикѣ утопическій соціализмъ и распроститься съ его теоріями. И такъ какъ къ тому и рабочаго движенія, какъ стихійнаго, хроническаго и массового явленія, которое своей элементарной силой непосредственно привлекало бы вниманіе революціонеровъ къ пролетаріату, какъ къ единственной революціонно-активной *народной массѣ* въ Россіи, въ то время у насъ еще не существовало, то они и чисто эмпирическимъ путемъ, такъ сказать ощупью, не освѣщаемой теоретическимъ сознаніемъ практикой не могли натолкнуться на сколько нибудь правильное рѣшеніе указанныхъ вопросовъ. Русская соціальдемократія, теоретически выяснивъ историческое значеніе нашего пролетаріата, какъ съ точки зрѣнія соціальной (соціалистической) революціи, такъ и съ точки зрѣнія борьбы за свободу, и направивъ всѣ свои силы на пропаганду и агитацію среди рабочихъ массъ, этимъ самымъ теоретически и практически слила задачу освобожденія Россіи отъ самодержавно-полицейскаго произвола съ задачей подготовленія соціалистической революціи въ одно органическое цѣлое. На идейной почвѣ соціальдемократіи, русское революціонное движеніе стало въ одно и то же время сознательной борьбой за политическую свободу и борьбой за соціализмъ, потому что борьба съ абсолютизмомъ ведется ею путемъ развитія классового, т. е. соціалистическаго сознанія рабочихъ массъ и объединенія ихъ въ самостоятельную политическую партію. Освободительное движеніе противъ

*) „Вѣстникъ Русской Революціи“ № 3, стр. 1.

существующаго государственнаго строя является, такимъ образомъ, первымъ фазисомъ, прологомъ освободительнаго движенія пролетаріата, какъ класса, противъ всего буржуазнаго общества. Но это отнюдь не можетъ служить помѣхой тому, чтобы соціальдемократія въ своей тактикѣ ставила себѣ цѣлью „вовлечь въ борьбу всѣ сколько нибудь пригодные для этого слои населенія". Какъ разъ наоборотъ: наше матеріалистическое пониманіе историческаго процесса, наша точка зрѣнія на историческую роль капиталистическаго и буржуазнаго прогресса не только даютъ намъ теоретическую возможность, но и обязываютъ насъ построить нашу тактику съ расчетомъ на вовлеченіе въ борьбу съ самодержавіемъ возможно болѣе широкихъ общественныхъ массъ изъ всѣхъ классовъ населенія. Но, говорятъ намъ наши противники изъ революціоннаго лагеря, соціальдемократы забросили пропаганду среди крестьянъ, позабыли объ офицерствѣ и т. д. и т. д. Ну, а вы то, господа, можемъ мы имъ отвѣтить съ своей стороны, также вѣдь ничего не сдѣлали для революціонизированія этихъ общественныхъ слоевъ. Мы ихъ за это не винимъ, хотя они чуть не болѣе 15 лѣтъ вели литературную болтовню на тему о терроръ, о пропагандѣ среди офицерства, „общества", крестьянъ и т. д. Не винимъ ихъ потому, что продолжительная общественная реакція и истощеніе силъ радикальной интеллигенціи не давали ей возможности организоваться для такой разносторонней дѣятельности. Но еще гораздо менѣе заслуживаетъ упрека въ ограниченности или односторонности своей дѣятельности та часть интеллигенціи, которая въ этотъ мрачный періодъ только начала усваивать ученіе соціальдемократіи и группироваться подъ ея знаменемъ. Болѣе чѣмъ странно, обращаться съ такимъ упрекомъ къ представителямъ совершенно новаго революціоннаго направленія, принципіально противоположнаго всѣмъ прежнимъ и современнымъ теченіямъ въ демократическомъ лагерѣ, за то, что они не сумѣли въ такое тяжелое время захватить своей пропагандой и тѣ слои населенія, на которые не сумѣли распространить свое вліяніе представители гораздо болѣе старыхъ фракцій.

Пора, однако вернуться къ вопросу о правѣ „на наслѣдство отцовъ и старшихъ братьевъ".

Послѣ всего вышеизложеннаго не трудно понять, на

чемъ основана претензія соціалистовъ-революціонеровъ на это „наслѣдство“. Они являются хранителями и защитниками тенденцій и традицій періода идейнаго разложенія народническаго соціализма. Партія соціалистовъ-революціонеровъ унаслѣдовала отъ этого періода антипатію къ „чистой доктринѣ“, т. е. къ строгому подчиненію революціонной практики ученіямъ и „идеаламъ“ революціоннаго соціализма, тенденцію свести всю дѣятельность революціонной партіи и всѣ ея современныя задачи къ борьбѣ съ абсолютизмомъ, наконецъ совершенную неспособность понять непримиримое противорѣчіе между ея соціалистической фразеологіей и буржуазно-демократической „программой дѣятельности“. Современные представители народовольчества великодушно переняли на себя весь пассивъ „отцовъ и старшихъ братьевъ“. На этомъ основаніи они имѣютъ несомнѣнное право претендовать на наслѣдство умершей революціонной эпохи. Но это право *приблизительно* такъ же условно и ограниченно, какъ право нѣмецкихъ прогрессистовъ и демократовъ первой половины шестидесятыхъ годовъ или французскихъ республиканцевъ сороковыхъ годовъ на „наслѣдство“ классическихъ революціонеровъ западной буржуазной демократіи.

P. S. Предыдущія замѣчанія написаны были лѣтомъ 1903 года, но задолго до второго съѣзда Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи. Въ промежутокъ времени, протекшій съ тѣхъ поръ, въ ней обнаружились признаки кризиса, угрожающаго самому существованію ея. Это, однако, не ослабляетъ справедливости вышеизложеннаго. Кризисъ этотъ имѣетъ своимъ непосредственнымъ источникомъ пріостановку во внутреннемъ развитіи россійской соціальдемократіи изъ интеллигентской фракціи въ чисто пролетарскую партію, пріостановку какъ разъ въ такой моментъ, когда результаты ея собственной исторической работы, политически-напряженная общественная атмосфера и ростъ буржуазной демократіи, возвѣщавшійся уже ролью студенчества въ революціонныхъ событіяхъ начала 1901 го-

ца, властно требуютъ отъ нея новыхъ усилій для того, чтобы возможно скорѣе покончить съ своимъ существованіемъ въ качествѣ только зародыша пролетарской партіи. Другими словами: жизнеспособность нашей партіи прямо пропорціональна степени воплощенія ею въ жизни, въ своей практикѣ, „чистой доктрины“, составляющей ея теоретическій базисъ, а опасности грозятъ ей отъ слишкомъ односторонняго, поверхностнаго, вообще, недостаточно послѣдовательнаго и глубокаго примѣненія этой доктрины къ жизни.

Какъ разъ обратное отношеніе между теоріей и практикой, между „чистой доктриной“ соціализма и насущными запросами революціоннаго движенія имѣло мѣсто въ семидесятыхъ годахъ, когда приверженность къ „соціалистическимъ идеаламъ“ являлась тормазомъ для движенія и когда для того, чтобы сблизиться съ жизнью и сложиться въ практически-боевую революціонную партію, представителямъ движенія приходилось стремиться къ самоосвобожденію изъ подъ власти этой доктрины. Для соціальдемократовъ же самокритика означаетъ не удаленіе отъ своего исходнаго теоретическаго базиса, а, наоборотъ, провѣрку своей партійной практики, ея методовъ и результатовъ съ точки зрѣнія этого базиса: масштабомъ для оцѣнки тѣхъ и другихъ служитъ для насъ степень соотвѣтствія ихъ принципіальнымъ требованіямъ нашей „чистой“ соціалистической „доктрины“, потому что въ этомъ именно соотвѣтствіи лежитъ залогъ жизнеспособности и развитія нашей партіи. И вопросъ о преодолѣніи ея внутренняго кризиса сводится къ вопросу о томъ, какимъ путемъ возможно всего скорѣе глубоко и всесторонне пропитать духомъ революціоннаго марксизма не только нашу программу, но и организацію и тактику?

Юрьевъ, 31 мая 1904 года.

Объединеніе россійской соціальдемократіи и ея задачи.

(„*Искра*“ №№ 55 и 57).

Статья первая.

Итоги ликвидаціи кустарничества.

I.

Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ Марксъ, въ своей брошюрѣ „Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта“, характеризовалъ ходъ освободительнаго движенія рабочаго класса, въ противоположность „буржуазнымъ революціямъ“, слѣдующимъ образомъ: „Революціи пролетаріата, какова революція девятнадцатаго вѣка, постоянно критикуютъ сами себя, то и дѣло останавливаются на ходу, возвращаются къ повидимому уже сдѣланному, чтобы еще разъ начать сначала, жестоко, основательно осмѣиваютъ половинчатость, слабыя стороны и негодность своихъ первыхъ попытокъ“... *).

Россійская соціальдемократія, партія пролетарская по своей теоретической основѣ и программѣ, но далеко еще не таковая по соціальному составу и *характеру* своей организаціи, также почти не перестаетъ подвергать себя строгой критикѣ, „то и дѣло останавливается на ходу“ и „жестоко, основательно осмѣиваетъ слабыя стороны“ своей дѣятельности. Но она поступаетъ такъ не только стихійно, непроизвольно: она обязана сознательно, систематически зорко слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ и подвергать строжайшей критикѣ всякую обнаружившуюся односторонность или ошибку въ своей так-

*) Русскій переводъ Кричевскаго, стр. 11.

тикѣ. Обязана именно потому, что она еще только стремится стать политической организаціей рабочихъ массъ, въ дѣйствительности же, по составу своихъ руководящихъ элементовъ, она пока является еще преимущественно организаціей лишь принципіальныхъ сторонниковъ пролетаріата среди революціонной интеллигенціи. Кромѣ того, въ Россіи дѣло идетъ еще не о „революціи пролетаріата“ въ смыслѣ завоеванія диктатуры, а только объ освобожденіи всего населенія имперіи отъ политическаго рабства, т. е. о революціи буржуазной. И само тяготѣніе радикальной интеллигенціи къ соціализму и пролетаріату объективно, исторически въ конечномъ счетѣ вызывается и обусловливается не классовой борьбой послѣдняго, а общедемократической потребностью всѣхъ націй и классовъ избавиться отъ гнета пережитковъ крѣпостнической эпохи. Вліяніе пролетарскаго или соціальдемократическаго элемента въ современномъ революціонномъ движеніи Россіи можетъ выразиться лишь въ томъ, что подготовительный процессъ буржуазной революціи явится въ то же время процессомъ политическаго воспитанія и объединенія рабочихъ массъ въ партію революціоннаго соціализма. Задача и долгъ россійской соціальдемократіи заключается именно въ томъ, чтобы обратить такимъ путемъ предстоящую ликвидацію сословнаго и самодержавно-бюрократическаго строя въ непосредственный прологъ классовой борьбы пролетаріата уже съ непосредственной цѣлью политической экспропріаціи буржуазіи, для совершенія революціи соціалистической. Но въ то время какъ элементы, благопріятные для осуществленія этой спеціально соціальдемократической задачи, должны быть еще отысканы и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ изучены, въ то время какъ умѣнье или искусство пользоваться ими можетъ быть пріобрѣтено только путемъ значительныхъ усилій мысли и воли, историческая стихія нѣкоторыми своими сторонами сама толкаетъ наше движеніе въ сторону буржуазнаго революціонизма — наперекоръ нашимъ желаніямъ и нашему сознанію. Этотъ двусторонній, исторически противорѣчивый характеръ положенія и задачъ нашей партіи прямо налагаетъ на нее обязанность „то и дѣло останавливаться на ходу“, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ „половинчатости, слабыхъ сторонахъ и негодности своихъ первыхъ

попытокъ". Въ современныхъ условіяхъ развитія нашей партіи каждая ея ошибка, каждый ложный или односторонній шагъ можетъ повести къ тому, что вмѣсто того чтобы подготовительный процессъ нашей буржуазной революціи послужилъ орудіемъ и рычагомъ для „революціи пролетаріата", наоборотъ, наше рабочее движеніе само низведено будетъ до роли простого орудія въ этомъ процессѣ. Для предупрежденія такого непріятнаго сюрприза со стороны слѣпыхъ силъ исторіи, у соціальдемократіи одно только средство и есть: постоянная самокритика подъ угломъ зрѣнія своихъ принциповъ и классовыхъ интересовъ пролетаріата.

Такой процедурѣ мы впервые подвергали себя наканунѣ перехода на путь массовой агитаціи на почвѣ непосредственныхъ столкновеній рабочихъ съ ихъ хозяевами. Втеченіе этого періода движеніе наше пріобрѣло глубокіе корни въ пролетаріатѣ, революціонизировало настроеніе и даже сознаніе значительныхъ круговъ его и подняло ихъ революціонную активность. Политическій итогъ періода экономической агитаціи, ограниченной узкими рамками профессіональныхъ или групповыхъ интересовъ, выступилъ наружу въ революціонныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ у насъ первый годъ новаго вѣка. Рабочіе тысячами рвались въ бой съ опричниками, но соціальдемократія оказалась совершенно не подготовленной для руководства массами въ такіе бурные моменты. Рабочіе пошли бы за кѣмъ угодно. Но другой революціонной партіи, кромѣ соціальдемократической, совсѣмъ не оказалось на лицо. Это обстоятельство и спасло ее. Если бы въ этотъ періодъ на аренѣ политической борьбы оказалась сколько нибудь организованная буржуазно-революціонная фракція, способная стать во главѣ революціонно настроенныхъ рабочихъ массъ, наша партія сразу оттѣснена была бы на задній планъ и, быть можетъ, надолго лишилась бы всякаго серьезнаго общественнаго значенія.

Крупные факты наглядно и ярко оправдали такимъ образомъ критику теоріи и практики такъ называемаго экономизма, начавшуюся еще въ изданіяхъ группы „Освобожденіе Труда" и продолжавшуюся „Искрой". Несоотвѣтствіе между идейнымъ и организаціоннымъ разбродомъ партіи съ одной стороны, и запросами, предъ-

явленными къ ней стихійно разрѣшившимися событіями съ другой, было такъ велико, такъ сильно бросалось въ глаза, что и самые недальновидные изъ практиковъ должны были увидѣть наболѣе явные недочеты истекавшаго періода и понять необходимость программнаго и организаціоннаго объединенія соціальдемократіи.

Критика и даже „нетоварищескіе“ полемическіе пріемы революціонныхъ соціальдемократовъ или „ортодоксальныхъ“ марксистовъ нашли для себя воспріимчивую почву,—и скоро лозунгъ „долой организаціонную анархію и да здравствуетъ сплоченіе всѣхъ силъ соціальдемократіи въ одну строго централизованную организацію;“ сталъ общимъ кличемъ большинства членовъ нашей партіи.

Въ настоящій моментъ этотъ лозунгъ сталъ реальнымъ фактомъ. Недавно состоявшійся второй съѣздъ Россійской Соціальдемократической Рабочій Партіи осуществилъ объединительное стремленіе огромнаго большинства нашихъ товарищей. Теперь, казалось бы, можно намъ если и не успокоиться на лаврахъ, то по крайней мѣрѣ хоть отдохнуть отъ самокритики и всецѣло предаться „положительной работѣ“. Къ сожалѣнію, дѣло не совсѣмъ такъ обстоитъ. Съѣздъ долженъ былъ радикально ликвидировать пассивъ, оставленный предшествующими періодами. Для этого ему необходимо было бы ясно опредѣлить тѣ задачи, которыя объединенная партія должна будетъ преслѣдовать, и намѣтить тѣ пути, которыми она должна ихъ осуществлять. Дѣло съѣзда было также выработать директиву для указанія центральнымъ учрежденіямъ на счетъ предварительныхъ работъ, необходимыхъ для подготовленія партіи къ расширенію круга ея задачъ и арены дѣятельности. Но ничего подобнаго сдѣлано не было. Съѣздъ удовлетворился обсужденіемъ и утвержденіемъ программы, выработкой устава и выборомъ членовъ въ Ц. О. и Ц. К. Затѣмъ большинство делегатовъ разъѣхалось въ наивной увѣренности, что они радикально покончили съ ликвидаціей періода младенчества нашего движенія, не подозрѣвая даже, что теперь то именно, послѣ формальнаго объединенія партіи, передъ нами во всей своей исторической конкретности и сложности выдвигается на очередь вопросъ: „Что дѣлать?“ Делегаты проявили чрезвычайно много страст-

пости, когда рѣчь шла о деталяхъ устава, о составѣ, объ іерархіи и взаимныхъ отношеніяхъ нашихъ партійныхъ учрежденій, но большинство изъ нихъ, повидимому, и не догадывалось, что жизнеспособность новой организаціи будетъ прямо пропорціональна объему и значенію того содержанія, которое она внесетъ въ движеніе. Торжество централизма въ нашемъ организаціонномъ механизмѣ кажется имъ, очевидно, само по себѣ равносильнымъ устраненію всѣхъ изъяновъ и недочетовъ въ россійской соціальдемократіи; въ централизмѣ они видятъ нѣчто самодовлѣющее, родъ всеспасающаго, чудеса творящаго талисмана.

Это идолопоклонство передъ формальнымъ, механическимъ централизмомъ приходится также поставить въ счетъ недавнему прошлому нашей партіи, оно есть также наслѣдіе, хотя и косвенное, этого прошлаго.

II.

Въ періодъ „экономизма“ борьба рабочихъ съ предпринимателями признавалась классической формой пролетарской борьбы или „чисто“ рабочимъ движеніемъ. Агитація политическая представлялась тогда большинству товарищей, какъ антиподъ этого движенія, и откладывалась ими до того времени, когда профессіональная борьба поставитъ рабочія массы лицомъ къ лицу съ самодержавіемъ, какъ съ ихъ непримиримымъ врагомъ. Содержаніе предстоявшей пролетарской политической борьбы съ самодержавной Россіей исчерпывалось для нихъ задачей борьбы съ абсолютизмомъ точно также, какъ содержаніе экономической борьбы ограничено было фактами и вопросами, не выходящими изъ конкретныхъ рамокъ повседневнаго антагонизма отдѣльныхъ группъ и профессій съ непосредственными эксплуататорами. Но исторія не ждала того момента, когда пролетаріатъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ своего антагонизма съ „хозяевами“, самъ вступитъ въ борьбу съ самодержавіемъ; наоборотъ, она совершенно неожиданно толкнула въ эту борьбу и пролетаріатъ, и самихъ соціальдемократовъ, и притомъ воспользовалась для этого не рабочимъ дви-

женіемъ, а студенческимъ. Прямой импульсъ для первыхъ взрывовъ массового политическаго недовольства данъ былъ студенческими волненіями, и студенчество же явилось застрѣльщикомъ и знаменосцемъ въ нихъ. Соціальдемократы оказались, такимъ образомъ, *стихійно вовлеченными* въ политическую борьбу, а не инициаторами ея. Это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на послѣдующій періодъ нашего движенія.

Благодаря ему, мы оказались вынужденными выступить политическими руководителями рабочихъ массъ при полной дезорганизаціи нашихъ силъ и идейномъ разбродѣ, имѣя въ запасѣ одну только положительную, но абстрактную формулу: „Соціальдемократія должна руководить пролетаріатомъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ". Въ примѣненіи на практикѣ формула эта означала: „необходимо вовлекать все болѣе и болѣе широкія массы въ эту борьбу". Но „вовлекать" ихъ въ политическую борьбу можно различнымъ образомъ. Соціальдемократическая практика должна, очевидно, и въ данномъ случаѣ принципіально отличаться отъ практики буржуазныхъ партій. Но эта сторона вопроса о политическомъ руководствѣ пролетаріатомъ какъ бы не существовала для массы нашихъ практиковъ. Съ перемѣщеніемъ центра нашей партійной дѣятельности въ сферу агитаціи на почвѣ общедемократическаго антагонизма пролетаріата съ самодержавіемъ, всякое революціонизированіе рабочихъ массъ, съ цѣлью „вовлеченія ихъ въ борьбу" съ нимъ, пріобрѣло въ кругу многихъ соціальдемократовъ такое же значеніе универсальнаго средства классового воспитанія этихъ массъ, какимъ прежде для нихъ была агитація узко-экономическая.

Между *нашими* политическими задачами въ современной Россіи и общедемократической злободневной задачей борьбы съ абсолютистскимъ режимомъ — лишь бы во главѣ массъ въ этой борьбѣ шла соціальдемократія — поставленъ былъ знакъ равенства. Но если послѣднимъ словомъ соціальдемократическаго тредъюніонизма была пропаганда политической опеки либеральной интеллигенціи надъ пролетаріатомъ, то послѣднимъ словомъ увлеченія „политикой" въ указанномъ односторонне мъ смыслѣ была бы отдача рабочихъ массъ подъ команду революціонныхъ элементовъ буржуазіи, хотя бы по обстоятельствамъ мѣста

и времени элементамъ этимъ и приходилось бы осуществлять свою миссію подъ флагомъ соціальдемократіи.

Эта „конечная" тенденція увлеченія „политикой" въ томъ упрощенномъ смыслѣ, въ какомъ ее понимали „экономисты", довольно отчетливо проявилась наружу въ 1901 г., когда подъ впечатлѣніемъ бурныхъ событій этого года отовсюду въ нашемъ лагерѣ и въ лагерѣ нашихъ демократическихъ противниковъ началъ раздаваться кличъ: „долой всякія разногласія и междуусобія среди революціонеровъ изъ-за теорій, доктринъ, разныхъ догмъ, и да здравствуетъ объединеніе всѣхъ революціонныхъ силъ для борьбы за свободу". Соціальдемократъ Нестяжатель наивно спрашивалъ на страницахъ „Вѣст. Рус. Рев.": „что же насъ разъединяетъ?" „Насъ"—т. е. соціальдемократовъ разныхъ оттѣнковъ между собою и ихъ всѣхъ въ совокупности съ одной стороны, и соціалистовъ-революціонеровъ съ другой. Явное сочувствіе террору, увлеченіе которымъ грозило ослабленіемъ агитаціанной и организаціонной дѣятельности въ рабочихъ массахъ, призывы къ коренному измѣненію „въ 24 часа" нашей обычной тактики, „расчитанной на медленный эволюціонный ростъ сознательности рабочей массы, на систематическое воспитаніе ея", и къ такому же скоропалительному созданію боевой организаціи, „способной повести массу на *немедленную* аттаку противъ самодержавія" *), аттаку, осуществимую при тогдашнихъ условіяхъ только путемъ быстраго подбора и сплоченія чисто боевыхъ, т. е. воспитыхъ силъ революціи,—все равно, къ какой бы партіи онѣ ни принадлежали, на почвѣ какихъ бы принциповъ онѣ ни стояли—въ особую, т. е. сверхпартійную организацію — наконецъ, въ логической или психологической связи со всѣмъ этимъ, ослабленіе принципіальной противоположности между воззрѣніями соціальдемократіи и другихъ революціонныхъ элементовъ—таковы симптомы и проявленія того крупнаго поворота въ настроеніи товарищей, который вызванъ былъ стихійнымъ вовлеченіемъ нашей партіи на арену непосредственной борьбы съ абсолютизмомъ. Этотъ поворотъ грозилъ намъ ни болѣе, ни менѣе, какъ принципіальнымъ и полити-

*) „Историческій поворотъ". Листокъ „Рабочаго Дѣла".

ческимъ обезличиваніемъ соціальдемократическаго и всего рабочаго движенія въ Россіи.

Революціонная соціальдемократія рѣзко выступила противъ этихъ тенденцій, опираясь при этомъ на такіе реальные факты, какъ громадный ростъ массового рабочаго движенія и тѣсную связь—практическую и идейную, — создавшуюся между нимъ и нашей партіей въ періодъ экономизма. Не мало благопріятствовали ей и несостоятельность такъ называемыхъ „соціалистовъ-революціонеровъ", и пропасть, отдѣлявшая ихъ отъ тѣхъ принциповъ пролетарскаго соціализма, которые, худо ли, хорошо ли, вошли въ предыдущій періодъ въ плоть и кровь большинства практиковъ соціальдемократовъ. Наконецъ,—и это очень существенное обстоятельство,—провозвѣстниками крутого поворота къ „политикѣ", въ духѣ буржуазнаго революціонизма явились представители того же самаго лагеря, который еще наканунѣ новаго революціоннаго подъема стоялъ на почвѣ крайней постепеновщины.

Событія, которыми ознаменовался новый революціонный періодъ, наглядно подтвердили основательность опасеній, высказывавшихся въ изданіяхъ революціонныхъ марксистовъ по поводу тяготѣнія нашихъ практиковъ къ тредъюніонской тактикѣ уже въ то время, когда она еще не была возведена въ систему, извѣстную подъ названіемъ „экономизма". Какъ разъ наканунѣ этого періода революціонная соціальдемократія выступила на сцену съ самостоятельнымъ органомъ, съ газетой „Искра", въ которой она объявила войну не на жизнь, а на смерть экономизму, идейнымъ шатаніямъ и организаціонной анархіи, какъ элементамъ, несовмѣстимымъ съ историческими задачами нашего движенія. А стремительный поворотъ оппортюнистическихъ элементовъ въ сторону „политики", съ готовностью пожертвовать настоящею минутой основными интересами пролетарскаго движенія, явился прямымъ оправданіемъ для этой войны, такъ какъ сами событія, вызвавшія его, наглядно иллюстрировали справедливость того, что уже прежде говорила „Искра" о полномъ несоотвѣтствіи между идейнымъ и организаціоннымъ разбродомъ партіи съ одной стороны, и революціонностью рабочихъ массъ съ другой. Борьба не могла не окончиться побѣдой революціонной соціаль-

демократіи надъ ея сознательными и полусознательными противниками въ партіи. Бернштейніанство, оппортюнизмъ, экономизмъ и организаціонная анархія хронологически и фактически такъ ассоціировались другъ съ другомъ, что ни одинъ изъ этихъ элементовъ не могъ быть компрометированъ, не компрометируя остальныхъ, и банкротство одного изъ нихъ не могло не сопровождаться или не совпадать съ банкротствомъ другихъ. И въ то время, какъ слова „оппортюнизмъ", „ревизіонизмъ" и „экономизмъ" стали синонимами всѣхъ недочетовъ нашего движенія и названіями для первоисточника всѣхъ его бѣдъ, съ именемъ революціонной соціалъдемократіи все болѣе и болѣе неразрывно сливалось представленіе объ якорѣ спасенія, чуть не о мессіи, явившемся для того, чтобы избавить движеніе отъ всѣхъ его грѣховъ и вывести его на широкую арену открытой борьбы съ абсолютизмомъ. Полная побѣда революціонной соціалъдемократіи надъ другими теченіями въ нашей партіи оффиціально, такъ сказать, закрѣплена и провозглашена на ея второмъ съѣздѣ; но если мы теперь спросимъ себя, какими же собственно положительными результатами *принципіально* соціалистическаго характера побѣда эта сопровождалась, то должны будемъ отвѣтить, что они ограничиваются почти исключительно областью стремленій, симпатій и идей, между тѣмъ какъ *практика* нашего движенія подвинулась впередъ только въ общереволюціонномъ, а не спеціально соціалъдемократическомъ смыслѣ. Подъ вліяніемъ литературной пропаганды „Зари" и „Искры" въ партіи восторжествовало убѣжденіе, что „только принципы революціоннаго марксизма опредѣляютъ насущныя задачи россійскаго пролетаріата въ его классовой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ и русскимъ самодержавіемъ въ частности" *). „Внести эти принципы въ сознаніе россійскаго рабочаго класса"—вотъ стремленіе, воодушевляющее массу товарищей. Но въ дѣйствительности, въ практикѣ нашего движенія оно находитъ себѣ очень слабое выраженіе. Классовую борьбу „со всѣмъ буржуазнымъ строемъ" эта практика почти что игнори-

*) „Къ вопросу о нашихъ партійныхъ задачахъ",—письмо ссыльныхъ соц.-дем. въ „Искру" (№ 50).

руетъ и фактически почерпывается одной только „борьбой съ самодержавіемъ“, связанной съ „пролетарскимъ ученіемъ“ лишь соціальдемократической фразеологіей, лишь въ „идеалѣ“, вообще—субъективными стремленіями платоническаго свойства. Объективную же тенденцію нашей практики съ классической наивностью формулировалъ въ своемъ уставѣ, какъ *субъективную* цѣль, одинъ комитетъ слѣдующими словами: „Признавая, что при настоящихъ условіяхъ насильственный переворотъ въ Россіи можно провести лишь опираясь на готовую къ *повиновенію* *) и къ открытому возстанію рабочую массу крупныхъ промышленныхъ центровъ, мы главнымъ центромъ нашей работы ставимъ организацію рабочаго класса“.

III.

Между теоретическими или идейными завоеваніями революціоннаго соціальдемократизма въ нашемъ движеніи и фактическимъ содержаніемъ и объективной тенденціей нашей практики оказывается, такимъ образомъ, рѣзкій контрастъ, чтобы не сказать прямо принципіальное противорѣчіе. Но тотъ же періодъ, въ теченіе котораго оно создано было, подготовилъ элементы и для его устраненія, то есть для выступленія партіи на путь политическаго воспитанія и объединенія пролетаріата на почвѣ не одной только борьбы съ самодержавіемъ, но и принципіальнаго антагонизма рабочаго класса со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ. Прежде всего нужно отмѣтить прогрессивное усиленіе революціонной активности все болѣе и болѣе широкихъ массъ, ростъ и распространеніе въ нихъ политической сознательности, а слѣдовательно, и способности къ политической самодѣятельности на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата. Въ то же время образовался довольно многочисленный штабъ распространившихся со своею легальностью и со своими профессіональными занятіями революціонеровъ соціальдемократовъ, столь необходимый при современныхъ русскихъ условіяхъ для образованія политической партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рядахъ нашихъ практиковъ имѣется и

*) Курсивъ мой.

контингентъ людей съ революціоннымъ опытомъ, съ инициативой и съ организаціоннымъ смысломъ. Наконецъ, что особенно важно, это—предрасположеніе массы товарищей къ марксизму, или, если можно такъ выразиться, ихъ психологическая подготовленность къ признанію и примѣненію на практикѣ истинно пролетарской политики въ борьбѣ съ абсолютизмомъ.

Но *le mort saisit le vif*, мертвые хватаютъ живыхъ, прошлое стоитъ поперекъ дороги и мѣшаетъ намъ двигаться впередъ. Воспоминаніе объ экономизмѣ, оппортюнизмѣ и ихъ неизмѣнныхъ спутникахъ — кустарничествѣ, организаціонной апархіи и т. п. еще такъ живо въ умахъ, война съ ними такъ недавно еще была въ полномъ разгарѣ, что неудивительно, если въ кругу соціальдемократовъ наканунѣ съѣзда и во время его гораздо больше были заняты мыслью о томъ, какъ бы навѣки вѣчные оградить наше движеніе отъ такихъ зловредныхъ элементовъ, нежели вопросомъ о приведеніи нашей практики въ полную гармонію съ принципами, во имя и подъ знаменемъ которыхъ „Искра“ и „Заря“ вели борьбу съ антимарксистскими тенденціями. Это настроеніе и диктуемая имъ логика очень ясно отразились въ цитированномъ уже письмѣ товарищей изъ дальней Сибири. Для широкой, систематической борьбы съ абсолютизмомъ необходима централизованная организація, но такая соціальдемократическая организація можетъ быть вызвана къ жизни только „на почвѣ строгаго принципіальнаго единства“; подъ этимъ лишь условіемъ она будетъ жизнеспособна. А потому, пишутъ упомянутые товарищи, „однимъ изъ самыхъ важныхъ—вѣрнѣе *главнымъ* — способомъ (курсивъ мой) для подготовленія фактическаго возстановленія Партіи мы и считаемъ неустанную, все болѣе и болѣе энергичную борьбу съ оппортюнистическими, кустарническими и „демократическими“ тенденціями, продолжающими жить среди нѣкоторой части дѣйствующихъ въ Россіи соціальдемократовъ“. Большинство „искровцевъ“, явившихся на съѣздъ, и прошкпуто было убѣжденіемъ, что главной ихъ задачей является созданіе организаціи для выполненія этой спеціальной миссіи — „вести неустанную, все болѣе и болѣе энергичную борьбу“ съ только что на голову разбитыми „внутренними врагами“. Передъ этой

миссіей совершенно ступевывалась предстоящая положительная задача организаціи—углубить и расширить содержаніе дѣятельности Партіи въ духѣ революціоннаго марксизма.

„Принципъ централизаціи, — читаемъ мы въ томъ же письмѣ — строго проведенный при *постройкѣ* партійной организаціи, обезпечитъ за нею и силу, и крѣпость, *и принципіальную устойчивость* (курсивъ мой), и, безъ сомнѣнія, наилучшимъ образомъ отзовется на той будущей громадной и сложной работѣ, которую предстоитъ выполнить сорганизовавшейся Р. С.-Д. Р. П.". Но перспектива „громадной и сложной", т. е. положительной работы отодвигается въ туманную даль неопредѣленнаго будущаго, а теперь не до нея, потому что передъ партіей стоитъ гораздо болѣе неотложная, военная задача усмиренія внутреннихъ враговъ и огражденія ея механическими средствами противъ вторженія въ нее „ненадежныхъ" элементовъ. Разъ дѣло такъ стоитъ, то самое лучшее, конечно, отдать ее во власть возможно болѣе самодержавнаго центра и подъ строжайшій надзоръ его бдительныхъ агентовъ.

Такова психологическая подкладка того централистическаго фетишизма, который проявился на съѣздѣ и, повидимому, довольно сильно владѣетъ умами въ нашей партіи.

Но что будетъ, если въ самый центръ проникнетъ зараза оппортюнизма, экономизма и т. п. скверны? Нужно, стало быть, уже при „*постройкѣ*" партійной организаціи принять мѣры предосторожности противъ такого неожиданнаго сюрприза. Для этого, при данномъ пониманіи дѣла, нѣтъ другого средства, кромѣ учрежденія какой-нибудь надежной опеки — надъ самимъ центромъ, т. е. организаціи другого, еще выше стоящаго центра, составъ котораго давалъ бы безусловныя гарантіи твердости и недоступности вліянію „ненадежныхъ", а тѣмъ болѣе прямо оппортюнистическихъ элементовъ. Условія для созданія такого сверхъ-центра подготовлены были всѣмъ ходомъ и исходомъ борьбы революціонной соціальдемократіи противъ антимарксистскихъ тенденцій въ соціальдемократическомъ, какъ и вообще въ революціонномъ движеніи въ Россіи. Походъ этотъ предпринятъ былъ по собственной инициативѣ, на

свой ринкъ и страхъ редакціей „Искры“ и „Зари“. Она же довела его до конца и при помощи своихъ „агентовъ“ сыграла большую роль въ подготовкѣ и организаціи съѣзда. Втеченіе всей этой военной кампаніи „Искры“ названія „революціонный соціалъдемократъ“ и „искровецъ“ стали у насъ синонимами, понятіями совершенно тождественными, такъ что тотъ, кто въ чемъ нибудь расходился съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, высказываемымъ отъ имени редакціи названнаго органа и самъ не всегда смѣлъ считать себя настоящимъ революціоннымъ соціальдемократомъ. Истинная революціонная соціалъдемократія въ Россіи, это—редакція „Искры“. Значитъ, вопросъ о закрѣпленіи побѣдъ революціоннаго соціальдемократизма и объ огражденіи нашей партіи на вѣчныя времена противъ оппортюнистическаго или экономическаго „атавизма“ рѣшается самъ собою. Верховная власть надъ партіей должна быть предоставлена въ руки редакціи „Искры“, а Центральный Комитетъ долженъ быть только коллективнымъ агентомъ этой власти, находиться подъ ея строгой опекой и бдительнымъ контролемъ.

Періодъ борьбы съ наслѣдіемъ эпохи экономизма подготовилъ намъ, такимъ образомъ, организаціонную утопію теократическаго характера: свѣтское общество отдается во власть маленькаго духовнаго ордена, который къ тому же и по географическимъ, и по иными условіямъ не можетъ даже находиться на территоріи управляемыхъ имъ подданныхъ. За недостаткомъ мѣста, а также въ виду логическихъ рамокъ настоящей статьи, я не могу останавливаться здѣсь на конкретныхъ попыткахъ осуществить эту утопію на практикѣ и на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя она при этомъ претерпѣла. Отмѣчу только, что дебютпровала она на своемъ жизненномъ поприщѣ внесеніемъ взаимнаго недовѣрія и раскола въ ряды „искровцевъ“. Для людей съ политическимъ смысломъ этого дебюта вполнѣ достаточно, чтобы безповоротно осудпть эту своеобразную систему управленія нашей партіей.

Итакъ, торжество бюрократическаго централизма въ партійной организаціи — таковъ итогъ партійной борьбы революціонной соціальдемократіи съ „кустарничествомъ“. Но этотъ централизмъ, по своей внутренней тен-

денціи — родной братъ кустарничеству. Послѣднее резюмировало собою періодъ сближенія соціальдемократіи съ рабочими массами на почвѣ ихъ экономическаго недовольства и стихійныхъ его проявленій. Практика періода кустарничества революціонизировала рабочія массы, но не воспитывала и не объединяла ихъ для самостоятельной политической роли. Общественную тенденцію или „конечную цѣль" этой практики формулировали авторы „*Credo*" — она подготовляла политическую опеку буржуазной демократіи надъ рабочими массами. Механическій централизмъ резюмируетъ періодъ „вовлеченія" этихъ массъ въ борьбу съ абсолютизмомъ, массъ, начавшихъ уже стихійно проявлять накопившееся въ нихъ раздраженіе противъ полицейскаго произвола. Періодъ этотъ завершился (еще, впрочемъ, не окончательно) созданіемъ почти принципіальнаго противорѣчія въ нашей партіи — противорѣчія между ея идейнымъ, теоретическимъ знаменемъ и ея практикой, которая, хотя непосредственно будитъ политическую мысль рабочихъ массъ, все же въ общемъ мало развиваетъ въ нихъ пролетарское классовое сознаніе и еще меньше—классовую политическую самодѣятельность. Словомъ, идейная оболочка—революціонно-соціальдемократическая, а реальное содержаніе по существу въ *принципіальномъ* смыслѣ едва ли выходитъ за рамки буржуазнаго революціонизма. Получается такой результатъ, какъ будто революціонный соціальдемократизмъ подобно кустарническому и оппортюнистическому, стихійнымъ образомъ выполняетъ только роль замѣстителя буржуазной идеологіи въ освободительномъ движеніи Россіи противъ абсолютизма. И этотъ то результатъ, опять таки безсознательно, стихійно, отражается и фиксируется въ организаціонныхъ утопіяхъ, отмѣченныхъ печатью бюрократизма на заговорщицкой подкладкѣ. Верховныя власти обязаны поддерживать въ умахъ марксистское правовѣріе путемъ изданія и распространенія „принципіально-выдержанной литературы" и строгаго контроля за листками и пропагандистской дѣятельностью комитетовъ. Но какъ и въ чемъ проявляется эта принципіальная выдержанность на почвѣ агитаціи, въ области политическаго воспитанія и объединенія рабочихъ массъ, какъ однимъ словомъ воплощаются принципы „революціоннаго марксизма" въ мето-

дахъ и содержаніи партійной практики? Этотъ вопросъ рѣшается для фетишистовъ централизаціи самъ собой, разными усовершенствованіями чисто техническаго свойства въ организаціонномъ аппаратѣ: необычайнымъ усиленіемъ спеціализаціи членовъ на мелкихъ и мельчайшихъ функціяхъ, внесеніемъ строгаго порядка въ распредѣленіе и іерархію этихъ функцій, учрежденіемъ безчисленнаго множества всевозможныхъ вѣдомствъ, департаментовъ, отдѣленій, канцелярій, мастерскихъ, между которыми въ іерархическомъ порядкѣ распредѣляются профессіональные и полупрофессіональные революціонеры, въ массѣ своей превращающіеся въ столоначальниковъ, канцеляристовъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ, стражниковъ, мастеровыхъ — или даже частицы мастера. Вся эта многочисленная армія штатскихъ, военныхъ и ремесленниковъ разбита на цѣлые ряды разсѣянныхъ, изолированныхъ другъ отъ друга муравейниковъ, копошащихся каждый въ своемъ углу, безъ связи съ другими. Политической работы въ соціалистически пролетарскомъ смыслѣ не видать и не слыхать. Да и кому ее выполнять, когда члены партіи превращены въ винтики, колесики, которыми по личному усмотрѣнію распоряжается всевѣдущій центръ?

Борьба съ абсолютизмомъ при всемъ томъ будетъ вестись, по меньшей мѣрѣ, съ прежней энергіей, тѣмъ болѣе, что и по этой части предусмотрѣна особая категорія спеціалистовъ. Въ концѣ концовъ, съ одной стороны — формулы, лозунги, слова революціонно-соціалъ-демократическія, а съ другой — самая что ни на есть буржуазно-революціонная работа „вовлеченія" массъ въ движеніе, конечнымъ результатомъ котораго въ самомъ лучшемъ, самомъ идеально-благопріятномъ случаѣ, было бы кратковременное господство радикальной демократіи, опирающейся на пролетаріатъ. Странно какъ то, по поводу такихъ отмѣченныхъ печатью канцелярскихъ измышленій, организаціонныхъ утопій обращаться за историческими аналогіями къ эпохѣ великой французской революціи. Но все же для характеристики исторической *тенденціей* этой утопіи приходится рискнуть на это. Въ концѣ пути, на который она увлекаетъ наше движеніе, свѣтится, какъ блестящая точка, якобинскій клубъ, т. е. организація революціонно-демократическихъ элементовъ

буржуазіи, ведущая за собою, при посредствѣ *sociétés populaires*, то типъ децентрализованныхъ периферійныхъ народныхъ обществъ, наиболѣе активные слои пролетаріата,*). И если, какъ говоритъ Марксъ по поводу великой французской революціи, „въ классически-строгихъ преданіяхъ римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственныя формы иллюзій, необходимыя для того, чтобы скрыть отъ самихъ себя буржуазно ограниченное содержаніе своей борьбы", то отчего бы исторіи не сыграть съ нами злую шутку, облачивъ насъ въ идейный костюмъ классически революціонной соціальдемократіи, чтобы скрыть отъ насъ „буржуазно-ограниченное содержаніе" нашего движенія?

Но мы постараемся перехитрить исторію. Да это и не такъ уже трудно. Періодъ политической агитаціи и восходящаго движенія революціонной соціальдемократіи не мало положительнаго создалъ и для дальнѣйшей работы въ смыслѣ принципіально-пролетарской политики. Выше уже указано было на элементы такого рода, подготовленные этимъ періодомъ. Само собой ясно, что устраненіе того противорѣчія въ нашемъ движеніи, которое развилось въ послѣднее время, не можетъ быть дѣломъ однихъ только индивидуальныхъ усилій нѣсколькихъ лицъ. Оно потребуетъ коллективныхъ усилій всей партіи, сознательной инициативы массы *практиковъ*, которымъ придется отъ спеціализированныхъ кустарей-техниковъ подняться на уровень политическихъ дѣятелей. Это, разумѣется, несовмѣстимо съ бюрократическимъ режимомъ въ партіи, которому придется сдаться при первыхъ же шагахъ наиболѣе самостоятельныхъ элементовъ партіи на новомъ пути — или же превратиться въ оплотъ и орудіе для новыхъ оппортунистическихъ тенденцій, но уже не экономическаго, а *политическаго* характера**). Но чѣмъ систематичнѣе и энергичнѣе мы пой-

*) Это, конечно, утопическая перспектива, но зато она по крайней мѣрѣ болѣе соблазнительна, чѣмъ трезвенно-либеральная перспектива, о которой мечтали авторы Credo, и больше гармонируетъ съ общимъ революціоннымъ подъемомъ и съ размахомъ нашего движенія въ настоящій моментъ

**) Когда хранители завѣтовъ кустарничества боролись или защищались противъ революціонныхъ марксистовъ, они только *задержали* успѣхи послѣднихъ и мѣшали дѣлу партій-

демъ по пути реформированія нашей практики въ принципіально-пролетарскомъ смыслѣ, тѣмъ быстрѣе исчезнетъ почва изъ подъ ногъ у сторонниковъ системы централизма, уродующей и компрометирующей самый принципъ централизма. На Западѣ, гдѣ рабочія массы политически сознательны и принципіальная пролетарская политика на теоретическомъ базисѣ марксизма является не абстрактнымъ идеаломъ, а реальнымъ фактомъ, гдѣ рабочая партія сама, какъ коллективный организмъ, воплощаетъ въ себѣ принципіально-соціалистическое сознаніе, организаціонные проекты, основанные на идеѣ *административнаго* подчиненія цѣлой партіи одному или нѣсколькимъ хранителямъ или олицетвореніямъ доктрины, немыслимы не только какъ факты, но и какъ глубоко затаенная мечта какого-нибудь честолюбиваго фантазера, вдохновляемаго преданіями о диктатурѣ Швейцера. У насъ абсолютизмъ является, конечно, благодарной почвой для произрастанія такихъ плодовъ. Тѣмъ не менѣе, и этотъ источникъ централистическихъ излишествъ окажется безсильнымъ обезпечить имъ жизнеспособность, когда практика соціальдемократическая поставитъ наше рабочее движеніе на такую почву, которая сдѣлаетъ невозможнымъ или по крайней мѣрѣ затруднитъ противопоставленіе горсти избранныхъ носителей соціальдемократической сознательности массѣ рабочихъ и массѣ практиковъ, какъ представителямъ „стихійности“ и „безсознательности“.

наго объединенія, котораго еще *не было*, къ которому еще только стремились. Если же теперь наши партійныя учрежденія, вмѣсто того, чтобы стать во главѣ передовыхъ элементовъ партіи, начнутъ тѣснить ихъ и третировать, какъ крамольниковъ, то они будутъ играть роль *дезорганизаторовъ* партіи — во имя формальнаго, безсодержательнаго централизма и — сознательно, или безсознательно — въ интересахъ оппортунизма политическаго

Статья вторая.

Общереволюціонныя и пролетарскія тенденціи въ нашемъ движеніи.

> „Всякое политическое дѣло состоитъ въ заявленіи того, что есть, и съ этого начинается. Мелочность, ничтожество въ политикѣ состоитъ въ умолчаніи объ истинномъ положеніи дѣлъ, скрываніи его".
>
> *Лассаль.*

Если скрываніе истиннаго положенія дѣлъ въ „политикѣ" вообще равносильно „мелочности, ничтожеству", то въ политикѣ соціальдемократовъ въ Россіи оно еще равносильно было бы измѣнѣ классовымъ интересамъ пролетаріата, т. е. основнымъ историческимъ задачамъ, провозглашеннымъ въ нашей партійной программѣ. Мы живемъ наканунѣ періода сведенія счетовъ новой, буржуазной, капиталистической Россіи съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ и остатками сословной общественной организаціи Россіи дворянской, крѣпостнической. Какъ велика будетъ доля, которая достанется эксплоатируемымъ народнымъ массамъ при ликвидаціи отжившаго соціально-политическаго строя, — это будетъ зависѣть прежде всего отъ той степени политической зрѣлости и силы, которой достигнетъ пролетаріатъ ко времени этой ликвидаціи, отъ того вліянія и значенія, которыя онъ пріобрѣтетъ къ этому времени, какъ самостоятельная революціонная сила. Но прежде чѣмъ исторія подведетъ итогъ нашей работѣ на пользу пролетаріата, мы обязаны сами попытаться подвести итогъ результатамъ этой работы. Только такимъ путемъ мы можемъ еще въ большей или меньшей степени наверстать потерянное,

пополнить недочеты и направить равнодѣйствующую общественныхъ силъ въ сторону представляемаго нами класса.

Этимъ именно я руководствовался, принимаясь за предлагаемую статью. Въ предыдущей главѣ я какъ характерную черту новѣйшаго, искровскаго фазиса нашего движенія отмѣтилъ и подчеркнулъ образованіе глубокаго, принципіальнаго противорѣчія между его теоріей и практикой, между идейно восторжествовавшимъ въ нашей партіи революціоннымъ марксизмомъ и далеко не принципіально пролетарскимъ содержаніемъ ея дѣятельности. Нѣкоторые товарищи усмотрѣли въ этомъ противопоставленіи теоріи практикѣ своего рода возвеличеніе „теоретиковъ“ или „литераторовъ“, какъ живого источника всяческой премудрости, на счетъ „практиковъ“, какъ представителей узости и какъ виновниковъ всѣхъ грѣховъ, паденій и отклоненій партіи въ сторону отъ требуемаго ея принципами пути. Но на самомъ дѣлѣ у меня шла рѣчь не о субъективныхъ добродѣтеляхъ однихъ и порокахъ другихъ. Я противопоставлялъ другъ другу не лицъ, а двѣ стороны нашего движенія, субъективную и объективную; идеи, принципы, симпатіи, настроеніе *), господствующія въ средѣ большинства его представителей съ одной стороны, и дѣйствительность фактическое содержаніе ихъ дѣятельности съ другой. Въ первый періодъ массовой агитаціи такого противорѣчія не было по той простой причинѣ, что втеченіе этого періода подавляющее большинство товарищей не только безсознательно, въ своей практикѣ, но и въ своемъ субъективномъ сознаніи удалялось отъ первоначальнаго, строго марксистскаго теоретическаго базиса нашей партіи, заложеннаго въ работахъ Плеханова по самымъ разнообразнымъ вопросамъ современной жизни, исторіи, литературы, философіи, и все больше и больше тяготѣло къ эклектическимъ и антимарксистскимъ тенденціямъ. Практика движенія, конечно, не совпадала съ требованіями принципіальной пролетарской борьбы, но и теорія, объясняющая и фор-

*) Я употребляю здѣсь такія слова, какъ „симпатіи“, „настроеніе“ и т. п. потому, что, не впадая въ самообманъ, нельзя не признать, что теоретически вполнѣ сознательныхъ марксистовъ или революціонныхъ соціальдемократовъ у насъ все таки немного.

мулирующая ихъ, подвергалась критикѣ и не пользовалась въ цѣломъ безраздѣльной симпатіей массы товарищей—и притомъ не только практиковъ, но и литераторовъ. „Искра“ и „Заря“ побили ревизіонизмъ и экономизмъ и воскресили въ средѣ русскихъ соціальдемократовъ при новыхъ условіяхъ прежнія симпатіи къ „ортодоксальному“ марксизму. И именно поэтому теперь только выступаетъ такъ рѣзко контрастъ между идейной оболочкой движенія и его реальнымъ содержаніемъ. Меньше, чѣмъ когда и гдѣ либо, въ данномъ случаѣ умѣстенъ вопросъ: виноваты ли практики или теоретики? Явленіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, порождено стихійнымъ историческимъ процессомъ, вызвавшимъ къ жизни соціальдемократическое движеніе въ Россіи и опредѣлившимъ на довольно продолжительный періодъ его характеръ и общественное содержаніе. Выясненіе этого процесса одно только и имѣетъ для насъ насущный практическій интересъ.

Русскіе марксисты съ самаго начала ставили себѣ ту же самую принципіальную задачу, какую преслѣдуетъ интернаціональная соціальдемократія и которая является для нея верховнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ методовъ, средствъ и результатовъ своей дѣятельности. Развитіе классового самосознанія и политической самодѣятельности рабочихъ массъ, объединеніе ихъ въ самостоятельную революціонную силу подъ знаменемъ соціальдемократіи—такова, какъ извѣстно, эта задача. Но въ то время, когда возникало наше движеніе, въ русской дѣйствительности не было еще самыхъ элементарныхъ условій для прямого и *непосредственнаго* выполненія именно его принципіальной задачи. Прежде чѣмъ приступить къ ея выполненію, намъ пришлось взять на себя миссію созданія этихъ *предварительныхъ* условій. Я не хочу этимъ сказать, что нами или кѣмъ либо изъ насъ заранѣе предпамѣренно составленъ былъ такой планъ: „Сначала мы достигнемъ этого, а потомъ примемся за свое настоящее, уже „чисто пролетарское“ дѣло. Ничего подобнаго. Наоборотъ, для насъ это „чисто пролетарское“ дѣло обнимало и покрывало собою всѣ насущныя задачи современной русской жизни и намъ казалось, что въ дѣйствительности работа надъ *подготовленіемъ* и расширеніемъ *почвы* для широкой организаціи принципіальной пролетарской

борьбы и *непосредственная* работа надъ классовымъ воспитаніемъ рабочихъ сольются въ одно неразрывное цѣлое, въ одно соціально-революціонное дѣло. Но исторія распорядилась далеко не такъ, какъ намъ хотѣлось. Она, за нашей спиной, доставила преобладающую роль въ нашемъ движеніи не цѣли, а средству, не нашей основной, принципіальной задачѣ, а тѣмъ исторически болѣе элементарнымъ задачамъ, безъ по крайней мѣрѣ частичнаго осуществленія которыхъ не было *объективной* возможности послѣдовательно и всесторонне преслѣдовать первую. Этимъ самымъ въ развитіе русской соціальдемократіи внесено было противорѣчіе, которое проходитъ красной нитью черезъ всѣ его фазисы.

Ея основная задача, которая всюду опредѣляетъ собою содержаніе и направленіе соціальдемократической практики, заключалась и заключается въ развитіи классового самосознанія и политической самостоятельности пролетаріата. Что такое высоко развитое пролетарское самосознаніе? Это — во-первыхъ, сознаніе пролетаріатомъ своего принципіальнаго антагонизма со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, и во-вторыхъ, сознаніе имъ всемірно-историческаго значенія своей освободительной борьбы. Неразрывно съ тѣмъ и другимъ связано и пониманіе историческихъ условій выполненія рабочимъ классомъ своей освободительной миссіи *). А что подразумѣвается подъ политической самостоятельностью этого класса? Плановѣрное, систематическое вмѣшательство рабочихъ массъ, организованныхъ въ классовую партію или руководимыхъ ею, во всѣ сферы общественно-политической жизни. На этой аренѣ борьбы они

*) „Ничто“ говоритъ Лассаль нѣмецкимъ рабочимъ „до такой степени не придаетъ *сословію* достойнаго и глубоко нравственнаго отпечатка, какъ сознаніе, что оно... призвано возвысить свой принципъ въ принципъ своего вѣка, сдѣлать свою идею руководящей идеей всего общества“. И онъ старался, чтобы германскій пролетаріатъ проникся сознаніемъ, что рабочій классъ — въ современномъ обществѣ — „камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго“. На языкѣ Маркса и Энгельса слова эти означаютъ, что высоко развитое пролетарское самосознаніе неразрывно связано съ яснымъ представленіемъ рабочихъ объ исторической роли своего класса, какъ революціоннаго носителя и представителя интересовъ всего общества, часть котораго они составляютъ, и всего человѣчества.

сталкиваются лицомъ къ лицу, какъ съ враждебнымъ лагеремъ, не только со своими непосредственными эксплуататорами, какъ съ частными лицами, преслѣдующими лишь свои собственные, корыстные интересы, но и съ тѣми элементами высшихъ классовъ, которые выступаютъ въ роли представителей и выразителей такъ называемаго общественнаго мнѣнія и интересовъ „всего народа", „всей страны", а въ дѣйствительности являются не болѣе, какъ идеологами, вождями, руководителями и просто политическими дѣльцами эксплуататорскихъ классовъ. Активное вмѣшательство въ общественную и политическую жизнь является поэтому и лучшей, чтобы не сказать единственной школой и для развитія классового самосознанія пролетаріата. Развивая политическую самостоятельность пролетаріата, западная соціальдемократія этимъ самымъ развиваетъ и его классовое самосознаніе. Систематически вовлекая рабочія массы въ непосредственныя столкновенія и прямую борьбу со всей совокупностью буржуазныхъ идеологовъ и политиковъ, соціальдемократія конкретно вскрываетъ передъ ними непримиримый антагонизмъ интересовъ пролетаріата съ господствомъ буржуазіи. Вынося на обсужденіе его активныхъ слоевъ всѣ вопросы общественной жизни, возбуждаемые представителями другихъ классовъ, организуя эти слои для предъявленія принятыхъ ими рѣшеній, какъ по этимъ вопросамъ, такъ и по тѣмъ, которые они самостоятельно вносятъ, соціальдемократы наглядно обнаруживаютъ передъ рабочимъ классомъ съ одной стороны неспособность даже передовыхъ элементовъ буржуазіи послѣдовательно отстаивать интересы прогресса, а съ другой—его собственную роль единственнаго серьезнаго борца за эти интересы. Однимъ словомъ, процессъ всесторонняго классового воспитанія и объединенія рабочихъ въ самостоятельную пролетарскую партію совершается и можетъ только совершаться главнымъ образомъ на почвѣ и посредствомъ ихъ активнаго участія въ тѣхъ сферахъ общественной жизни, въ которыхъ и на Западѣ еще въ недавнемъ прошломъ единственными хозяевами были представители высшихъ классовъ.

Все это вещи общеизвѣстныя, но они почти или совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ при оцѣнкѣ „положенія дѣлъ" нашей партіи. Въ противномъ случаѣ мы не про-

являли бы такого самоудовлетворенія по части достигнутыхъ ею результатовъ въ дѣлѣ классового воспитанія рабочихъ массъ.

Въ капиталистическихъ странахъ Запада соціальдемократы *), какъ только появились на свѣтъ, такъ и начали свою пролетарскую воспитательную работу съ привлеченія рабочихъ массъ къ активному и самостоятельному участію въ политической борьбѣ. Это само собою подсказывалось уже тѣмъ обстоятельствомъ, что соціальдемократія выступила на сцену въ этихъ странахъ въ то время, когда буржуазія тамъ уже политически господствовала или, по крайней мѣрѣ, участвовала въ государственной власти. Широкая политическая агитація облегчалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, наличностью хоть какой-нибудь легальной почвы въ „правовомъ государствѣ“. Но что особенно важно помнить, такъ это то, что пролетаріатъ и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи уже былъ до извѣстной степени подготовленъ воздѣйствіемъ на него демократической и вообще свободолюбивой интеллигенціи въ эпоху революціонныхъ бурь буржуазіи и въ слѣдующій за нею періодъ. Въ большинствѣ случаевъ соціальдемократія на Западѣ съ самаго начала представляла собою передовой отрядъ уже соціально активныхъ слоевъ пролетаріата (плюсъ нѣсколько единицъ изъ „интеллигенціи“) и выражала новый фазисъ въ развитіи уже начатой имъ классовой борьбы.

Ни одного изъ этихъ необходимѣйшихъ условій для развитія строго принципіальнаго пролетарскаго движенія у насъ не было на лицо въ тотъ моментъ, когда въ Россіи возникло соціальдемократическое теченіе. Рѣшающее и предопредѣляющее значеніе для развитія новаго движенія имѣли два обстоятельства: во-первыхъ то, что пролетаріатъ въ Россіи — если не считать немногихъ спропагандированныхъ рабочихъ, тонувшихъ въ общей массѣ своихъ собратьевъ, да рѣдкія, изолированныя стачки — погруженъ былъ тогда еще въ глубокій историческій сонъ и находился въ совершенно безкультур-

*) Чтобы не усложнять занимающаго меня вопроса, я здѣсь, какъ и вообще въ статьѣ, совершенно игнорирую фактъ кратковременнаго, такъ сказать, минутнаго существованія коммунистическаго союза въ промежуткѣ между выступленіемъ его съ манифестомъ Маркса и Энгельса и революціей 1848 года.

томъ состояніи. Въ немъ самомъ не было элемента, способнаго взять на себя дѣло пробужденія его отъ этого сна и выведенія его на арену исторической активности. Эту задачу долженъ былъ взять на себя постороній ему соціальный элементъ — радикальная интеллигенція. Въ этомъ заключалось второе изъ двухъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ. Историческій или общественный смыслъ его таковъ: для того чтобы вызвать къ жизни въ Россіи самостоятельное, сознательно классовое движеніе средп рабочихъ массъ, предварительно необходимо было подчинить ихъ идейному и политическому вліянію и руководству соціально чуждаго имъ слоя, принадлежащаго въ массѣ своей къ другимъ классамъ населенія. На Западѣ одной изъ первыхъ задачъ соціальдемократіи было освобожденіе пролетаріата отъ вліянія и опеки свободолюбивой, демократической интеллигенціи. У насъ марксисты должны были наоборотъ въ интересахъ соціально-политическаго развитія рабочихъ, взять на себя инпціативу сближенія радикальной интеллигенціи съ пролетаріатомъ и систиматически помогать ей въ дѣлѣ подчиненія его ея революціонному руководству. Какъ бы то пи было, здѣсь скрывалось крупное противорѣчіе между субъективной цѣлью инпціаторовъ нашего движенія и объективнымъ характеромъ того средства, которое имъ предоставила исторія.

Чѣмъ, однако, оправдывалась, на чемъ основана была ихъ вѣра въ призваніе и готовность радикальной интеллигенціи взять на себя и выполнить предлагаемую ей историческую миссію? Вѣра эта опиралась на фактическое настроеніе революціонной интеллигенціи и имѣла своей объективной основой или источникомъ историческое положеніе этой интеллигенціи. На Западѣ вышеуказанный антагонизмъ соціальдемократіи съ лѣвымъ крыломъ свободомыслящей буржуазіи обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что ко времени появленія первой даже наиболѣе радикальные элементы интеллигенціи уже распростились съ своимъ революціонно-демократическимъ идеализмомъ и настолько тѣсно политически ассоціпровались съ демократическими, полудемократическими и отчасти даже совсѣмъ недемократическими слоями непролетарскихъ классовъ, что фактически являлись выразителями и представителями интересовъ именно бур-

жуазіи, играли роль ея идейнаго и политическаго авангарда. У насъ политическій индифферентизмъ эксплуататорскихъ классовъ и политическая пассивность „общества" отдаляли отъ нихъ наиболѣе революціонные элементы интеллигенціи, обрекали эти послѣдніе на изолированность и общественное безсиліе и поддерживали въ нихъ стремленіе не только бороться за „народъ", но и вовлечь его самого въ эту борьбу. Но на Западѣ народныя массы очутились вначалѣ на революціонной аренѣ, какъ стихійная, можно сказать, физическая сила, увлекаемая и толкаемая внѣшними импульсами, исходившими—въ особенности во Франціи и Англіи — преимущественно изъ внутреннихъ междоусобій на верхнихъ этажахъ соціальнаго зданія... Въ Россіи недоставало элементовъ и силъ для того, чтобы вовлекать народныя массы стихійнымъ путемъ въ борьбу съ абсолютизмомъ. Для того, чтобы пробудить ихъ изъ историческаго сна и вынести на общественно-политическую арену, необходимо было начать *систематически* развивать въ нихъ революціонное настроеніе и революціонную активность, и прежде всего *сознательное* отношеніе къ своему тяжелому положенію и къ его причинамъ.

Эту историческую задачу пыталось, по своему, рѣшать народничество семидесятыхъ годовъ. Но оно неспособно было рѣшить ее и не рѣшило, потому что не могло понять и оцѣнить историческое значеніе новаго еще тогда въ Россіи класса промышленныхъ рабочихъ. Только марксизмъ могъ дать ключъ и указать пути и средства къ рѣшенію основного, общедемократическаго вопроса революціоннаго движенія въ Россіи. Въ этомъ, замѣчу мимоходомъ, коренится главный источникъ силы нашей партіи, причина ея рѣшительнаго торжества надъ другими революціонными фракціями, прочности этого торжества *не смотря* на ея собственные крупные дефекты и ошибки, и трудности для ревизіонизма и другихъ фальсификацій марксизма освободить ее отъ вліянія „ортодоксіи". Марксисты апеллировали и должны, обязаны были апеллировать къ революціонному идеализму и народолюбію той же интеллигенціи, къ которой обращались народники-революціонеры; они обязаны были выяснить ей историческую миссію рабочаго класса, указывать ей необходимость — въ интересахъ воодушевлявшихъ ее идеаловъ—отдать всѣ свои силы дѣлу полн-

тическаго пробужденія, развитія и объединенія этого класса подъ знаменемъ ученій научнаго соціализма.

Для всякаго, кто твердо помнитъ и ясно понимаетъ, что общественное содержаніе соціально-политическихъ движеній опредѣляется не столько теоріями, подъ флагомъ которыхъ они развиваются, сколько историческими условіями, вызывающими ихъ къ жизни, и въ частности соціальнымъ характеромъ ихъ представителей, должно быть ясно, какъ божій день, что наше движеніе съ самаго начала скрывало въ себѣ двѣ противоположныя тенденціи, взаимный антагонизмъ которыхъ не могъ не развиваться и не отражаться на немъ параллельно съ его собственнымъ развитіемъ. Принципіально пролетарская цѣль движенія — та же, что и у западной соціальдемократіи. Но окольный путь, предоставленный намъ исторіей, *непосредственно* не велъ къ этой цѣли, а скорѣе въ противоположную сторону. На Западѣ соціальдемократія составляетъ и съ самаго начала составляла ничто иное, какъ часть *самаго пролетаріата*, плоть отъ плоти его и кость отъ кости его. Онъ въ одно и то же время — субъектъ и объектъ своего собственнаго классового воспитанія и объединенія. Планомѣрное воздѣйствіе западной соціальдемократіи на рабочія массы, это — воздѣйствіе ихъ наиболѣе передовыхъ, наиболѣе принципіально-сознательныхъ и организованныхъ слоевъ на еще сравнительно отсталые слои тѣхъ же рабочихъ массъ. Развитіе классоваго самосознанія и самодѣятельности пролетаріата является поэтому на Западѣ процессомъ *саморазвитія*, *самовоспитанія* рабочаго класса. У насъ же планомѣрное воздѣйствіе соціальдемократіи на эти массы означало воздѣйствіе на нихъ *извнѣ*, со стороны чуждаго имъ соціальнаго элемента, воспитаніе ихъ ею равносильно было подчиненію ихъ руководству радикальной интеллигенціи. Процессъ же соціальдемократическаго *саморазвитія* и *самовоспитанія*, объединеніе и развитіе революціонной *самодѣятельности* концентрировались главнымъ образомъ (я говорю не объ индивидуумахъ, а о массѣ) въ этой самой интеллигенціи, миссія которой состояла въ подготовленіи россійскаго пролетаріата къ самостоятельной политической роли (въ соціальдемократическомъ смыслѣ). Успѣхи нашего движенія должны были, втече-

ніе извѣстнаго періода, въ дѣйствительности сводится, если не цѣликомъ, то преимущественно, къ расширенію круга адептовъ научнаго соціализма среди интеллигенціи, къ углубленію соціалистическаго сознанія этихъ адептовъ, къ прогрессивному увеличенію притока изъ ихъ среды соціальдемократическихъ пропагандистовъ и агитаторовъ, къ усовершенствованію организаціи этихъ послѣднихъ, къ накопленію ими революціоннаго опыта и увеличенію размаха ихъ дѣятельности и, наконецъ,— самое важное —къ вовлеченію все болѣе широкихъ слоевъ пролетаріата въ сферу вліянія этой организаціи. Вообразимъ теперь на минуту, что движеніе наше во всѣхъ этихъ отношеніяхъ достигло идеальныхъ результатовъ. Всѣ радикальные элементы интеллигенціи стали подъ знамя соціальдемократіи, группируются вокругъ ея центральной организаціи, поддерживаютъ послѣднюю всячески и доставляютъ ей непрерывно увеличивающійся контингентъ профессіональныхъ революціонеровъ, которые одни только и могутъ входить въ составъ этой организаціи. Это съ одной стороны. А съ другой—рабочія массы въ еще большемъ масштабѣ, чѣмъ теперь, слѣдуютъ ея указаніямъ и готовы повиноваться ей, какъ того требуетъ цитированный въ предыдущей главѣ уставъ одного изъ нашихъ провинціальныхъ комитетовъ. Что это означало бы? Какой соціально-политическій смыслъ скрывался бы подъ этимъ гипотетическимъ случаемъ? Товарищи, не опасающіеся называть вещи настоящимъ ихъ именемъ, сами отвѣтятъ на этотъ вопросъ. Мы имѣли бы въ данномъ случаѣ революціонную политическую организацію демократической буржуазіи, ведущую за собою, въ качествѣ боевой арміи, рабочія массы Россіи. А для довершенія своей злой ироніи, исторія, пожалуй, поставила бы намъ еще во главѣ этой буржуазно-революціонной организаціи не просто соціальдемократа, а самаго что ни на есть „ортодоксальнаго“ (по его происхожденію) марксиста *).

Предположенный нами случай только рѣзко и наглядно вскрываетъ и иллюстрируетъ ту тенденцію россій-

*) Вѣдь далъ же легальный или полумарксизмъ литературнаго вождя нашимъ либераламъ. Почему бы проказницѣ-исторіи не доставить революціонной буржуазной демократіи вождя — изъ школы „ортодоксальнаго“, революціоннаго марксизма.

скаго соціальдемократическаго движенія, которая присуща ему благодаря относительной отсталости общественныхъ условій, при которыхъ оно возникло и развивалось. Въ то время, какъ субъективное стремленіе соціальдемократовъ вызвать дѣйствительно самостоятельное политическое движеніе въ нашемъ пролетаріатѣ идейно питалось и поддерживалось теоріей и богатой крупными событіями пролетарской борьбой на Западѣ, другая, объективная, тенденція коренилась въ самой русской дѣйствительности и поддерживалась тѣмъ реальнымъ фактомъ, что эта дѣйствительность давала матеріалъ и средства лишь для такого подъема революціоннаго настроенія и революціонной активности рабочихъ массъ, который обезпечивалъ бы радикальной интеллигенціи возможность, опираясь на нихъ, вступить въ рѣшительный бой съ отживающимъ общественно-политическимъ строемъ. Поэтому антагонизмъ между субъективной и объективной тенденціей движенія неизбѣжно долженъ былъ выразиться въ антагонизмѣ между теоріей и практикой. Но объ этомъ еще рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же ограничусь только еще парой замѣчаній. Забѣгая впередъ, я скажу, что, выдвинувъ марксизмъ въ роли необходимаго идейнаго вдохновителя и руководителя интеллигенціи въ области выполненія ею общедемократической задачи революціонизированія пролетаріата, исторія тѣмъ самымъ доставила и субъективнымъ стремленіямъ соціальдемократовъ точку опоры на русской почвѣ. Но только теперь, послѣ того какъ интеллигенція соціальдемократическая довольно далеко подвинулась впередъ въ выполненіи указанной задачи, является объективная возможность дать этимъ стремленіямъ полное принципіальное практическое выраженіе въ повседневной практикѣ партіи. И только когда она вступитъ въ этотъ новый фазисъ своего развитія, ея политическое руководство рабочими массами постепенно станетъ синонимомъ политической самостоятельности пролетаріата. А пока оно означаетъ главнымъ образомъ только то, что въ лицѣ соціальдемократической части интеллигенціи рабочими руководитъ непролетарскій элементъ. Разумѣется, для Россіи и это представляетъ прогрессивное явленіе первостепенной важности.

Приложеніе I.

Письмо въ редакцію „РАБОЧАГО ДѢЛА“.

Товарищи! Я обращаюсь къ вамъ съ этимъ письмомъ по поводу напечатанной въ № 1-мъ „Рабочаго Дѣла“ рецензіи на брошюру „Задачи русскихъ соціальдемократовъ“, появившуюся въ печати зимой прошлаго (1898) года съ моимъ предисловіемъ.

Рецензія вѣрно передаетъ существенные пункты этой брошюры, но начинается и заканчивается замѣчаніями, бросающими не совсѣмъ вѣрный свѣтъ на состояніе нашего движенія и на внутреннія отношенія нашей партіи въ недавнемъ прошломъ. Поводомъ же къ этимъ замѣчаніямъ послужило мое предисловіе къ названной брошюрѣ. Подчеркнувъ полное совпаденіе излагаемой въ ней программы дѣйствія съ основными принципами соціальдемократіи и съ жизненными требованіями современныхъ условій существованія русскаго пролетаріата, я въ интересахъ истины и самого нашего движенія почелъ нелишнимъ отмѣтить и то, что программа эта не стала еще во всемъ ея объемѣ общепризнаннымъ и общеобязательнымъ знаменемъ всѣхъ кружковъ и организацій, группирующихся у насъ подъ флагомъ соціальдемократіи. Я сослался, между прочимъ, на тотъ фактъ, что большинство „молодыхъ товарищей, сравнительно недавно попавшихъ заграницу,... довольно далеки еще отъ тѣхъ практическихъ воззрѣній, на почвѣ которыхъ стоитъ авторъ настоящей брошюры, и увѣряютъ, что такъ же, какъ они, смотрятъ на практику русской соціальдемократіи большинство активныхъ группъ“.

Товарищъ, написавшій рецензію на эту брошюру, усмотрѣлъ, повидимому, въ только что приведенныхъ строкахъ нѣчто обидное и несправедливое и для нашей партіи, и для молодыхъ товарищей. „Не знаемъ, про ка-

ихъ молодыхъ товарищей говоритъ Аксельродъ", недоумѣваетъ авторъ рецензіи. „Мы не можемъ согласиться, заявляетъ онъ, съ товарищемъ П. Аксельродомъ, который въ своемъ предисловіи склоняется къ мысли, что „въ общемъ движеніе наше еще только стремится къ той ступени развитія, которой соотвѣтствуетъ тактическая точка зрѣнія автора" (брошюры). Но брошюра именно и цѣнна тѣмъ, „что она насъ знакомитъ изъ первыхъ рукъ съ *дѣйствительнымъ состояніемъ* нашего движенія, съ его *жизненной практикой*" (курсивъ мой). Моему замѣчанію, что задачи и тактика русскихъ соціальдемократовъ, соотвѣтствующія точкѣ зрѣнія автора брошюры, осуществляются въ нашей практикѣ еще только въ зачаточныхъ формахъ, рецензентъ противупоставляетъ категорическое утвержденіе, что „жизненная практика" нашей партіи цѣликомъ совпадаетъ съ этой точкой зрѣнія.

Эта оцѣнка содержанія и формы дѣятельности русскихъ соціальдемократовъ въ недавнемъ прошломъ страдаетъ тенденціей, противоположной той, которая проявилась въ нашемъ лагерѣ наканунѣ періода массовой агитаціи. Переходный моментъ отъ просвѣтительно-пропагандистскаго фазиса нашего движенія къ современному ознаменовался довольно рѣзкой критикой практической дѣятельности соціальдемократовъ въ первомъ фазисѣ. По неизбѣжной логикѣ вещей критика была въ извѣстномъ смыслѣ даже черезчуръ строга, такъ какъ не приняла во вниманіе „смягчающихъ вину обстоятельствъ", яснѣе говоря, неблагопріятныхъ условій, при которыхъ соціальдемократическое теченіе зародилось и вплоть до начала настоящаго десятилѣтія прокладывало себѣ путь. Но и эта, подчасъ очень односторонняя, критика дала въ результатѣ большой плюсъ, способствуя переходу чистыхъ пропагандистовъ на путь агитаціи и активнаго участія въ экономическихъ столкновеніяхъ рабочихъ съ предпринимателями, между тѣмъ какъ огульное славословіе замедлило бы этотъ переходъ и искуственно задержало бы наше движеніе дольше, чѣмъ это обусловлено было внѣшними обстоятельствами, въ его первоначальной стадіи.

Русская соціальдемократія подвинулась, конечно, значительно впередъ съ середины 90-хъ годовъ. Но все же не слѣдуетъ забывать, что она, говоря словами автора брошюры, „только *начинаетъ развивать* свою практическую

дѣятельность", что передъ ней „еще громадное, *едва начатое* поле работы" (стр. 27-28, курс. мой). Странно было бы упрекать или строго критиковать ее за то, что ея практика не достигла еще той разносторонности и того соотвѣтствія съ нашими принципами и съ нашей исторической почвой, какихъ достигли старшія сестры ея, давно уже вышедшія изъ отроческаго возраста. Но еще страннѣе, а главное вреднѣе было бы для нашей, столь юной еще, партіи питать иллюзіи самообольщенія, ложныя представленія о степени своей зрѣлости и о характерѣ и значеніи своей дѣятельности въ настоящій періодъ ея исторической жизни. А между тѣмъ именно тенденціей къ такимъ иллюзіямъ и проникнута рецензія, вызвавшая настоящее письмо.

Нашъ авторъ начинаетъ статью вполнѣ справедливымъ замѣчаніемъ, что на „первыхъ порахъ" въ тактикѣ молодой партіи „ошибки и односторонности неизбѣжны" и что ей „всегда грозитъ опасность съ одной стороны — остаться оторванной отъ жизни, съ другой—преувеличить значеніе того средства борьбы, которому она обязана своими первыми успѣхами, и отодвинуть на задній планъ другія формы дѣятельности". Вмѣстѣ со мною читатель ждетъ примѣненія этихъ строкъ къ данному конкретному случаю, т. е. указанія на „ошибки и односторонности" нашей, несомнѣнно очень молодой партіи. Но она, противъ всякаго ожиданія, оказывается небывалымъ исключеніемъ. Вопреки всѣмъ законамъ природы и исторіи молодыхъ партій, ее миновала „опасность", которая имъ „всегда грозитъ". „Въ настоящемъ наше движеніе, выросшее на почвѣ массовыхъ стачекъ, легко могло уклониться въ сторону исключительно экономической борьбы"... „Могло уклониться", но не уклонилось не только на дѣлѣ, но даже и въ мысляхъ, въ теоретическихъ представленіяхъ соціальдемократовъ о задачахъ и тактикѣ нашей партіи. Мы „уже *вполнѣ застрахованы отъ какой-бы то ни было односторонности*" (курсивъ мой)—заявляетъ авторъ рецензіи сейчасъ-же послѣ того, что онъ говорилъ о присущемъ природѣ молодыхъ партій свойствѣ впадать въ „односторонности и ошибки".

Невольнымъ виновникомъ этого нѣсколько преждевременнаго прославленія исключительныхъ совершенствъ нашей молодой партіи является авторъ брошюры, о которой написана замѣтка, вызвавшая мое письмо. „Память

пришлось бы списать добрую половину брошюры—заявляетъ рецензентъ—чтобы дать понятіе объ изображенной авторомъ *всесторонности соціальдемократической дѣятельности въ Россіи*“ (курсивъ въ подлинникѣ). Авторъ рецензіи совершенно напрасно ссылается однако на автора брошюры. „Изображенная имъ всесторонность соціальдемократической дѣятельности“ логически обусловливается нашими принципами и диктуется соціально-политическимъ положеніемъ нашего пролетаріата. Цѣль, которую онъ поставилъ себѣ въ брошюрѣ, отнюдь не требовала съ его стороны спеціальнаго напоминанія и подчеркиванія того, что въ фактической дѣятельности русскихъ соціальдемократовъ рисуемыя имъ черты проявляются пока лишь въ зародышевыхъ формахъ. Цѣль эта состояла въ томъ, чтобы *„разъяснить практическія* задачи соціальдемократовъ и изложить тѣ основанія“, по которымъ онъ считаетъ „ея программу наиболѣе раціональной изъ грехъ *) наличныхъ программъ, а возраженія противъ нея основанными въ значительной степени на недоразумѣніи“. Попытку въ этомъ направленіи онъ считаетъ „особенно своевременной и необходимой въ виду того, что именно въ области вопроса *о практической* сторонѣ соціальдемократизма, о его политической программѣ, о его пріемахъ дѣятельности, его тактикѣ... господствуетъ больше всего недоразумѣній и взаимнаго непониманія, препятствующаго полному сближенію съ соціальдемократизмомъ“ революціонеровъ народовольческаго и народоправческаго направленія (стр. 7). Къ нимъ то, къ нашимъ противникамъ изъ революціоннаго лагеря, и обращался главнымъ образомъ авторъ, ему хотѣлось бы разсѣять укоренившіяся въ нихъ предубѣжденія противъ „соціальдемократизма“, какъ противъ ученія, будто бы „отодвигающаго назадъ политическія задачи“ и якобы проповѣдующаго грубый пролетарскій эгоизмъ, узость интересовъ и односторонность дѣятельность. Пѣтъ, отвѣчаетъ онъ имъ весьма основательно, ваши представленія о соціальдемократіи основаны на поразительномъ непониманіи ея „принциповъ, излагавшихся много разъ и изложенныхъ уже въ первыхъ русскихъ соціальдемокра-

*) Народовольческой, народоправческой и соціальдемократической.

тическихъ изданіяхъ—въ заграничныхъ брошюрахъ и книгахъ группы „Освобожденіе Труда". И вотъ этимъ ложнымъ представленіямъ о нашей партіи они противопоставляютъ настоящіе принципы ея и ту программу дѣйствія, которая съ логической необходимостью вытекаетъ изъ соціальдемократизма въ его полномъ примѣненіи къ русской почвѣ, примѣненіи, предполагающемъ конечно, предварительный, довольно трудный и сложный процессъ внутренняго броженія и развитія.

Отсюда, конечно, нисколько не слѣдуетъ, что между этой болѣе или менѣе теоретической программой дѣйствія и реальной, повседневной практической дѣятельностью русскихъ соціальдемократовъ существовала хотя бы и тѣнь принципіальнаго противорѣчія. Если изображенная авторомъ „всесторонность дѣятельности" нашей партіи не есть еще реальный, жизненный фактъ, то это весьма естественно и объясняется очень просто тѣмъ обстоятельствомъ, что партія наша еще „только начинаетъ развивать свою практическую дѣятельность". Но отставая отъ теоріи, соціальдемократическая практика въ Россіи въ то же время также мало противорѣчила ей, какъ преподаваніе элементарныхъ знаній противорѣчитъ методамъ университетскаго преподаванія. Уже „на первыхъ порахъ" она включала въ себѣ *зародыши* развитія въ направленіи къ программѣ, изложенной авторомъ брошюры. Не мѣшаетъ также помнить и то обстоятельство, что какъ ни просты и элементарны были „формы дѣятельности русскихъ соціальдемократовъ", все же именно ихъ дѣятельность является съ середины нашего десятилѣтія единственнымъ живымъ проявленіемъ революціонной энергіи въ русской жизни. Наконецъ, вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ здѣсь неудобно говорить, авторъ брошюры не могъ знать, что какъ разъ около того времени, когда онъ ее писалъ, въ лагерѣ русскихъ соціальдемократовъ начало формироваться теченіе, оппозиціонное и даже прямо враждебное духу и содержанію „принциповъ, излагавшихся много разъ и изложенныхъ уже въ первыхъ соціальдемократическихъ изданіяхъ". Какъ разъ въ теченіе прошлаго года въ нашемъ лагерѣ начала рѣзко проявляться тенденція къ искусственному задержанію русской соціальдемократіи на примитивной ступени развитія. Авторъ рецензіи недоумѣваетъ,

„про какихъ молодыхъ товарищей говоритъ Аксельродъ", что ихъ практическіе взгляды далеки отъ точки зрѣнія автора брошюры, и съ своей стороны мнѣ противупоставляетъ заявленіе, что и „болѣе молодые" изъ товарищей, находящихся заграницей, солидарны съ редакціонной программой „Рабочаго Дѣла", а слѣдовательно съ брошюрой, такъ-какъ „изложенная суть послѣдней *цѣликомъ совпадаетъ*" съ этой программой. Я искренно радуюсь этому благопріятному повороту мыслей и настроенія этихъ товарищей. Но брошюра то вѣдь появилась въ печати около восьми мѣсяцевъ до выхода въ свѣтъ „Рабочаго Дѣла" и въ моемъ предисловіи къ ней рѣчь идетъ, конечно, не о теперешнихъ, а о тогдашнихъ ихъ воззрѣніяхъ. Какъ далеко расходились эти воззрѣнія съ брошюрой, можете судить по слѣдующимъ заявленіямъ „болѣе молодыхъ товарищей" объ отношеніи нашей партіи къ политической борьбѣ. Поводъ къ этимъ заявленіямъ дали мои статьи по вопросу о задачахъ и тактикѣ русской соціальдемократіи *).

„Толковать рабочей массѣ, писалъ весной прошлаго года одинъ изъ этихъ товарищей, объ уничтоженіи капитализма, о соціализмѣ, объ уничтоженіи *самодержавія вообще нелѣпо и непроизводительная трата* силъ"... Около того же времени другой товарищъ писалъ мнѣ: „Говорить теперь, пропагандировать рабочимъ сверженіе абсолютизма, а значитъ просто на просто революцію (?! П. А.) — это значитъ подвергать ихъ величайшей опасности, какая только была возможна въ исторіи". Это антиполитическое теченіе нашло себѣ болѣе или менѣе обоснованное выраженіе въ присланномъ намъ весной прошлаго года манускриптѣ, озаглавленномъ: „Отвѣтъ на брошюру П. Б. Аксельрода „Къ вопросу о задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ".

Чтобы дать наглядный отвѣтъ моему оппоненту на его вопросъ „про какихъ молодыхъ товарищей гово-

*) Послѣсловіе къ извѣстной брошюрѣ „Объ агитаціи", два письма, подъ названіемъ „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ", и напечатанная въ одномъ нѣмецкомъ соціальдемократическомъ журналѣ статья, появившаяся затѣмъ въ № 5-6 „Работника" и отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: „Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи".

рить Аксельродъ", и показать, до какой степени „суть брошюры" *не* совпадала съ ихъ тогдашними взглядами, приведу нѣсколько мѣстъ изъ названной рукописи.

Моментъ для политической агитаціи, читаемъ мы въ ней, наступитъ только тогда, „когда сами рабочіе самопроизвольно, *безъ революціонной бациллы интеллигенціи*, начнутъ борьбу съ самодержавіемъ". А пока для нея „еще нѣтъ въ Россіи мѣста..., несомнѣнно, что въ данную минуту никто изъ практическихъ дѣятелей движенія серьезно не думаетъ о политической агитаціи и не считаетъ ее своевременной". На этомъ основаніи авторъ манускрипта слѣдующимъ образомъ предостерегаетъ противъ сторонниковъ политической борьбы: „мы должны *не допускать* попытокъ безпочвенной политической агитаціи точно также, какъ избѣгаемъ провокаторовъ". А потому литература, „издаваемая заграницей, должна прекратить свои разговоры о томъ прекрасномъ будущемъ, когда мы будемъ свергать самодержавіе". А такъ какъ группа „Освобожденіе Труда" не прекращала „своихъ разговоровъ" о политическихъ задачахъ русской соціальдемократіи, то авторъ манускрипта въ пылу негодованія объявилъ программу ея „бумажнымъ мечемъ", которымъ она въ качествѣ „полководца безъ арміи, не знающаго путей, ведущихъ къ желанной цѣли", вотъ уже 15 лѣтъ „безъ устали размахиваетъ".

Авторъ брошюры о задачахъ нашей партіи видитъ во мнѣніи противниковъ, будто она индифферентна къ политическимъ вопросамъ, доказательство „поразительнаго непониманія ими принциповъ, излагавшихся много разъ и изложенныхъ уже въ первыхъ русскихъ изданіяхъ — въ заграничныхъ брошюрахъ и книгахъ группы „Освобожденіе Труда". Каково же было бы его изумленіе, если-бы онъ узналъ про еще болѣе „поразительное непониманіе принциповъ соціальдемократіи", какъ оно обнаружилось въ ея собственномъ лагерѣ заграницей! Что сказалъ бы онъ, напримѣръ, если бы онъ услыхалъ, что здѣсь открыли полную противоположность между принципами, „которыми руководствуется современное русское рабочее движеніе", изложенными въ брошюрѣ „Объ агитаціи", съ принципами, излагавшимися „въ брошюрахъ и книгахъ группы „Освобожденіе Труда"? По всей вѣроятности онъ увидѣлъ бы въ этомъ открытіи „изумл-

тельный фактъ“ и во всякомъ случаѣ не премину̀лъ бы отмѣтить, что „изложенная суть“ его брошюры не только не совпадаетъ съ вышеизложенными „принципами“ молодыхъ товарищей, но даже прямо противоположна.

Эта противоположность проявилась и въ представленіяхъ этой молодежи о характерѣ и способахъ политической борьбы. Одной изъ причинъ крайне „страннаго мнѣнія“ народовольческихъ противниковъ соціальдемократіи объ ея отношеніяхъ къ политическимъ вопросамъ является, по автору брошюры, „ихъ узкое и одностороннее понятіе о политической борьбѣ. Народовольцы отождествляютъ ее съ заговоромъ, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія соціальдемократовъ борьба противъ абсолютизма должна состоять въ воспитаніи, дисциплинированіи и организаціи пролетаріата, въ политической агитаціи среди рабочихъ, клеймящей всякое проявленіе абсолютизма, прибивающей къ позорному столбу всѣхъ рыцарей полицейскаго правительства и вынуждающей у этого правительства уступки“. Противъ отождествленія политической борьбы съ заговорщической и террористической дѣятельностью „безъ устали“ боролась и группа „Освобожденіе Труда“; выясненіе и обоснованіе того понятія о политической борьбѣ, по которому она для соціальдемократовъ сводится прежде всего и главнымъ образомъ къ пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ, къ воспитанію, дисциплинированію и организаціи пролетаріата, выясненіе этого понятія проходитъ красной нитью черезъ всю нашу литературную дѣятельность. И вотъ, когда 15 лѣтъ послѣ появленія сочиненій Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба“ и „Наши Разногласія“, я написалъ брошюру, въ которой говорю о задачахъ и тактикѣ нашей партіи словами и выраженіями, казавшимся мнѣ давно извѣстными, обычными, общеупотребительными, по крайней мѣрѣ, среди соціальдемократовъ, то мнѣ, къ величайшему моему огорченію, пришлось убѣдиться, что многіе изъ нашихъ молодыхъ товарищей связываютъ съ терминами политической борьбы такія же представленія, какъ народовольцы. Быть можетъ даже, что львиная доля разногласій ихъ съ нами была плодомъ недоразумѣній, выросшихъ на этой почвѣ. Такъ напр., съ удивленіемъ и видимымъ недовѣріемъ выслушивали молодые соціальдемократы мои заявленія, что въ зачаточной формѣ, а

главное, не совсѣмъ сознательно и систематически, борьба политическая товарищами нашими въ Россіи уже теперь ведется; имъ казалось очень страннымъ, когда я говорилъ, что и пропаганда, разъясняющая отдѣльнымъ рабочимъ и передовымъ ихъ кружкамъ необходимость уничтоженія абсолютизма, есть одно изъ важнѣйшихъ средствъ политической борьбы. „Рабочее движеніе есть движеніе массовое, не укладывающееся въ рамки комплота или заговора“ — возражалъ мнѣ съ серьезнѣйшимъ видомъ авторъ вышеупомянутаго манускрипта. „Напасть на самодержавіе можно всегда, даже и не сообразуясь съ имѣющимися на лицо силами и средствами. Но къ чему приведетъ это нападеніе?“ — съ непонятной настойчивостью допрашивалъ онъ меня, точно я въ самомъ дѣлѣ хоть намекомъ предлагалъ кому бы то ни было заняться организаціей террористическаго заговора или уличныхъ демонстрацій. „Много ли труда нужно будетъ употребить самодержавію, чтобы раздавить дерзкихъ смѣльчаковъ?“ — спрашивалъ онъ меня.

Но тѣ же товарищи, которые готовы были заподозрить насъ въ террористическихъ и заговорщическихъ стремленіяхъ, въ то же время бросали намъ упрекъ въ томъ, что мы не указываемъ путей и средствъ для борьбы съ абсолютизмомъ. Устами автора манускрипта говорили они намъ: „Русская соціальдемократія до сихъ поръ даже не ставила вопроса о томъ, *какими средствами* могутъ бороться рабочіе за свои политическія права... Трудно относиться серьезно къ практическому предложенію, умалчивающему о самомъ главномъ — о матеріальной силѣ, которая способна осуществить его, и о путяхъ, которыми оно можетъ быть осуществлено... Что касается путей, то о нихъ Аксельродъ упорно молчитъ“.

Прочтите или перечтите въ брошюрѣ о „Задачахъ русскихъ соціальдемократовъ“ стр. 22—24 и вы тамъ найдете отвѣтъ на всѣ подобныя замѣчанія и упреки, отвѣтъ, обращенный къ народовольцамъ и другимъ противникамъ соціальдемократіи. Отвѣтъ этотъ вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что, говоря словами автора этой брошюры, „много разъ излагалось въ заграничныхъ брошюрахъ и книгахъ группы „Освобожденіе Труда“ по вопросу о путяхъ и средствахъ борьбы съ абсолютизмомъ, и что само собою вытекаетъ изъ анализа русской дѣй-

ствительности, сдѣланнаго Плехановымъ, и изъ его же критики народовольчества и народничества.

Такъ какъ именно мои статьи по программнымъ и тактическимъ вопросамъ дали толчекъ для рѣзкаго обнаруженія разногласій и недоразумѣній между цѣлой группой молодыхъ товарищей и старыми членами союза, то я позволю себѣ привести слѣдующія строки изъ моего „Отвѣта“ одному товарищу, обратившемуся ко мнѣ въ 1887 году отъ имени кружка революціонной молодежи въ Россіи. „Отвѣтъ“ этотъ, по моему желанію, не появился въ печати, а былъ только гектографированъ и въ такомъ видѣ пущенъ въ обращеніе группой цюрихскихъ товарищей.

Господствующимъ направленіемъ среди революціонной интеллигенціи было въ то время народовольчество, подъ вліяніемъ традицій и понятій котораго о формахъ и способахъ политической борьбы развивалась демократическая молодежь. Я долженъ былъ, слѣдовательно, имѣть въ виду читателей, для которыхъ мысль о политической борьбѣ неразрывно связывалась съ терроромъ, а политическая самодѣятельность рабочихъ казалась утопіей и притомъ зловредной.

Политическая борьба, писалъ я поэтому, отождествляется у насъ съ терроромъ, т. е. сложная общественная дѣятельность низводится до степени *техническаго пріема* борьбы. Раціонально ли строить всѣ планы и надежды революціонной партіи на такомъ тактическомъ пріемѣ, удачное примѣненіе котораго на 99% зависитъ отъ всевозможныхъ случайностей, да и въ случаѣ удачи... не обезпечиваетъ еще побѣды надъ абсолютизмомъ. Этотъ взглядъ на политическое значеніе террора я объяснялъ тѣмъ, что „у насъ до сихъ поръ господствуетъ возрѣніе, по которому историческая роль революціонной партіи состоитъ... главнымъ образомъ въ физическомъ актѣ низверженія врага. У насъ упускаютъ изъ виду, что окончательный ударъ враждебному режиму наносятъ чаще всего силы или событія, лежащія внѣ власти дѣйствующей партіи. Голодъ, эпидемія, сильный экономической кризисъ, внѣшняя война и финансовая несостоятельность—вотъ что чаще всего наноситъ реакціи послѣдній ударъ. Но для того, чтобы революціонные элементы могли воспользоваться критическимъ моментомъ въ жизни самодержавнаго государства, борьба ихъ

съ абсолютизмомъ должна представлять собою „процессъ выработки общественныхъ силъ, которыя съумѣли бы“ въ этотъ моментъ „сознательно и энергично отстаивать“ демократическую конституцію. „Подготовить же эту силу возможно только путемъ энергичной и неустанной пропагандистской и агитаціонно-организаторской дѣятельности среди рабочихъ. Только такимъ образомъ можетъ образоваться рабочая организація, которая, благодаря своему тѣсному союзу съ революціонной интеллигенціей съ одной стороны, и глубокимъ корнямъ въ крестьянско-рабочей массѣ съ другой, быстро сумѣетъ выступить руководительницей послѣдней для обезпеченія народу возможно болѣе широкихъ политическихъ правъ“. *Практическимъ* лозунгомъ всѣхъ революціонныхъ рабочихъ кружковъ „долженъ быть небольшой рядъ *очень простыхъ* и *опредѣленныхъ* требованій политическаго и экономическаго характера. Задача этихъ кружковъ будетъ состоять въ *пропагандѣ* своихъ требованій и въ пользованіи *всякими столкновеніями рабочихъ съ хозяевами и правительствомъ* для агитаціи во имя этихъ конкретныхъ требованій... Нужно ли доказывать, что при активной поддержкѣ со стороны хотя бы небольшой рабочей организаціи и революціонной интеллигенціи стачки могутъ явиться у насъ сильнымъ рычагомъ для возбужденія среди рабочихъ (конечно мѣряя русскимъ масштабомъ) сильнаго политическаго броженія и живого сочувствія революціонной борьбѣ. Требованія, вродѣ свободы союзовъ и сговора для борьбы за улучшеніе своего положенія, права печатно обсуждать и защищать свои интересы, права при посредствѣ выборныхъ вліять на законы страны — все это пало бы въ рабочихъ живѣйшее сочувствіе во время стачки. Тайные сборы пожертвованій въ средѣ рабочихъ промышленныхъ центровъ въ пользу стачечниковъ, правительственныя преслѣдованія, административный произволъ по отношенію къ зачинщикамъ—все это наглядно подтверждало бы передъ ними необходимость завоеванія такихъ политическихъ учрежденій, которыя гарантировали бы имъ возможность коллективной борьбы (на законной почвѣ) противъ произвола и эксплуатаціи хозяевъ“.

„Разумѣется, внимательное отношеніе къ быту рабочихъ и тѣсная связь съ ихъ интеллигентными предста-

вителями откроютъ нашей революціонной интеллигенціи *множество другихъ поводовъ, помимо* стачекъ, къ агитаціи... въ рабочей средѣ во имя политическихъ требованій— рядомъ, конечно, съ экономическими, вродѣ сокращенія рабочаго дня, запрещенія дѣтскаго труда и взиманія штрафовъ и т. д."

Таковы пути и средства и „матеріальныя силы", которыя мы противопоставляли чисто заговорщическимъ методамъ политической борьбы. Сопоставьте только что цитированныя мѣста изъ моего гектографированнаго 12 лѣтъ (а теперь уже 20 лѣтъ) тому назадъ письма съ приведенной на стр. 104 цитатой изъ брошюры о „Задачахъ русскихъ соціальдемократовъ"—и вамъ невольно бросится въ глаза не только сходство, но, можно сказать, тождество воззрѣній, „излагавшихся много разъ... въ заграничныхъ соціальдемократическихъ брошюрахъ и книгахъ" по вопросу „о матеріальной силѣ" и путяхъ политической борьбы, съ воззрѣніями автора этой брошюры по тому же вопросу. И приблизительно въ такой же мѣрѣ сходилось въ прошломъ (1898) году нѣсколько изъ нашихъ товарищей съ народовольцами въ упрекѣ по нашему адресу относительно незнанія путей для борьбы съ самодержавіемъ. Разница между ними въ данномъ случаѣ только въ мотивахъ и заключеніи, выводимомъ отсюда. Народовольцы видѣли въ этомъ аргументъ противъ цѣлесообразности затраты революціонныхъ силъ на созданіе самостоятельнаго рабочаго движенія, наши же товарищи—противники—ссылались на наше мнимое „умолчаніе", какъ на одно изъ доказательствъ несвоевременности политической агитаціи среди рабочихъ. „Группа „Освобожденіе Труда" требуетъ прямой борьбы (т. е. физическихъ актовъ?) съ правительствомъ, не взвѣсивъ, гдѣ матеріальная сила для этой борьбы, не указавъ, гдѣ пути для нея"—говоритъ авторъ манускрипта „Отвѣтъ П. Аксельроду" и приходитъ къ тому заключенію, что программа наша, написанная Плехановымъ около 15 лѣтъ тому назадъ, „теперь, въ 1898 году, столь же мало соотвѣтствуетъ русской дѣйствительности и задачамъ русскаго движенія, какъ и въ 1885 и 1896 гг." А такъ какъ „Манифестъ Россійской Соціальдемократической Партіи" и брошюра „Задачи Русскихъ Соціальдемократовъ" проникнуты духомъ и тенденціями программы группы „Освобожденіе

Труда"*), то и эти, такъ сказать, коренные, туземные продукты нашего движенія встрѣтили частью холодный, а частью даже непріязненный пріемъ со стороны товарищей, раздѣляющихъ взгляды, изложенные въ манускриптѣ, изъ котораго взяты вышеприведенныя строки.

Чтобы не быть голословнымъ, укажу на тотъ фактъ, что на съѣздѣ нашего Союза, состоявшемся осенью прошлаго (1898) года, отвергнуто было предложеніе Кольцова относительно внесенія въ уставъ заявленія о солидарности нашей организаціи съ манифестомъ по вопросу о политической борьбѣ. Въ виду оппозиціи, поднявшейся противъ этого предложенія, я со своей стороны внесъ его въ такой редакціи: „Составляя часть Россійской Соціальдемократической Партіи, Союзъ раздѣляетъ взгляды ея на ближайшія задачи русскаго рабочаго движенія, какъ они высказаны въ Манифестѣ". Но съѣздъ не захотѣлъ и въ такой формѣ признать себя солидарнымъ съ принципіально-программнымъ заявленіемъ конгресса партіи, въ составъ которой входитъ нашъ Союзъ.

Большинство съѣзда, высказавшееся противъ заявленія о солидарности съ Манифестомъ Партіи, принадлежало къ кругу „болѣе молодыхъ товарищей, сравнительно недавно (или совсѣмъ недавно) попавшихъ заграницу". Почти всѣ они на родинѣ состояли активными членами нашихъ главнѣйшихъ рабочихъ организацій. И они то утверждали, что „въ Россіи ближайшая задача *не есть* завоеваніе политической свободы и что такого мнѣнія придерживаются тамъ очень многіе товарищи". Этимъ именно они мотивировали свое несогласіе съ предложеніемъ о заявленіи солидарности съ Манифестомъ. № 4 „Рабочей Мысли", полученный заграницей вскорѣ послѣ нашего съѣзда, наглядно подтвердилъ справедливость того, что говорили наши болѣе молодые товарищи о настроеніи умовъ въ соціальдемократическихъ кругахъ въ Россіи.

Наконецъ, и изъ Россіи до насъ начали доходить прямые протесты противъ теченія, стремящагося возвести въ догматъ „односторонности", которыя „на первыхъ порахъ въ тактикѣ неизбѣжны", и этимъ искуственно за-

*) Если авторы названныхъ произведеній не читали ея, то это еще больше доказываетъ ея соотвѣтствіе русской дѣйствительности и задачамъ русскаго движенія.

держать развитіе нашего движенія на неопредѣленное время на ступени дѣтства. Товарищи, состоявшіе членами центральнаго комитета петербургскаго „Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса", вмѣстѣ съ горячими заявленіями солидарности съ группой „Освобожденіе Труда", посылали намъ заявленіе о необходимости литературно выступить противъ этого теченія.

Мы бы однако не заговорили, послѣ выхода въ свѣтъ „Рабочаго Дѣла", о взглядахъ и тенденціяхъ бывшей оппозиціи, если бы въ первой же книжкѣ этого изданія не появилась статья,—безъ примѣчаній редакціи,—въ которой утверждается, что воззрѣнія, излагаемыя въ брошюрѣ о Задачахъ нашей партіи, безраздѣльно господствуютъ въ ней съ того времени, какъ она вступила на путь массовой агитаціи. Взгляды, въ очень существенныхъ пунктахъ расходящіеся съ этими воззрѣніями, вѣрнѣе, прямо противоположные имъ, приведены такимъ образомъ къ одному знаменателю и даже прямо отождествлены съ ними. Такое смѣшеніе столь разнородныхъ точекъ зрѣнія не можетъ не затемнять истиннаго смысла программы, отстаиваемой авторомъ брошюры, и не служитъ помѣхой возможно болѣе быстрому усвоенію ея всѣми кружками и лицами, группирующимися подъ флагомъ соціальдемократіи.

Съ точки зрѣнія автора брошюры, какъ и старыхъ членовъ нашего союза, задачи и рамки нашего движенія опредѣляются прежде всего общими національными и міровыми условіями, при которыхъ русскому пролетаріату приходится начать свое историческое поприще. Для него, какъ и для насъ, программа русскихъ соціальдемократовъ должна *обобщить* потребности и интересы нашего рабочаго класса, объективно вытекающіе изъ этихъ условій. Отсюда первостепенная роль, отводимая нами въ ней борьбѣ съ самодержавіемъ и дѣятельности на пользу организаціи самостоятельнаго *политическаго* движенія среди рабочихъ. Конечно, такая программа не можетъ быть въ годъ или даже нѣсколько лѣтъ цѣликомъ усвоена сотнями тысячъ неразвитыхъ, полуграмотныхъ рабочихъ. Но главное назначеніе ея, какъ и соціальдемократическихъ программъ во всѣхъ другихъ странахъ,—служить знаменемъ и путеводной звѣздой для болѣе сознательныхъ, для передовыхъ слоевъ пролетаріата въ ихъ усиліяхъ поднять отсталыя рабочія массы до сознанія своихъ *обще-*

классовыхъ интересовъ и до пониманія основныхъ условій своего освобожденія. Въ какомъ объемѣ, какихъ формахъ и какими пріемами программа партіи можетъ быть примѣняема на практикѣ въ каждый данный моментъ, въ данномъ мѣстѣ, въ средѣ той или другой группы рабочихъ, это—вопросъ, рѣшеніе котораго зависитъ отъ множества конкретныхъ обстоятельствъ времени и мѣста, среди которыхъ первостепенное, но отнюдь не исключительное, значеніе имѣетъ, конечно, и наличный уровень умственнаго и культурнаго развитія народной массы, къ которой обращается агитаторъ. Программа же и общія основанія тактики русскихъ соціальдемократовъ должны быть построены не на сегодняшнихъ, субъективныхъ, т. е. уже ясно сознанныхъ потребностяхъ или стремленіяхъ рабочихъ массъ, не на минутныхъ, мѣстныхъ или профессіональныхъ интересахъ отдѣльныхъ составныхъ элементовъ нашего пролетаріата, а на объективныхъ условіяхъ и потребностяхъ *эпохи*, переживаемой современной Россіей, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія его интересовъ, какъ класса.

Представители же чисто „экономическаго“ теченія исходили изъ противоположнаго воззрѣнія на роль соціальдемократовъ и на ходъ рабочаго движенія. Они принципіально отрицали за передовыми, революціонными идеологами нашего пролетаріата право выступленія съ программой и тактикой, построенными на только что намѣченныхъ основаніяхъ. Такой образъ дѣйствія казался имъ попыткой „насиловать естественный ходъ развитія рабочаго движенія“. „Естественнымъ“ же они считали послѣднее лишь въ томъ случаѣ, когда задачи, пути и формы его являются „самопроизвольнымъ“ продуктомъ взаимнаго антагонизма рабочихъ и предпринимателей, т. е. когда онѣ всецѣло вырабатываются стихійнымъ образомъ — независимо отъ сознательнаго принципіальнаго воздѣйствія „революціонной бациллы—интеллигенціи“ на этотъ элементарно-развивающійся процессъ. Растущій антагонизмъ между рабочими и ихъ эксплуататорами съ элементарной силой развиваетъ сознаніе рабочихъ массъ и расширяетъ кругъ ихъ интересовъ. Стараться же вносить въ ихъ освободительное движеніе цѣли, лозунги и методы, созданные не „самопроизвольнымъ“ ростомъ ихъ сознанія, хотя бы и соотвѣтствующіе объективному положенію вещей, значитъ толкнуть эти массы на борьбу за

нами, а не за ихъ интересы. Цѣли, задачи, лозунги, выходящіе за сферу потребностей и интересовъ, *непосредственно ощущаемыхъ* и сознаваемыхъ огромнымъ большинствомъ нашего рабочаго класса, не имѣютъ, слѣдовательно, права занимать мѣсто въ программѣ русскихъ соціальдемократовъ. Если же мы позволимъ себѣ навязать нашему рабочему движенію программу съ такими задачами и цѣлями, то намъ будутъ грозить „возмущенія рабочихъ противъ ига интеллигентовъ“ и выступленіе „Рабочей Мысли“ въ защиту своей самостоятельности.

Роль соціальдемократовъ сводится, такимъ образомъ, съ одной стороны къ слѣженію за элементарнымъ, стихійнымъ процессомъ роста потребностей и интересовъ въ рабочихъ массахъ, а съ другой—къ агитаціи среди нихъ во имя злобъ дня, возникающихъ у нихъ на почвѣ этихъ *уже* „самопроизвольно“ сознанныхъ ими интересовъ. *Фактическое* „содержаніе сознанія“ наиболѣе отсталыхъ массъ является или должно являться предѣломъ для нашей дѣятельности. Изъ всѣхъ историческихъ и общественныхъ условій нашего рабочаго движенія только оно, это сознаніе, имѣетъ законную привиллегію играть роль фактора, опредѣляющаго задачи и тактику русской соціальдемократіи, содержаніе, рамки и направленіе нашей практики. А такъ какъ сознанію огромнаго, подавляющаго большинства нашего пролетаріата еще совершенно чужды политическіе интересы *), то ясно, что „въ программѣ русскихъ соціальдемократовъ, соотвѣтствующей дѣйствительности, не можетъ быть мѣста прямой политической борьбѣ“. Но по той же причинѣ у насъ нѣтъ еще почвы для какой бы то ни было общепартійной соціальдемократической программы. Вѣдь такая программа должна выражать общіе интересы всего нашего пролетаріата, какъ цѣлаго класса; въ ней должны быть *обобщены* частныя, разрозненныя потребности, стремленія и интересы отдѣльныхъ группъ и слоевъ его въ задачи и требованія, обусловливаемыя общимъ строемъ русской жизни и положеніемъ рабочаго класса. Но взаимный антагонизмъ рабочихъ и предпринимателей не довелъ еще сознанія русскихъ рабочихъ (въ массѣ) до такого обобщенія ихъ ин-

*) Прошу помнить, что это относится къ 90-мъ годамъ прошлаго вѣка.

тересовъ; ихъ умственный горизонтъ не простирается дальше сознанія „потребностей, *непосредственно* ощущаемыхъ“ ими, и протестующая мысль ихъ вращается пока исключительно въ тѣсной сферѣ непрерывно и *непосредственно* испытываемаго ими гнета работодателей. Внутри этой сферы и обязаны держаться русскіе соціальдемократы, и вся ихъ программа дѣйствія должна исчерпываться однимъ пунктомъ: мы должны сосредоточить всѣ свои силы на агитаціи исключительно въ пользу примитивныхъ, частныхъ требованій отдѣльныхъ рабочихъ группъ, требованій, столь же разнообразныхъ, какъ и многочисленныя формы и проявленія гнета, непосредственно вызывающаго ихъ.

Читатели, осмысленно слѣдящіе за русской соціальдемократической печатью, и безъ меня знаютъ, что авторъ брошюры о Задачахъ нашей партіи, -вмѣстѣ съ членами группы „Освобожденіе Труда“,—придаетъ агитаціи на почвѣ этихъ требованій первостепенное, центральное и основное значеніе въ нашемъ движеніи. Но для него, какъ и для членовъ Союза, съ самаго основанія его раздѣлявшихъ точку зрѣнія Группы, агитація эта является исходнымъ пунктомъ и базисомъ для *расширенія наличнаго, фактическаго* „содержанія сознанія рабочихъ“, для *развитія* въ нихъ сознанія *новыхъ*, хотя и чуждыхъ еще ему интересовъ, тѣмъ не менѣе столь же реальныхъ, какъ и тѣ, „которыя уже сознаны“ ими. Однимъ словомъ, мы смотримъ на агитацію во имя повседневныхъ нуждъ и мелкихъ требованій рабочихъ, какъ на рычагъ, непрерывно поддерживающій рабочія массы въ поступательномъ движеніи по пути къ осуществленію тѣхъ задачъ и тѣхъ общественно-политическихъ измѣненій, которыя логически вытекаютъ изъ основныхъ принциповъ соціальдемократіи и фактически требуются общеклассовыми интересами пролетаріата въ современной Россіи. Именно поэтому мы и считаемъ необходимой для русскихъ соціальдемократовъ общепризнанную и общеобязательную программу. Ея назначеніе — указывать направленіе, въ какомъ пропагандисты и агитаторы должны стараться вліять на мысль и волю рабочихъ массъ, опираясь на „непосредственно ощущаемыя“ ими потребности. Съ точки зрѣнія же нашихъ оппонентовъ такое воздѣйствіе на естественный ходъ рабочаго движе-

нія“ со стороны „революціонной бациллы“ не только излишне, но и прямо недопустимо, какъ внѣшнее давленіе на „рабочую мысль“. До тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя „самопроизвольно, безъ помощи революціонной бациллы“ не обобщитъ полусознательныхъ освободительныхъ стремленій и мелкихъ протестовъ рабочихъ массъ въ сознательныя программныя задачи и требованія всего пролетаріата, стремленія эти должны оставаться необъединенными и необобщенными, и наше рабочее движеніе должно оставаться безъ общей программы.

Но разъ для него такая программа преждевременна, то и объ общей соціальдемократической тактикѣ у насъ и рѣчи быть не можетъ. А безъ общепартійной программы и тактики и сама партія лишается всякаго реальнаго смысла и значенія. Если партійная программа, основанная на принципахъ научнаго соціализма и историческомъ положеніи нашего пролетаріата, въ современной Россіи можетъ играть только роль „бумажнаго меча“, если тактика, направленная на примѣненіе такой программы въ практикѣ и на развитіе политическаго самосознанія и самодѣятельности въ русскомъ рабочемъ классѣ, ни къ чему, кромѣ безплоднаго насилія надъ рабочей мыслью, вести не можетъ, то ясно, что и для самой соціальдемократіи нѣтъ еще почвы въ нашемъ отечествѣ, и что она не имѣетъ, слѣдовательно, права гражданства у насъ. Когда я весною прошлаго года высказалъ это одному изъ представителей бывшей оппозиціи, то онъ безусловно согласился со мною. И тотъ же товарищъ безъ обиняковъ заявилъ мнѣ, что политическая борьба есть дѣло „образованнаго либеральнаго общества“, къ которому могутъ пристать и политически сознательныя единицы изъ рабочихъ.

Такимъ образомъ точка зрѣнія, „требующая спеціализаціи русскихъ соціальдемократовъ на экономическихъ вопросахъ“, съ логической необходимостью приводитъ къ позиціи, занимаемой нашими противниками въ демократической интеллигенціи, признающими законность, пожалуй, и необходимость рабочаго движенія въ Россіи, готовыми даже признать своимъ святымъ долгомъ всячески способствовать его росту, но только подъ однимъ условіемъ: чтобы оно не принимало характера и формы самостоятельнаго политическаго движенія пролетаріата,

чтобы оно оставалось „чистымъ рабочимъ движеніемъ“ и однимъ словомъ не стало бы всецѣло и окончательно соціальдемократическимъ.

Разумѣется, далеко не всѣ товарищи, выступившіе противниками программно-тактическихъ воззрѣній группы „Освобожденіе Труда“, рѣшились бы признать правильнымъ этотъ выводъ изъ ихъ общихъ взглядовъ. Безъ сомнѣнія, субъективно, по своимъ намѣреніямъ и цѣлямъ, всѣ они или почти всѣ очень далеки были отъ такой измѣны знамени соціальдемократіи и классовымъ интересамъ русскаго пролетаріата. Но идеи и понятія имѣютъ свою логику, независимую отъ намѣреній первыхъ пропагандистовъ этихъ идей и понятій. Объективная же логика точки зрѣнія, требующей „спеціализаціи“ русскихъ соціальдемократовъ на „экономической“ агитаціи, экономической въ самомъ узкомъ и примитивномъ смыслѣ слова, несовмѣстима съ признаніемъ за соціальдемократіей права на существованіе въ Россіи. Полное торжество этой точки зрѣнія въ нашемъ движеніи было бы равносильно самоуничтоженію русской соціальдемократіи. Вотъ почему рѣшительно непонятно, какимъ образомъ авторъ рецензіи на брошюру „Задачи русскихъ соціальдемократовъ“ можетъ заявлять свою полную солидарность съ воззрѣніями, излагаемыми въ этой брошюрѣ, и въ то же время недоумѣвать по поводу моихъ замѣчаній въ предисловіи къ ней относительно возрѣній на нашу практику, пропагандировавшихся „молодыми товарищами, сравнительно недавно попавшими заграницу“. Тѣ, кто вполнѣ сознательно стоятъ на почвѣ теоретическихъ и практическихъ взглядовъ автора брошюры, обязаны всѣми силами бороться съ теченіемъ, по своимъ основнымъ тенденціямъ враждебнымъ самому существованію русской соціальдемократіи. Борьба съ нимъ тѣмъ болѣе обязательна, что оно выступаетъ, или по крайней мѣрѣ выступило, формально подъ нашимъ собственнымъ флагомъ.

П. Аксельродъ.

Августъ 1899 года.

Приложеніе II.

Объявленіе о возобновленіи изданій группы „Освобожденіе Труда“ *).

Подъ вліяніемъ всепоглощающей практической дѣятельности въ сферѣ пропаганды и агитаціи среди рабочихъ и сильнаго запроса на популярныя изданія для рабочей массы, въ связи съ попытками отстаиванія такъ называемаго „экономическаго“ матеріализма въ легальной печати, интересъ къ революціонной литературѣ, посвященной научно-публицистической обработкѣ на русскомъ языкѣ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ соціальдемократіи, до крайности ослабѣлъ въ послѣдніе годы среди активныхъ элементовъ нашего движенія. Явленіе это имѣетъ достаточное оправданіе въ тѣхъ обстоятельствахъ, на которыя мы только что намекнули. Но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могло не отразиться вреднымъ образомъ на идейномъ развитіи нашего движенія. Въ Россіи, менѣе чѣмъ гдѣ нибудь на Западѣ, равнодушіе къ своимъ теоретическимъ интересамъ можетъ безнаказанно проходить для соціальдемократіи. Исключительность положенія русской соціальдемократіи и чрезвычайная сложность задачъ, навязываемыхъ ей этимъ положеніемъ, требуетъ отъ нея неустанной самокритики и зоркаго вниманія къ теоретической сторонѣ революціоннаго движенія пролетаріата.

Она пріобрѣла господствующее положеніе на аренѣ революціоннаго движенія въ Россіи. Но въ то же время на периферіи и даже внутри ея образовалось теченіе, прямо противоположное духу ученій соціальдемократіи, теченіе, представляющее собою серьезную опасность для ея дальнѣйшаго развитія. Теоретически наиболѣе сознательные изъ активныхъ представителей и основателей ея въ Россіи считаютъ „себя обязанными“ „предостеречь всѣхъ товарищей отъ грозящаго совращенія русской соціальдемократіи съ намѣченнаго уже ею пути, именно: образованія самостоятельной политической рабочей партіи, неотдѣлимой отъ классовой борьбы пролетаріата и ставящей своей ближайшей задачей завоеваніе политической свободы“. Не полагаясь на „естественный ходъ вещей“, какъ его понимаютъ

*) Появилось въ печати въ концѣ 1899 или въ началѣ 9001 г.

вульгарные противники и, увы! не менѣе вульгарные сторонники марксизма, товарищи, написавшіе вышеприведенныя строки, заявляютъ, что „русскіе соціальдемократы должны объявить рѣшительную войну всему кругу идей", на которыя опирается такъ называемое „чисто экономическое теченіе" въ нашемъ движеніи.

Члены группы „Освобожденіе Труда" считаютъ себя обязанными пойти навстрѣчу этому призыву компетентныхъ товарищей къ рѣшительной войнѣ противъ циркулирующихъ у насъ подъ нашимъ собственнымъ флагомъ идей и понятій, принципіально враждебныхъ соціальдемократіи. Первоначальнымъ источникомъ этихъ идей и понятій послужило слишкомъ буквальное, догматическое и прямо вульгарное толкованіе ученій научнаго соціализма о классовой борьбѣ и о роли экономическихъ отношеній, какъ историческаго двигателя. На почвѣ такого пониманія этихъ ученій расплодились и выросли тѣ искаженія и извращенія марксизма, которыя, въ своей совокупности, придаютъ ему безобразно отталкивающій видъ, какъ двѣ капли воды похожій на карикатуру, рисуемую съ него народниками.

Весьма характерно отношеніе представителей экономическаго направленія къ революціонному движенію 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Они относятся къ нему гораздо болѣе отрицательно, чѣмъ кто-нибудь изъ практическихъ и теоретическихъ основателей русской соціальдемократіи. Но отрицаніе ихъ направлено больше всего какъ разъ противъ революціонной части программы прежнихъ революціонныхъ фракцій, противъ тѣхъ ихъ практическихъ задачъ и стремленій, которыя образуютъ идейную связь между ними и нашимъ движеніемъ, и благодаря которымъ она является историческимъ преемникомъ этихъ фракцій. Зато тѣ ихъ воззрѣнія, которыя отличаются болѣе или менѣе реакціоннымъ характеромъ, воскресли къ новой жизни подъ соціальдемократической этикеткой въ умахъ сторонниковъ „чисто рабочаго движенія".

Въ результатѣ всего этого получается то, что внутри русской соціальдемократіи, подъ ея знаменемъ, растетъ и распространяется „кругъ идей", несовмѣстимыхъ съ рѣшеніемъ вопроса о средствахъ или выработкѣ тактики, соотвѣтствующей тѣмъ ближайшимъ революціоннымъ задачамъ, которыми главнымъ образомъ обусловливается

ея право на существованіе на современной ступени развитія Россіи. Точка зрѣнія группы или группъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не допускаетъ не только выработки вполнѣ соціальдемократической тактики, но и даже теоретической, *принципіальной постановки вопроса* о политической роли и задачахъ нашего движенія.

До тѣхъ поръ, пока теченіе это въ идейномъ отношеніи питалось теоретическими недоразумѣніями, выросшими на почвѣ упрощеннаго пониманія марксизма, оно не представляло собою серьезной опасности и его дозволительно было разсматривать, какъ эфемерное болѣзненное явленіе дѣтскаго періода русской соціальдемократіи, которое само собою исчезнетъ вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ ростомъ ея. Но представители узкаго и грубаго экономизма въ нашемъ движеніи ищутъ себѣ теоретической поддержки на Западѣ въ воззрѣніяхъ тѣхъ „критиковъ“ марксизма, знаменоносцемъ и глашатаемъ которыхъ выступилъ Бернштейнъ, и которые, подъ видомъ „пересмотра научныхъ основъ соціализма, программы и тактики рабочаго движенія“, стремятся разрушить эти основы и превратить соціальдемократію изъ революціонной классовой организаціи пролетаріата въ партію полубуржуазную, либерально-демократическую, съ блѣдно-розовымъ соціалистическимъ оттѣнкомъ.

Первоначальныя воззрѣнія представителей антиполитическаго направленія въ нашемъ движеніи въ очень существенныхъ пунктахъ прямо противоположны были воззрѣніямъ бернштейніанцевъ. Но нашлись мудрецы, которые ухитрились образовать изъ тѣхъ и другихъ своеобразную идейную смѣсь и сдѣлать изъ нея теоретическую основу для принципіальной борьбы противъ стремленій, направленныхъ къ организаціи самостоятельнаго политическаго движенія среди русскихъ рабочихъ. Вражда къ этимъ стремленіямъ мотивируется уже не временными тактическими или просто примитивными педагогическими соображеніями, а принципіальными, въ силу которыхъ сама идея организаціи самостоятельной рабочей политической партіи является ничѣмъ инымъ, какъ зловредной утопіей, „продуктомъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву“. Программа, рекомендуемая намъ русскими бернштейніанцами, сводится вотъ къ чему: „участіе, т. е. помощь экономической борьбѣ пролетаріата и участіе въ либерально-оппозиціонной дѣятель-

ности". Другими словами: поскольку соціальдемократы преслѣдуютъ и хотятъ преслѣдовать общественныя задачи, непосредственно выходящія за сферу частныхъ столкновеній отдѣльныхъ группъ рабочихъ съ ихъ прямыми эксплуататорами, постольку они должны слиться съ той политически безформенной и безцвѣтной массой, которая называется либеральнымъ и полулиберальнымъ „обществомъ" и которая лишена не только революціоннаго, но и сколько нибудь серьезнаго либерально-оппозиціоннаго духа. Русская соціальдемократія должна, такимъ образомъ, отказаться отъ всякихъ революціонныхъ помысловъ и дѣйствій и завершить свое кратковременное существованіе такимъ же образомъ, какъ и народничество, именно: превратиться въ партію мирныхъ культуртрегеровъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ порахъ „либеральнаго общества". Но народничество можетъ указать на славныя традиціи своего революціоннаго прошлаго, оно не даромъ появилось на исторической сценѣ, какъ противникъ скромнаго, умѣреннаго, трезваго, словомъ обывательскаго либерализма. Русская же соціальдемократія, всего только безъ года недѣлю выступившая какъ практически активная боевая сила на историческое поприще, произнесла бы смертный приговоръ и надъ своимъ кратковременнымъ прошлымъ и надъ своимъ будущимъ, если бы она по совѣту своихъ мнимыхъ друзей отказалась отъ преслѣдованія революціонныхъ задачъ революціонными методами. Ради жалкой роли, которую предлагаютъ ей эти „друзья", не стоило ей являться на свѣтъ божій, а усилія, потраченныя на то, чтобы доставить ей преобладаніе надъ остатками старыхъ революціонныхъ фракцій, не только лишились бы всякаго реальнаго смысла, но и заслужили бы квалификацію преступленій въ историческомъ смыслѣ.

Но антиреволюціонная соціальдемократія также немыслима, какъ мокрый огонь или сухая вода. Поэтому „кругъ идей", въ которыхъ наши товарищи въ Россіи видятъ опасность „совращенія русской соціальдемократіи съ намѣченнаго ею пути", направленъ противъ самого ея существованія; пріобрѣтеніе ими господства среди русскихъ соціальдемократовъ означало бы смерть нашего движенія. И потому-то мы находимъ вполнѣ основательными опасенія этихъ товарищей и считаемъ себя обязан-

ними, рука объ руку съ ними, выступить противъ возэрѣній, пропагандируемыхъ русскими бернштейніанцами. Борьба съ ними, это—борьба за существованіе соціальдемократіи въ современной Россіи.

Изъ вышесказаннаго само собою ясно, какія задачи и цѣли ставитъ себѣ группа „Освобожденіе Труда", возобновляя свою литературную дѣятельность.

Когда мы въ началѣ 80-хъ годовъ подняли знамя соціальдемократіи въ русской заграничной печати, задачи наши заранѣе опредѣлились тѣмъ обстоятельствомъ, что соціальдемократическаго движенія въ Россіи въ то время еще не было, что для возникновенія его необходимо было прежде всего теоретически проложить ему путь, и что главнымъ идейнымъ препятствіемъ или камнемъ преткновенія для этого являлись иллюзіи радикальной интеллигенціи на счетъ направленія и перспективы нашего экономическаго развитія и отрицательнаго отношенія той же интеллигенціи къ соціально-экономическому и революціонному значенію нарождающагося русскаго пролетаріата. Отсюда—видная, если угодно, первостепенная роль полемики съ народниками всѣхъ оттѣнковъ въ публицистическихъ изданіяхъ группы. Недостаточно было излагать только и популяризировать основныя положенія соціальдемократіи. Недостаточно было также выяснять и доказывать примѣнимость ихъ на русской почвѣ, путемъ анализа хода экономической жизни Россіи. Необходимо было сверхъ того вести чуть не ежедневную борьбу съ господствовавшими у насъ въ 80-хъ годахъ демократическими фракціями за право гражданства рабочаго движенія и соціальдемократіи въ русской дѣйствительности. Теперь же, послѣ того какъ борьба эта закончилась побѣдой соціальдемократическаго знамени, когда рабочее и соціальдемократическое движеніе стало реальнымъ факторомъ русской жизни, существованіе котораго никѣмъ изъ здравомыслящихъ людей не отрицается, полемика съ народниками потеряла уже свое прежнее революціонное значеніе и не можетъ уже занимать такое видное мѣсто въ соціальдемократической печати, какъ въ теченіе перваго десятилѣтія послѣ основанія группы „Освобожденіе Труда".

Въ настоящее время для соціальдемократической прессы на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ интересахъ и задачахъ, вообще о *дальнѣйшемъ развитіи* движенія соціаль-

демократическаго, которое уже существуетъ, по существованію котораго грозитъ опасность извнутри, со стороны отдѣльныхъ лицъ и группъ, формально или по названію примыкающихъ къ нему. Съ этой точки зрѣнія, одной изъ важнѣйшихъ задачъ нашей литературы является безпощадная критика бернштейніанскихъ и другихъ антиреволюціонныхъ тенденцій, нашедшихъ себѣ пріютъ въ лагерѣ соціальдемократовъ. Съ той же точки зрѣнія мы полагаемъ, что въ настоящій моментъ соціальдемократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать тѣ стороны и тѣ практическія стремленія, которыя общи нашему движенію съ революціоннымъ народничествомъ. Тѣмъ же соображеніемъ мы будемъ руководствоваться и въ оцѣнкѣ всѣхъ важнѣйшихъ явленій русской дѣйствительности. Въ прошломъ десятилѣтіи, а отчасти еще въ началѣ 90-хъ годовъ въ нашей печати необходимо было посвящать много мѣста доказательству того, что капитализмъ въ Россіи пустилъ глубокіе корни и что параллельно съ его развитіемъ растетъ у насъ и классъ пролетаріевъ. Теперь доказывать это было бы съ нашей стороны довольно плоскимъ анахронизмомъ, такъ какъ чуть не поголовно вся наша радикальная интеллигенція не только признаетъ, что экономическая дѣйствительность вполнѣ обезпечиваетъ жизнеспособность русскому рабочему движенію, но и не сомнѣвается въ томъ, что она споконъ вѣковъ не сомнѣвалась въ этомъ. Повторяемъ: главное теоретическое препятствіе для дальнѣйшаго развитія нашего рабочаго движенія на основахъ соціальдемократіи лежитъ теперь въ нѣдрахъ ея самой, въ антисоціальдемократическихъ взглядахъ, распространяемыхъ подъ ея флагомъ. Съ этимъ печальнымъ фактомъ русской соціальдемократической прессѣ необходимо въ настоящее время спеціально считаться, а потому передъ нею и выдвигается совершенно новая задача, не существовавшая для группы „Освобожденіе Труда“ въ первый періодъ ея дѣятельности. Задача эта — непримиримая теоретическая борьба съ антиреволюціонными элементами въ нашей партіи и выясненіе тактическихъ задачъ, подсказываемыхъ ей какъ ея конечной цѣлью, такъ и соціально-политическими особенностями данной минуты.

Намъ хочется вѣрить, что наша дѣятельность будетъ хотя отчасти содѣйствовать рѣшенію этой новой, чрезвычайно важной задачи.

Приложеніе III.

Объявленіе объ изданіи журнала „Заря“*)

Выпуская въ свѣтъ первую книжку „Зари“, мы считаемъ нужнымъ указать на полную нашу солидарность съ редакціей газеты „Искра“ по всѣмъ вопросамъ теоріи и практики революціонной соціальдемократіи. Оба изданія ставятъ себѣ цѣлью помогать и дополнять другъ друга въ преслѣдованіи задачи, которую можно формулировать словами: способствовать упроченію и расширенію завоеваній соціальдемократіи на русской почвѣ.

Вмѣстѣ съ товарищами, редактирующими названную газету, мы понимаемъ русскую соціальдемократію, какъ партію, на которой лежитъ миссія вызвать въ нашемъ пролетаріатѣ, во имя его общеклассовыхъ интересовъ, самостоятельное революціонное движеніе противъ абсолютизма. Въ сознательномъ и систематическомъ выполненіи этой миссіи мы видимъ главный залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ рабочаго движенія въ современной Россіи.

Борьба организованныхъ въ самостоятельную революціонную силу рабочихъ противъ самодержавія разсматривается нами, какъ подготовительный фазисъ для будущей великой борьбы ихъ со всей буржуазіей за политиче-

---

*) № 1 этого обозрѣнія появился въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1901 г. Оно выходило подъ редакціей той же группы лицъ, какъ и „Искра“, но—въ противоположность послѣдней—издавалось совершенно легально въ Штутгартѣ. Въ объявленіи объ изданіи „Зари“ пришлось поэтому умолчать о фактическомъ отношеніи ея къ „Искрѣ“, а потому я ограничился для указанія тѣсной близости между этими органами ссылками на объявленіе объ изданіи „Искры“ и подчеркиваніемъ совпаденія теоретическихъ взглядовъ и практическихъ цѣлей и стремленій названныхъ изданій. Но и эти намеки на близость „легальной“ „Зари“ къ нелегальной „Искрѣ“ оказались въ полицейскомъ отношеніи настолько зловредными, что юридически-отвѣтственный издатель нашелъ невозможнымъ выпустить въ свѣтъ уже набранное и окончательно прокорректированное „объявленіе“, которое впервые появляется въ печати здѣсь. Замѣчу мимоходомъ, что оно написано было въ самомъ началѣ 1901 г. до весеннихъ событій этого года, открывшихъ собою новый революціонный періодъ,—первая же книжка „Зари“ вышла въ свѣтъ уже въ разгарѣ этихъ событій. Для этого момента „объявленіе“ по своему тону и характеру уже не совсѣмъ подходило.

ское господство. Мы признаемъ за руководящую основу соціальдемократической практики органическое сочетаніе и взаимное проникновеніе ближайшихъ и конечныхъ цѣлей рабочаго движенія, задачъ, обусловливаемыхъ положеніемъ пролетаріата въ данный моментъ, и стремленій, направленныхъ къ полному его освобожденію отъ подчиненія капиталу. Принимая то, что сказано Марксомъ и Энгельсомъ о тактикѣ коммунистовъ ихъ фракціи въ концѣ 40-хъ годовъ, къ русскимъ соціальдемократамъ, мы считаемъ, что, борясь „во имя ближайшихъ цѣлей рабочаго класса", они въ тоже время обязаны отстаивать и „будущность движенія", т. е. подготовлять этотъ классъ къ завоеванію политической власти для совершенія экономической экспропріаціи буржуазіи въ интересахъ всего общества. Организація въ русскомъ пролетаріатѣ самостоятельнаго революціоннаго движенія для завоеванія правъ человѣка и гражданина и является такимъ органическимъ сочетаніемъ интересовъ дня съ основными освободительными интересами нашего рабочаго класса.

Практика нашего движенія однако, какъ извѣстно, еще далека отъ этой точки зрѣнія. Въ противоположность знаменитымъ авторамъ манифеста коммунистической партіи большинство русскихъ соціальдемократовъ приноситъ въ жертву общіе интересы движенія въ его цѣломъ интересамъ мѣстнымъ и кружковымъ. А представители такъ называемаго экономическаго направленія возвели даже въ систему, чуть не въ доктрину, игнорированіе общихъ политическихъ интересовъ вплоть до того времени, когда наиболѣе отсталыя рабочія массы стихійной борьбой съ предпринимателями не будутъ приведены къ сознанію этихъ интересовъ. Въ настоящее же время, когда интересы и потребности, непосредственно сознаваемыя и ощущаемыя этими массами, очень еще элементарны и примитивны, о политической агитаціи среди нихъ и думать не слѣдуетъ. Практика соціальдемократовъ не должна выходить изъ ограниченной сферы агитаціи на почвѣ экономическихъ столкновеній рабочихъ съ ихъ предпринимателями—вотъ альфа и омега программы и тактики нашихъ „экономистовъ".

Въ дѣйствительности идеалъ ихъ не осуществленъ во всей своей полнотѣ, но и того, что изъ него осуществилось, достаточно было, чтобы привести наше дви-

женіе въ состояніе, характеризующееся такими чертами, какъ „раздробленность", „практицизмъ, оторванный отъ теоретическаго освѣщенія движенія въ его цѣломъ", „разбродъ и анархія" [1]). Отсутствіе объединяющихъ политическихъ задачъ и интересовъ не могло не породить такихъ результатовъ. Тамъ, гдѣ самодовлѣющіе интересы автономныхъ кружковъ съ ихъ запросами господствуютъ надъ движеніемъ, оно не можетъ не стать „раздробленнымъ", хаотичнымъ, вообще политически безформеннымъ.

Въ программномъ, тактическомъ и организаціонномъ отношеніяхъ русская соціальдемократія находится, слѣдовательно, въ полнѣйшемъ несоотвѣтствіи съ той исторической миссіей, которая лежитъ на ней и отъ выполненія которой зависитъ ея право на существованіе и жизнеспособность въ тискахъ абсолютистскаго режима. Этимъ опредѣляется центральная задача русской соціальдемократической прессы въ настоящее время, поскольку послѣдняя считаетъ своей обязанностью не только служить болѣе или менѣе пассивнымъ отраженіемъ status quo движенія, но и активно содѣйствовать освобожденію его отъ всякихъ внутреннихъ тормазовъ, мѣшающихъ его развитію и переходу въ высшій фазисъ. Наша публицистика должна теперь поставить себѣ главной цѣлью борьбу съ этими тормазами и со всѣми идейными препятствіями, стоящими на пути къ устраненію указаннаго несоотвѣтствія между фактическимъ состояніемъ нашего движенія и запросами, „предъявляемыми ему общеклассовыми интересами русскаго пролетаріата и всей совокупности жизненныхъ условій народныхъ массъ современной Россіи". Эта цѣль и является центральнымъ пунктомъ, основнымъ нервомъ изданій „Заря" и „Искра".

Отсюда прежде всего само собою ясно, что критика того круга понятій, который, являясь обобщеніемъ практики русскихъ соціальдемократовъ, со своей стороны задерживаетъ ее въ ея современной стадіи, должна занять видное мѣсто на страницахъ нашего изданія. Но эти понятія встрѣчаютъ теоретическую поддержку и идейный питательный источникъ въ такъ называемомъ бернштейніанствѣ, лозунгомъ и цѣлью котораго является принципіальный разрывъ рабочаго движенія съ марксизмомъ.

---

[1]) См. объявленіе объ изданіи „Искры".

„Въ довольно широкихъ кругахъ—читаемъ мы въ объявленіи объ изданіи „Искры"—наблюдается... увлеченіе модной критикой марксизма и бернштейніадой". И та и другая—только разныя названія одного и того же теченія, выступающаго подъ флагомъ соціальдемократіи, но направленнаго противъ нея; въ сочетаніи съ бернштеніанскими тенденціями наше „экономическое" направленіе пріобрѣтаетъ, поэтому, совсѣмъ другой характеръ и другое значеніе, чѣмъ оно имѣло первоначально: оно возникло на почвѣ тактическихъ или, точнѣе, педагогическихъ соображеній—въ интересахъ соціальдемократіи; въ идейной же атмосферѣ бернштейніанства, выбрасывающаго за бортъ „конечную цѣль", стремящагося, въ окончательномъ итогѣ, уничтожить въ умахъ рабочихъ сознаніе ихъ классоваго антагонизма съ буржуазіей и несовмѣстимости капитализма съ ихъ интересами, направленіе это становится уже прямо принципіально антисоціальдемократическимъ. „Конечную" цѣль и тенденцію послѣдовательныхъ „критиковъ" революціонныхъ ученій соціальдемократіи, окрещенныхъ ими кличкой „ортодоксальный марксизмъ", раскрыли намъ авторы извѣстнаго Credo, предлагающіе русскимъ соціальдемократамъ оставить, въ своемъ вѣдомствѣ одну лишь „экономическую агитацію", аполитическую—предоставить всецѣло либеральной оппозиціи. Другими словами: они предлагаютъ намъ собственными руками заживо похоронить наше движеніе.

Такимъ образомъ послѣдовательная критика узкаго экономизма, пріобрѣвшаго такое сильное вліяніе въ кругу русскихъ соціальдемократовъ, оказывается тѣсно связанной со всесторонней критикой теоретическихъ и практическихъ воззрѣній „критиковъ" марксизма. Теоретическая борьба противъ бернштейніанства является необходимымъ условіемъ и средствомъ для освобожденія русской соціальдемократіи отъ слишкомъ примитивныхъ и односторонних представленій объ ея задачахъ и тактикѣ, представленій, мѣшающихъ ей выйти изъ состоянія безформеннаго политическаго зародыша и сложиться въ крѣпкую партію, объединенную общей программой, тактикой и организаціей. Мы вполнѣ согласны съ редакціей „Искры", заявляющей, что для созданія такой партіи прежде всего необходимо выработать „прочное идейное объединеніе, исключающее ту разноголосицу и путаницу, которая—

будемъ откровенны! — царитъ среди русскихъ соціальдемократовъ въ настоящее время..." А необходимымъ условіемъ для достиженія такого объединенія является „открытое и всестороннее обсужденіе основныхъ принципіальныхъ и тактическихъ вопросовъ, поднятыхъ современными „экономистами", бернштейніанцами и „критиками." Только такимъ путемъ соціальдемократическая печать сможетъ оказать услугу русскому рабочему движенію.

Читатели сами видятъ теперь, на какой точкѣ зрѣнія мы стоимъ, каковы наши стремленія, цѣли, задачи. По терминологіи псевдосоціальдемократовъ, мы „ортодоксальные" марксисты. И они по своему правы. Мы, дѣйствительно, всецѣло и безусловно стоимъ на теоретической почвѣ соціальдемократіи, стремящейся къ диктатурѣ пролетаріата и съ соціалистическому преобразованію общества, какъ къ конечнымъ цѣлямъ рабочаго движенія. Именно въ пропагандѣ и отстаиваніи ученія „ортодоксальнаго" марксизма мы видимъ центръ тяжести поставленной нами себѣ задачи: способствовать упроченію и расширенію завоеваній соціальдемократіи на русской почвѣ.

Завоеванія, сдѣланныя ею, довольно значительны. Она стала главнымъ центромъ притяженія для рабочихъ и радикальной интеллигентной молодежи, оттѣснила на задній планъ всѣ старыя революціонныя теченія и пріобрѣла значеніе господствующей революціонной силы въ Россіи. И элементы для поднятія ея въ программномъ и организаціонномъ отношеніяхъ на ступень, соотвѣтствующую пріобрѣтенному ею значенію, имѣются въ большей или меньшей степени на лицо. Какъ ни часты у насъ смѣны поколѣній революціонныхъ дѣятелей, вслѣдствіе частыхъ и массовыхъ арестовъ и ссылокъ, все же въ рядахъ ея успѣлъ образоваться контингентъ людей съ конспиративнымъ опытомъ, съ задатками организаторскихъ способностей, энергичныхъ и самоотверженныхъ. Ростъ популярной литературы въ послѣдніе годы опять таки свидѣтельствуетъ въ пользу роста активности и силы движенія. При этомъ особенно важно отмѣтить, какъ отрадный симптомъ, что въ послѣднее время у насъ появляются изданія, съ неменьшей опредѣленностью и настойчивостью, чѣмъ манифестъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, указывающія на борьбу за

политическую свободу, какъ на главную задачу нашего движенія. Особенно знаменательны въ этомъ отношеніи такія литературныя явленія, какъ „Южный Рабочій“ или „Соціальдемократическая рабочая библіотека“.

Наконецъ, и въ самой жизни, въ самой практикѣ движенія имѣются въ высшей степени знаменательные факты. Самый крупный изъ нихъ—замѣчательная майская манифестація прошлаго года въ Харьковѣ—составитъ быть можетъ эпоху въ исторіи русской соціальдемократіи.

И вотъ не смотря на то, что внутри и на периферіи нашей соціальдемократіи накопилось достаточно силъ, способныхъ составить кадры и центральное ядро для политической партіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, она въ цѣломъ все еще имѣетъ очень мало общаго съ такой партіей и даже какъ будто подаетъ мало надежды скоро выйти изъ своего теперешняго примитивнаго состоянія. Идейный источникъ этого противорѣчія заключается въ крайне слабой связи съ ея первоначальной теоретической почвой и отправнымъ пунктомъ — съ марксизмомъ. Усиленіе и укрѣпленіе этой связи—такова поэтому одна изъ главныхъ задачъ — чтобы не сказать самая главная — нашего изданія. Теоретическая по своему содержанію и характеру, задача эта является въ высшей степени практической, ибо выдвигается передъ русскими марксистами жизненными, насущными интересами и непосредственно практическими потребностями русской соціальдемократіи.

Отстаивая, такимъ образомъ, самостоятельность русскаго рабочаго движенія, т. е. общеклассовые интересы нашего пролетаріата, мы проникнуты глубокимъ убѣжденіемъ, что этимъ самымъ работаемъ на пользу всей радикальной русской демократіи и всѣхъ безправныхъ народныхъ массъ и цѣлыхъ національностей, стонущихъ подъ невыносимымъ игомъ правительственнаго самовластья и полицейскаго произвола. Пролетаріатъ, какъ наиболѣе революціонный классъ, является исторически призваннымъ носителемъ наиболѣе крайнихъ тенденцій, общихъ всѣмъ оттѣнкамъ демократіи, и естественнымъ представителемъ всѣхъ другихъ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ слоевъ населенія. Его интересы обнимаютъ и интересы этихъ слоевъ, поэтому обезпеченіе за соціальдемократіей, какъ

политической организацией представителей русскихъ рабочихъ, гегемоніи въ борьбѣ за политическую свободу не идетъ въ разрѣзъ съ стремленіями радикальной демократической оппозиціи; наоборотъ оно послужитъ для нихъ и для нея самымъ надежнымъ оплотомъ противъ враговъ общенародной свободы и равноправія.

Но мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечно далеки отъ индифферентнаго отношенія къ развитію политической самодѣятельности и въ другихъ общественныхъ кругахъ. Мы прекрасно знаемъ, что для разрушенія зданія абсолютизма необходимы совмѣстныя усилія всѣхъ элементовъ русской демократіи, а потому всегда радостно будемъ привѣтствовать всякія серьезныя проявленія оппозиціоннаго духа во всѣхъ слояхъ народа и общества и будемъ поддерживать принципіально расходящіяся съ нами оппозиціонныя и революціонныя группы или фракціи во всѣхъ случаяхъ, когда общедемократическіе интересы этого требуютъ. Руководясь такими взглядами на задачи русской соціальдемократіи и на ея отношеніе къ другимъ революціоннымъ и оппозиціоннымъ элементамъ, мы заодно съ товарищами нашими, редактирующими „Искру“, обращаемся съ призывомъ ко всѣмъ, кого „гнететъ и давитъ современный политическій строй, мы предлагаемъ имъ страницы нашихъ изданій для разоблаченія всѣхъ гнусностей русскаго абсолютизма“.

Излагать подробно программу нашего изданія мы считаемъ излишнимъ. Изъ вышесказаннаго само собою видно, что рядомъ со статьями о текущихъ событіяхъ русской и заграничной жизни вообще и рабочаго движенія въ особенности, въ „Зарѣ“ видное мѣсто займутъ и статьи по вопросамъ, касающимся, во первыхъ, теоріи и практической политики марксизма, а во вторыхъ, спеціально программы, организаціи и тактики русской соціальдемократіи.

Изданія М. М. Дружининой и А. Н. Максимовой.

П. Б. Аксельродъ. Борьба соціалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ революціонномъ движеніи. Стр. XX + 128. Ц. 45 к.

Л. Аксельродъ (Ортодоксъ). Философскіе очерки. Отвѣтъ философскимъ критикамъ историческаго матеріализма. Стр. VIII + 233 Ц. 1 р.

Складъ изданій у В. К. Гауера—В. О., 10 л., д. 27, кв. 5.

Изданія „Библіотеки Обществознанія".

Е. А. Кувшинская. Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англіи. Стр. 224. Ц. 80 к.

Н. М. Тахтаревъ. Отъ представительства къ народовластію. Къ изученію новѣйшихъ стремленій политическаго развитія современнаго общества. Стр. 228. Ц. 1 р.

Складъ изданій—Гусевъ пер., д. 6, кв. 18

Цѣна 45 коп.

Склады изданія:

у В. К. Гауера — Спб., В. О., 10 л., д. 27, кв. 5 и въ книжномъ складѣ *„Новая Жизнь"* (Соловьевой и Никольской)—Спб., Троицкая ул., д. 3.

2007042330